ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ • 1974 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наш вожатый— **КОМСОМОЛ!**

12 июля 1924 года открылся VI съезд РЛКСМ, который принял решение присвоить комсомолу имя Владимира Ильича Ленина. В манифесте ко всем комсомольцам, ко всей рабоче-крестьянской молодежи, принятом на съезде, говорилось: **«Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен... приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи прониклась волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные Лениным...**

Всесоюзный съезд КСМ, принимая имя Ленинского комсомола, клянется, что какие бы препятствия на нашем пути ни стояли, каких бы жертв от нас ни потребовали, мы выполним все эти задачи, мы не уроним знамени Ленина».

И комсомольцы всех поколений были верны этой священной клятве.

В годы гражданской войны в руках юных побывали трехлинейки красногвардейцев, пики буденновцев и клинки красных казаков. Сергей Миронович Киров, вспоминая эти годы, говорил: «...и мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с завистью смотрели на героев, которых давал тогда комсомол».

Ты хорошо знаешь о подвиге матроса Железняка, Виталия Бонивура, арзамасского комсомольца Аркадия Гайдара. Пять тысяч комсомольцев стали кавалерами ордена Красного Знамени, а Ленинский комсомол в 1928 году за героические подвиги в гражданской войне был отмечен первой наградой Родины — орденом Красного Знамени.

Страна строила новые города и заводы. Страна училась. Страна крепила оборонную мощь. В первых рядах строителей были комсомольцы. Вместе со старшими они возводили Днепрогэс и Магнитку, Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, прокладывали Турксиб. В эти годы на всю страну прозвучали пламенные слова: «Весь союз — ударная бригада пятилетки». В 1931 году на знамени комсомола засияла вторая награда — орден Трудового Красного Знамени. Это был орден за самоотверженный и ударный труд на фронтах пятилетки.

Когда грянула война, сотни тысяч комсомольцев взяли в руки оружие. Ты читал о подвиге Николая Гастелло и Александра Матросова, Зои Космодемьянской и Олега Кошевого. Но знаешь ли ты, что 263 бойца Красной Армии повторили подвиг Александра Матросова! Более пяти миллионов молодых бойцов вступили в ряды ВЛКСМ в годы войны. Вот короткие строчки из протокола комсомольского собрания у стен Сталинграда: «Слушали: о поведении комсомольцев в бою. Вопрос к докладчику: существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции? Ответ: из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание: смерть».

Подвиг комсомола в годы войны отмечен в 1945 году третьей наградой Родины — орденом Ленина.

В послевоенные годы на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на стройках, в научно-исследовательских институтах — всюду комсомольцы были в первых рядах. Они возрождали разрушенные войной города и села, Днепрогэс, шахты Донбасса, домны Запорожья. За труд, за

каждодневный подвиг в 1948 году на знамени комсомола появился четвертый орден — орден Ленина.

Целина... Двадцать лет назад сюда приехали первые целинники, чтобы разбудить вековую тишину бескрайних просторов. Освоение целины — великий подвиг партии и народа. **«Лучших своих представителей направил на трудное дело комсомол, — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины. — По комсомольским путевкам, по зову сердца на освоение целинных земель прибыло свыше 500 тысяч юношей и девушек. За большой вклад в освоение целины Ленинский комсомол награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина».**

В 1968 году страна отмечала 50-летие Ленинского комсомола. Это был всенародный праздник. За верность идеалам Революции, за героизм и мужество в боях с врагами нашей Родины, за ударный труд, за воспитание подрастающего поколения в духе преданности заветам Ленина комсомол был удостоен шестого ордена — ордена Октябрьской Революции.

Комсомольская летопись продолжается, ее продолжают парни и девчата в рабочих спецовках на КамАЗе и на Липецкой Магнитке, на хлопковых полях Узбекистана и в колхозах нечерноземной зоны. Ее продолжают и семь миллионов комсомольцев-старшеклассников, которые учатся у рабочего класса и равняются на рабочий класс. Делегат XVII съезда ВЛКСМ, бригадир ученической бригады Саша Гусак с Полтавщины за ударный труд награждена орденом «Знак Почета». Вот что писала она в своем школьном сочинении: «Комсомол, ты для меня подвиг Корчагина и Зои Космодемьянской, трудовая слава Магнитки и целины. Ты моя совесть и гордость. В тебе — частица моей жизни. Пусть немного успела я за свои семнадцать лет. Но я знаю твердо: все, что сделаю для Родины, для людей, это и будет моим комсомольским взносом».

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ! СЕГОДНЯ ТЫ НОСИШЬ ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК. ТЫ ГОТОВИШЬСЯ ВСТУПИТЬ В РЯДЫ ВЛКСМ. ДЕРЖИ РАВНЕНИЕ НА ЛУЧШИХ СЫНОВ НАШЕЙ РОДИНЫ — КОММУНИСТОВ И КОМСОМОЛЬЦЕВ, БЕРИ С НИХ ПРИМЕР!

Рисунки В. ДУДКИНА и Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ИЮЛЬ 7
Издательство «Правда»
Москва 1974 г.

Сергей Алексеевич БОРОЗДИН,
член КПСС с 1919 года,
делегат VI съезда комсомола

Комсомольцы никогда не подведут!

Июль 1924 года. С делегацией бакинских комсомольцев я еду в Москву. В те годы я был комсоргом бригады эсминцев Каспийского военно-морского флота, и моряки послали меня на VI съезд делегатом.

Поезда ходили тогда не так быстро, как сейчас, и в вагоне мы еще раз успели обсудить все, что нам хотелось сказать на съезде.

Москва встретила нас солнцем. У Большого театра уже было много молодежи. Все вместе мы вошли в ярко освещенный многоярусный зал. Вспыхнули комсомольские песни. Генеральный секретарь ЦК комсомола Николай Чаплин предоставил слово члену Бюро ЦК комсомола Оскару Тарханову. От имени ЦК он обращается к нам, комсомольцам всей страны: мы должны привлечь в наши ряды как можно больше трудящейся молодежи и воспитать ее в духе ленинских идей—это будет лучшим памятником Ильичу. «И для того, чтобы сделать эту мысль ясной и понятной каждому,—говорит Тарханов,—мы решили переименовать наш союз в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи».

Стоявший рядом со мной молодой шахтер не выдержал и горячо воскликнул:

— Да это же наше второе рождение, товарищи!

Зал взорвался аплодисментами.

Многие из тех, кто был в тот день в зале, хорошо помнили III съезд комсомола. На этом съезде выступал Владимир Ильич Ленин. VI съезд проходил уже без него. Не утихло, не улеглось еще наше большое горе, и поэтому всем особенно дорого было выступление друга и соратника Владимира Ильича Надежды Константиновны Крупской. В самое тяжелое для себя время Надежда Константиновна была с нами, с молодежью. Ее

Рисунок Ю. ФОМЕНКО.

XVII съезд ВЛКСМ приветствуют делегаты VI съезда комсомола. Слева направо: участник штурма Зимнего А. Н. Панов, боец второй Конной армии А. П. Шерудилло, один из первых посланцев комсомола на флот С. А. Бороздин, генерал И. Д. Копылов, старые большевики С. С. Федоров и Н. С. Орехов. На трибуне — чрезвычайный и полномочный посол СССР В. А. Зорин.

слова падали в живую тишину зала. Надежда Константиновна говорила о том, что нужно упорно работать, не жалея своих сил, учиться делу коммунизма. Тот не революционер, кто боится черновой работы. И еще сказала Надежда Константиновна, мы должны растить себе смену, должны стать вожатыми пионеров.

Пионерская организация в ту пору переживала раннюю весну,— в стране было уже больше двухсот пятидесяти тысяч пионеров. И нам, комсомольцам, надо было привлекать детей в пионерскую организацию, учить их работать интересно и с пользой для общества, помочь пионерам стать вожаками еще не организованных ребят.

Нам, комсомольцам, предстояло многое сделать. В принятом на съезде «Манифесте ко всей рабочей и крестьянской молодежи» были такие слова: «Коммунизм не падает с неба, а строится победоносными рабочими фабрик и полей». Страна была технически отсталая, нужно было восстанавливать фабрики и заводы, организовывать ФЗУ, где молодежь могла бы получить специальности, необходимые молодому государству. И в деревне непочатый край работы. Кулачье поднимает голову. Бедняки еще не объединены в кооперативные хозяйства. Большинство крестьян и рабочих неграмотно. В стране полно беспризорников.

Но мы не боялись трудностей. Уезжали со съезда в приподнятом настроении, всем хотелось поскорее взяться за дело.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как комсомол носит имя В. И. Ленина. И носит это имя с честью! Сейчас не найти у нас в стране завода, колхоза, шахты, где бы не работали комсомольцы. Они всегда впереди! Многие главные стройки пятилетки названы «ударными комсомольскими». У партии огромная армия верных и надежных помощников — тридцать четыре миллиона! И партия доверяет комсомолу самую ответственную работу, потому что знает,— комсомольцы никогда не подведут!

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПАРОЛЬ — НАДЕЖДА

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Книга вторая

УРОК У МАТРЕНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ

Каждый раз Надя едет на Загородный проспект со стесненным сердцем, с чувством неудовлетворения. В училище Поспеловой она преподает алгебру и геометрию, а готовят здесь модисток, белошвеек, вышивальщиц и кружевниц. Принимают девочек по окончанию трехклассного городского училища.

Надя пытливо всматривается в новый для нее мир. Ученицы профессионального училища отличаются от гимназисток и внешним видом, и поведением, и своим кругозором. Это дочери мелких чиновников, ремесленников. Одеты девочки в серые «сиротские» платья, поверх белые фартуки, чтобы не загрязнить «товар».

Классы тоже необычные. Вместо парт длинные, во всю комнату, столы. В одном классе на столе куски материи и бумажные выкройки, по углам — безголовые деревянные манекены, на треножниках, у окон — гладильные доски. Здесь обучают кройке и шитью. В другом — круглые валики, обтянутые черным сукном с подвешенными коклюшками, пяльцы с натянутым полотном, пряди цветных ниток. В этом классе готовят кружевниц и вышивальщиц. В третьем — на столе нагромождена проволока, гофрированная разноцветная бумага, обрезки шелка, бархата. Здесь делают цветы. В кори-

Первая книга печаталась в «Пионере» в 1972 году. №№ 8—12.

— *Я хочу все понять, все успеть. А главное, хочу помочь людям,— повторяет Надя.*

доре угарный чад от горячих утюгов, запах клея, красок.

И педагоги не такие, как в гимназии. Кружевниц готовит малограмотная пожилая женщина Матрена Васильевна. Высокая, плотная, неторопливая. Темный платок, заколотый булавкой под подбородком, обрамляет красивое, иконописное лицо. Очки подвязаны суровой ниткой поверх платка. Под стать ей и другие учительницы. Каждая из них опытный мастер своего дела. К молоденькой учительнице математики относятся снисходительно, называют ее «барышня».

Ученицы проявляют больше любопытства к Наде, чем к изучению математики. Обычно юркие, подвижные, они на ее уроке становятся вялыми, сонными и часто не могут скрыть зевоты. Надежда Константиновна объясняет алгебраическую задачу. Постукивая по доске мелом, выводит иксы и игреки, круглые и квад-

ратные скобки. Мел вкусно хрустит, выстраиваются строчки четких букв и знаков.

Одна из девочек не выдерживает и восхищенно восклицает:

— Ну, чистое кружево, до чего вы красиво пишете!

Сами они выходят к доске неохотно, пишут плохо, соображают туго. Построить геометрическую фигуру, доказать теорему для каждой из них мука мученическая. Между тем Надя видит, с каким старанием они обметывают петли, делают мережку, сколько изобретательности проявляют при решении вопроса, как уложить волан и подшить невидимым швом кружево.

Алгебра и геометрия в училище введены как обязательные предметы, но всеми почитаются за ненужное.

— Зачем это девчонкам ваши выкрутасы на доске, в жизни-то им это никогда не пригодится, — говорит Матрена Васильевна. — Зря мучаете их. Моя бабка и мать были вовсе не грамотны, а уж такие мастерицы были кружево плести. К ним барыни с Невского приезжали и деньги большие платили.

И Надя понимает, что старая мастерица права. Судьба каждой ученицы к концу первого года обучения уже определена. Одни, самые способные, пойдут в модную лавку «мадам Жаннет» или «мадемуазель Полин» на Невский, а большинство из них будут коротать свой век белошвейками в какой-нибудь маленькой мастерской на окраине Петербурга.

Надя не мастер в рукоделии. Она может пришить по всем правилам пуговицу «на ножке», положить аккуратную заплатку — беда с локтями, всегда на них платье протирается, — может искусно заштопать чулок, пришить воротничок и манжеты. На этом, пожалуй, и кончаются ее познания в рукоделии. В детстве Надя пыталась вязать, но расцарапала себе указательный палец на левой руке вязальным крючком. Палец стал нарывать. И Елизавета Васильевна больше не неволила дочь. Она и сама не любила ни шить, ни вязать, хотя всему этому была обучена в Павловском институте. В семье Крупских предпочитали скатерти и занавески без кружев, диваны без вышитых подушек. Было не до украшений, да и жаль тратить время, которое можно употребить на чтение книг.

Мать и дочь зарабатывали на жизнь уроками. Елизавета Васильевна преподавала французский язык на дому. Надя репетировала группу девочек в гимназии Оболенской, а теперь вот получила место учительницы.

О многом бы хотелось Наде рассказать своим ученицам, увлечь интересной книгой. Но начальная алгебра и геометрия так строги и ограниченны... Надя начертила однажды на доске деревянным циркулем окружность, провела диаметр и, на минуту задумавшись, стала чертить параллели, пересекла их меридианами. Рядом начертила второй круг. Обозначила на полушариях контурами страны света, заштриховала их и принялась рассказывать, как устроен мир... Увидела в глазах девочек огонек заинтересованности и сама увлеклась. Не заметила, как в дверях появилась директриса. Мадам Поспелова вскинула лорнет к глазам, поглядела на доску, пожала плечами.

— Мадемуазель Крупская, у меня география программой не предусмотрена. Лучше бы вы занимались геометрией, — сказала она холодно.

Надя осеклась. Стерла страны, экватор превратился в диаметр. Стала объяснять, как по радиусу вычислить длину окружности. С горечью отметила, что девочки облегченно вздохнули, когда прозвенел звонок.

На перемене ученицы окружили Надю и, искушенные в моде, стали советовать ей фасоны юбок и блузок.. «Голубое вам должно пойти», — сказала одна из девочек. Другая советовала отделать рукава воланами. Надя обещала подумать о своих туалетах, а сердце ее щемило от какой-то неудовлетворенности.

Звонок позвал учениц на очередной урок. Они весело встрепенулись.

— Пойдемте с нами, Надежда Константиновна, знаете, как интересно.

И Надя пошла. Матрена Васильевна осмотрела из-под очков своих воспитанниц. Одной велела волосы подобрать, другую послала руки вымыть, третьей сказала, чтоб не сутулилась. Потом бережно расправила на бумаге сухой кленовый листок, легонько поколотила по нему щеткой, подула и, подняв лист за черешок, показала его девочкам.

— Гляньте-ко, какое кружево господь бог сотворил.

Сложно переплетенные жилки кленового листа действительно походили на тончайшее кружево.

— Вот мы с вами и попробуем изобразить это божье творение на бумаге, а потом подумаем, как его нашими руками в кружеве повторить. С чего начинать-то будем? С черешка?

Матрена Васильевна взяла в руки карандаш и стала вырисовывать на бумаге кружевную вязь прожилок. Девочкам велела делать то же.

И Наде захотелось присесть к столу и остро отточенным карандашом запечатлеть это чудо природы.

Видя по лицу барышни-учительницы, что она вникает, понимает ее искусство, старая мастерица подвинула ей свою папку с рисунками. Надя перекладывала листы бумаги, рассматривала причудливые узоры инея, снежинки, пушинки одуванчика, перья птиц, контуры паучков, бабочек. Эти зарисовки Матрена Васильевна переводила на валик и, позвякивая коклюшками, какими-то мимолетными, взволнованными движениями пальцев превращала в кружево.

У Матрены Васильевны был глаз настоящего художника, она училась у самой природы. И эту наблюдательность умела передать своим ученицам.

— Гляньте-ко, не поленитесь рано утречком, какими звездами сияют на солнышке росинки, душа взыграет. Зимой снежинки на ладонь ловите и рисуйте, рисуйте, память человеческая

забывчива... Надо кружево плести так, чтобы в нем труда видно не было, а одна красота.

Матрена Васильевна обошла своих учениц, внимательно осмотрела работу каждой.

— Вот, к примеру, возьмите это кружево. Варь, это твоя работа? — спросила она, обратившись к девочке с двумя косицами за ушами.

— Моя, Матрена Васильевна.

— Поглядите. Каждый жучок в этом кружеве сделан с отличностью, ниточка к ниточке, а как взглянешь на него, вздохнешь. Ну сколько же труда и терпения в меня уложено, говорит жучок. Тяжелый он и трудный. А вот жучок у Таиски легкий, ну, сейчас взлететь хочет, и никакого труда не видно. Работала над ним долго? А, Таиска? Долго мучилась?

— Да, — робко произнесла девочка, не зная, понимать замечание мастерицы как похвалу или как укоризну.

— Вот-вот, стараться надо, чтобы труд этот не виден человеку был. Труд красотой должен отражаться...

Девочки смотрели на мастерицу влюбленными глазами, сидели не шелохнувшись.

Матрена Васильевна сумела найти ключик к сердцу каждой, расшевелить воображение, увидеть прекрасное в обыденном, мимо чего человек равнодушно проходит.

Вечером Надя жаловалась матери на свою бездарность, неспособность привить девочкам любовь к алгебре и геометрии.

Елизавета Васильевна возражала:

— Девочек там обучают ремеслу. Никто не заинтересован, чтобы они получили широкое образование. Всем им суждено зарабатывать свой кусок хлеба в угарном чаду тесных мастерских. Едва ли кто из них прикоснется к книге. И даже такой талант, как у Матрены Васильевны, все равно погаснет, превратится в простое ремесло на потребу вкусу петербургских барынек.

— Здесь я себя чувствую лишней, надо думать о настоящем месте учительницы, — сказала Надя.

— Ну, что ж, попытайся, — согласилась мать. — Может, пойдешь в департамент, предложишь свои услуги? Отзывы у тебя похвальные. Попытка не пытка, отказ не беда.

Надя пошла в департамент министерства просвещения. Сидела в приемной и видела десятки таких же, как она, просительниц.

Директор принял учтиво, внимательно просмотрел бумаги.

— В Петербурге, мадемуазель Крупская, мы, к сожалению, вам ничего предложить не можем. Нет вакансий. Можем рекомендовать вас в тамбовскую, иркутскую или калужскую гимназии. Выбирайте.

Надя сидела и раздумывала. Директор, постукивая пальцами по столу, напомнил ей, что ждет ответа.

— Я согласна на Калугу, — ответила Надя упавшим голосом.

— Прошу вас написать прошение, приложить аттестаты и оплатить гербовый сбор.

Надя пришла домой и с порога сказала матери:

— Я еду учительницей в калужскую гимназию.

Елизавета Васильевна всплеснула руками.

— Из Петербурга в такую глушь? Я решительно против. Сама туда не поеду и тебя не пущу.

— Я уже подала бумаги, — ответила Надя устало.

«РАДИ ЧЕГО?»

Елизавета Васильевна поднималась по лестнице, не чувствуя тяжести корзины с продуктами. Хотелось поскорее обрадовать Надю. Наверное, она еще ничего не знает. У дверей поставила корзину и принялась шарить в ридикюле, разыскивая ключ. Не хватило терпения — дернула за шнурок звонка. Мысленно представила себе, как Надя весело и звонко рассмеется — наконец-то! — закружит ее по комнате и весь вечер они будут мечтать и готовиться, а завтра Надя пойдет на Десятую линию Васильевского острова подавать бумаги. Елизавета Васильевна еще и еще раз дернула шнурок. Затем порылась в ридикюле, вытащила злополучный ключ, вставила его в замочную скважину...

На столике перед зеркалом — записка: «Мамочка, я поехала на Бестужевские курсы. Возобновлен прием. Ура!»

Елизавета Васильевна присела на стул, расстегнула пальто, не отрывая глаз от записки. Междометие «ура» было красноречивее всех слов. Для Нади распахнулась дверь в жизнь. Она получит высшее образование.

Три года был закрыт прием на Бестужевские курсы — единственное в России высшее учебное заведение для женщин. Тысячи девушек, желавших приобщиться к науке, не могли этого сделать. Царь Александр III решил парализовать общественную активность женщин. Наука неизбежно приводит к безбожию, к неповиновению, возбуждает умы против богом данной власти. И царь повелел прекратить прием на курсы. Девушки потянулись учиться за границу, во Францию, Швейцарию. Возвращались они в Россию, «зараженные» всякими социалистическими, революционными идеями. Царизм спохватился: пусть уж учатся дома... И вот прием на Бестужевские курсы возобновлен, но состав слушательниц ограничен — всего четыреста человек. Четыреста женщин на всю Россию! На содержание курсов отпущено три тысячи рублей в год, а расходы фактически превышают сто!

«Что-то принесут Наде Бестужевские курсы? Какой факультет она выберет? — думала Елизавета Васильевна. — Не принять ее не могут —

великолепные отзывы отовсюду, где она преподавала».

Елизавета Васильевна повесила пальто и тут заметила конверт с государственным гербом. Вскрыла его — министерство народного просвещения, департамент женских учебных заведений прислал копию своего письма попечителю Московского учебного округа. Елизавета Васильевна читала: «Имею честь препроводить при сем на окончательное распоряжение Вашего сиятельства докладную записку дочери коллежского асессора Надежды Крупской о предоставлении ей должности учительницы русского языка или арифметики в женской гимназии в г. Калуге. Министр народного просвещения статс-секретарь граф Делянов».

Елизавета Васильевна взяла в одну руку записку Нади, в другую письмо Делянова, словно взвешивая их, и счастливо рассмеялась. Ну, конечно, Надя тоже все взвесила и все для себя решила.

Но невеселой вернулась Надя домой. Не бросилась на шею матери, не закружила ее по комнате. Молча прошла в комнату и села на диван. Взглянула на мать, увидела ее смятение и, предупреждающе подняв ладони, сказала:

— Не беспокойся, мамочка, на курсы меня приняли. На физико-математический. Уже познакомилась с инспектрисой...

— С инспектрисой? — удивилась мать. — К чему же это для взрослых людей инспектриса?

— Чтобы оградить нас от вредных влияний, следить за нашим поведением, чтобы мы не читали запрещенной литературы! В общем, дама-жандарм, хотя и очень миловидна, вся в кудряшках, с золотым пенсне на носу, с осиной талией. Разговаривает, мешая русский с французским... В общем, все как полагается. — Надя горько усмехнулась. — Теперь есть кому меня воспитывать!

Елизавета Васильевна нервно вытирала руки о фартук.

— И это тебя так расстроило?

— Не только это. На физико-математическом отделении запретили преподавать естественные науки. Зато богословие входит как обязательный предмет. Остались элементарная математика и механика, физическая география, физика... Ботаника, биология, зоология, агрономия стали опасными науками!.. Что мне даст такой курс?

— Ты получишь высшее образование. Диплом!

Надя встала и прошлась по комнате. Снова села на диван.

— Диплома не дадут. Государственных экзаменов не будет. Окончившим курсы запрещено преподавать в народных школах, я буду лишена даже тех прав, которые имею сейчас, после гимназии. Правительство опасается, что бестужевки понесут в деревню недозволенные идеи. Я потеряю даром четыре года.

Елизавета Васильевна почувствовала, что почва ускользает у нее из-под ног. Она села и сжала голову руками.

— Может, все же поехать в Калугу? — робко спросила Надя.

Мать взглянула на нее с укором.

— Мечешься ты, Надя. Сама не знаешь, чего хочешь. А годы идут. Все твои подруги давно замуж вышли. Счастливы. Неугомонная твоя Саша и та место в жизни нашла. Стала актрисой. Вышла замуж.

— Это все только временная сделка с жизнью. Как ты не понимаешь, мама?

— Я тебя просто не узнаю, — с отчаянием сказала Елизавета Васильевна, сжав в кармане пачку папирос, но не решаясь закурить при дочери. — Ты за все берешься и ничего до конца не доводишь. Литературный кружок бросила. С толстовским кружком порвала...

— Я и не связывала себя с толстовцами. Толстой тоже считает, что образование женщине ни к чему. Литературный кружок жизни не учит, а Шекспира я и сама могу читать.

— Что ж, — вздохнула мать, — поезжай в Калугу. Но решись же наконец на что-нибудь.

— Я ищу, мама, не место учительницы гимназии, а место в жизни. Понимаешь? Свое место в жизни. Обучать купеческих дочек в Калуге — тоже не моя цель. Я помню папины слова: «Я многого не успел, не сумел, не понял». Я хочу все понять, все успеть. А главное, хочу помочь людям, всем забитым и униженным найти подлинное счастье. Вот и мечусь, вот и ищу. И найду. Иначе не стоит жить!

— Тогда иди на Бестужевские курсы. Знания всегда помогут приносить людям добро.

Надя подошла к окну. Между рамами билась муха, стукаясь то в одно стекло, то в другое, она сползала вниз, взлетала, ощупывала лапками стекло, искала лазейку. Муха еще раз взлетела и попала в паутину. Быстро заработала лапками, стараясь освободиться, но только еще больше запуталась. Откуда-то появился паук, он легко пробежал по своей ловчей сети, перебирая высокими, изломанными ногами, притаился, словно наблюдая, и стремительно бросился на муху... Тончайшие тенета заколыхались, и по их вибрации было видно, какая борьба идет у паука с мухой. Паутина дернулась раз, другой и застыла.

Надя отошла от окна.

— Я обещаю тебе посещать Бестужевские курсы, — сказала она и ушла к себе в комнату.

Елизавета Васильевна хотела пойти за дочерью, но не решилась. Понимала, Надя плачет. Выплачется, станет легче. В кухне она вынула из кармана смятую папиросу, расправила ее, размяла и, встав около плиты, закурила, пуская дым под колпак. Стыдилась своей слабости. Скрывала от Нади. Каждую папиросу заедала кожурой лимона. Папиросы, как ей казалось, помогали справляться с нервами.

Между матерью и дочерью вырастала стена отчуждения, и это больше всего огорчало Елизавету Васильевну. Ей казалось, что если бы Надя нашла настоящего друга в жизни, устроила бы семью, ей легче было бы вместе с мужем заниматься полезными общественными делами.

Столько достойных людей могли составить счастье дочери! Присылают цветы, приглашают в оперу, на благотворительные базары. Иногда Надя принимает приглашение, на какое-то время оживляется, а потом снова уходит в себя, и когда мать как бы между прочим спрашивает, почему перестал приходить Федор Иванович, отвечает коротко: «Нет у него общественного интереса, нет большой цели в жизни. Я ему отказала». И так уже третий год... А Елизавете Васильевне уже пошел сорок девятый. Подкрадывается старость, все больше седых волос на висках. Неужто не доведется дожить?.. Она глубоко затянулась, разогнала дым рукой, бросила окурок в плиту...

В кухню заглянула Надя.

— Я пойду к Нине Герд, скоро вернусь,— сказала она.

Вечером «на огонек» зашел Борис Андреевич, старый друг семьи, профессор. Елизавета Васильевна приготовила чай. Для гостя — крепкий, почти черный, «морской». Профессор уверяет, что такой чай лучшее лекарство для старого сердца. Сидели, пили чай, курили. Елизавета Васильевна сетовала на дочь: Надя все больше замыкается в себе, она какая-то нецелеустремленная, разбрасывается. Все ищет «философский камень»...

Борис Андреевич молча покачивал головой.

— Удивляюсь я вам, Елизавета Васильевна. Разумная женщина, а любовь к дочери у вас слепая. Надюша чудесный, целеустремленный человек. Но она, как матрос, затерявшийся в пустыне, ищет дорогу к морю. Она рождена, чтобы плавать, а под ногами у нее сухой песок.

— Но ведь Бестужевские курсы — это прямой путь к океану познания,— возражала Елизавета Васильевна.— А Наде Бестужевские курсы не нравятся.

— И мне не нравятся,— горячо подхватил Борис Андреевич.— Как это можно естественные науки уложить в прокрустово ложе наших разбойников из министерства просвещения и отрубить от цепи ее главные звенья — ботанику, зоологию, биологию?! Физике отводится всего восемь часов в неделю. Богословие становится главным предметом. Это же варварство, вандализм!

— Тогда где же выход? Она так и будет метаться?.. Может, уговорить ее принять место учительницы в Калуге? Дело благородное...

— Нет, Надюшу не надо неволить. Положитесь на нее, доверьте ей самой решать свою судьбу. Она найдет дорогу к морю. Мне нравится в ней это упорство, которое вы принимаете за несобранность. Ее не устраивает быть просто образованным человеком. По-моему, она все время думает, как зарядить людей большой идеей. И она ищет эту идею, ищет ключ от счастья народного, который «заброшен далеко». Я сам всю жизнь искал его, да так и не нашел... Дай бог Наде не разочароваться!

— Дай бог! — вздохнула Елизавета Васильевна и взглянула на стенные часы.— Сегодня она ушла опять на какой-то кружок. Совсем закружилась.

Надя вернулась в одиннадцатом часу, вся промокшая. Сняла пальто, вытерла платком лицо, обняла мать, чмокнула в щеку Бориса Андреевича.

— Я надеюсь, тебя кто-нибудь проводил? — спросила Елизавета Васильевна, невольно любуясь дочерью. Она стояла перед матерью разрумянившаяся, стройная. Серенькая блузка подчеркивала молодую яркость глаз.

— Конечно. Я была на собрании народников.— Надя налила себе чаю, взяла из сухарницы баранку.— Шла я туда и представляла, что увижу чудо-богатырей, выходивших с бомбами и револьверами на поединок с царем, губернаторами, сенаторами. А увидела...— Надя махнула рукой.— Они вспоминают прошлое и совсем не умеют смотреть вперед, словно у них глаза на затылке. Уверяли меня, что сейчас наступила пора малых дел и надо довольствоваться тем, чтобы обучать людей грамоте. Я увидела сраженных людей, которые считают, что впереди им ничего не светит.

Надя встала и, быстро перебирая пальцами кончик косы, прошлась по комнате. Отдернула портьеру, взглянула за стекло. Увидела черный комочек — паук расправился с мухой. «Как страшно!» Надя села за стол.

— Мне показалось, что я была на похоронах.

— Опять не то? — спросила мать.

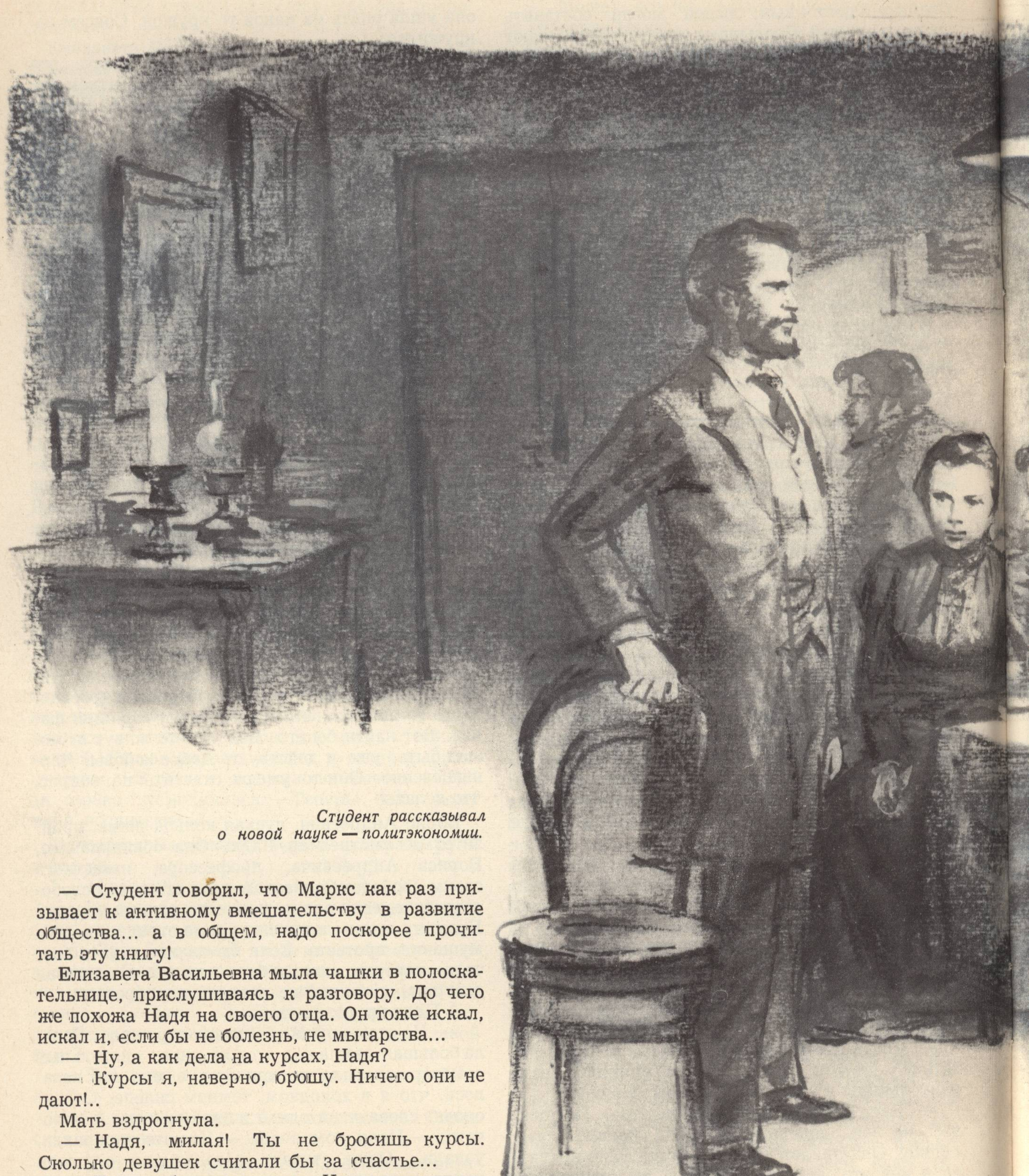
— Не то, не то! — убежденно ответила Надя.— Я вспомнила, как вы, Борис Андреевич, когда-то сказали, что нужен вечно горящий факел. Вот найти бы его. Ведь где-то живут и, может быть, уже и действуют Добролюбовы, Чернышевские. Они-то умеют ответить на вопрос, что делать!

Борис Андреевич, пуская кольца дыма, пронзительно смотрел на Надю. Она обвиняла его, Бориса Андреевича, профессора, известного своим свободомыслием. А чего стоит это свободомыслие, если оно не принесло пользы народу? Прожита жизнь, и ничего, кроме отрицания, возмущения, протеста. Если бы он мог начать сначала, наверно, искал бы, как эта ясноглазая девушка, с таким же завидным упорством.

А Надя продолжала:

— На этом кружке было так страшно... Горела большая лампа над столом, кипел сиятельный самовар, спорили до хрипоты, а мне все казалось, что я в холодном, темном склепе. Слова, слова, слова и ни одной живой мысли. А впрочем...— Надя помолчала.— Кое-что я, правда, узнала... Один студент рассказывал о новой науке — политэкономии, о законах развития человеческого общества, которые открыл немецкий ученый Карл Маркс. Студент обещал принести мне его книгу. Называется «Капитал».

— Я слыхал об этом ученом,— сказал Борис Андреевич.— Говорят, он очень обоснованно доказывает, что человеческое общество развивается по определенным законам, переходит с одной ступени развития на другую, более высокую, независимо от желания людей.

Студент рассказывал о новой науке — политэкономии.

— Студент говорил, что Маркс как раз призывает к активному вмешательству в развитие общества... а в общем, надо поскорее прочитать эту книгу!

Елизавета Васильевна мыла чашки в полоскательнице, прислушиваясь к разговору. До чего же похожа Надя на своего отца. Он тоже искал, искал и, если бы не болезнь, не мытарства...

— Ну, а как дела на курсах, Надя?

— Курсы я, наверно, брошу. Ничего они не дают!..

Мать вздрогнула.

— Надя, милая! Ты не бросишь курсы. Сколько девушек считали бы за счастье...

— Ты ошибаешься, мама. На четыреста вакантных мест записалось всего сто четырнадцать человек, причем на физико-математический факультет только тридцать семь. Те, кто мечтал о серьезной учебе, узнав, что естественные науки изъяты из программы, не пошли на курсы. Нашлись, конечно, энтузиастки, которые еще на что-то надеются. Я должна знать, ради чего я потеряю четыре года!

Борис Андреевич и Елизавета Васильевна молчали. Надя подошла к столу и стала считать окурки в пепельнице.

— Итак, Борис Андреевич выкурил девять папирос, а мамочка — шесть. Не слишком ли много, мамочка?

Елизавета Васильевна не ответила.

— Я ведь давно заметила, что ты куришь. Не скрывай от меня. Подумала бы ты лучше о своих легких... Вот видите, Борис Андреевич, никакого равноправия у нас с мамой не получается. И взаимного понимания тоже нет. Мама понимала отца, помогала ему во всем, а я для нее все еще несмышленыш...

Надя посмотрела на низко склоненную голову матери, вздохнула, положила руки на ее плечи. Сколько белых прядей вплелось в мамины волосы, и многие из них по ее, Надиной, вине.

— Об одном прошу тебя, — сказала она тихо. — Не таись от меня. И не бойся, я курить никогда не буду. Но мне надо заниматься не только личным самоусовершенствованием, надо скорее окунуться в жизнь, посмотреть, и не только посмотреть, а своими руками делать работу, которую делают миллионы людей. Пойти работать в прачечную, или белошвейкой, или табачницей на фабрику?

— Зачем?

— Может быть, я стану не только сочувствующей, но и научусь бороться, научу других.

— Поедем весной в деревню, — предложила мать. — Снимем простую избу, вот ты и узнаешь жизнь.

— Так и сделаем. Так и сделаем!

В ДЕРЕВНЕ

Со станции ехали на телеге. День был ветреный, хмурый, теплая испарина поднималась от пашен, расстилавшихся на пологих холмах, как лоскутное одеяло. Ухабистая, тряская дорога, раскисшая от весеннего паводка в низинах, пылящая на холмах, вдруг нырнула в лесок, обогнула зыбкое болото, протянулась вдоль речки и повернула на шаткий бревенчатый мостик. Обычная российская проселочная дорога.

Надя, сощурив глаза, вглядывалась в опушенные межами полоски земли, то рыжеватые, словно покрытые ржавчиной, то зеленеющие нестерпимо яркой щеточкой всходов.

— Смотри, мама, как хорошо взошли озимые, урожай обещает быть хорошим.

Елизавета Васильевна рассмеялась.

— Сразу видно, что начиталась Докучаева и Тимирязева. Даже можешь отличить рожь от овса.

Ямщик, молодой кудрявый парень, назвавшийся Степаном, оглянулся на женщин и усмехнулся.

— Неужто про то, как рожь сеют да овес, книжки написаны? Зачем барышне это знать? Ваше дело — хлебушек кушать, а про то, как он растет, один мужик знает. Урожай-то, он от бога.

Надя поежилась. Конечно, для этого парня она «барышня», белоручка.

— А я хочу всей крестьянской работе обучиться, — решительно сказала она.

— Ни к чему это, — отрезал Степан. — Вам лучше в лес ходить по грибы да по ягоды, коли комаров не боитесь. Вон там, — указал он кнутовищем на березовую рощу, — грибов в хорошее лето вдосталь. Ребятишки лукошками таскают. А возле нашей деревни в лесу полно земляники, малины, костяники, всякой ягоды, только собирать ее некому, да и ни к чему она...

— Почему же ни к чему?

— Ну, от хвори малины насушишь. Хорошо бы, конечно, брусники намочить, но опять же бочки нужны. В Петербург везти продавать несподручно — далеко... В Питере варенье варят, а нам сахару-то откуда взять, он в поле не растет, а деньги большие стоит.

— Мы к Сидориным едем, вы их знаете? — спросила Елизавета Васильевна, чтобы сменить разговор, который, мать видела, растревожил Надю.

— У нас полдеревни Сидориных. Вы, наверное, к хромому Якову. Он хвалился к нему дачники из Питера приезжают.

— Да, да, к Якову Захаровичу.

— Ладный мужик, — похвалил Степан. — Детишек у него больно много и жена хворая. Одна у него помощница — старшая дочка Фрося. А ну, окаянная! — стегнул Степан лошадь, которая заупрямилась, вступив на зыбкие гати, уходившие из-под копыт в жидкую грязь.

За речкой дорога круто повернула вверх.

Надя спрыгнула с телеги и пошла по подсохшей обочине. Под ногами шуршала рыжеватая, прошлогодняя трава. По склону росли редкие березы сучьями враскидку. Кривоватые, иззябшие за зиму, взлохмаченные февральскими метелями, еще полусонные, они, казалось, вытаскивали комли из набухшей земли наверх, поближе к солнцу. Весенний ветер распутывал тонкие гибкие ветви, сдувал со стволов прозрачную шелуху.

За пригорком открылись неоглядные дали, поля, пересеченные проселочными дорогами, островками кустарников и рощ.

— Теперь до нас рукой подать! — сказал Степан.

Лошадь бежала рысцой, весело помахивая мордой. Теплый ветер широким упругим крылом прижимался к земле, согревал ее, пробуждал к жизни.

Ехали молча.

Надя придерживала рукой сундучок с книгами и думала о том, что здесь, под рукой у нее, истина, которая подскажет, как дальше жить. Так сказал тот угловатый студент с хорошими карими глазами, с бледными, ввалившимися щеками.

Как много прочитано книг! Но что они ей дали? Пожалуй, воспитали ненависть к существующим порядкам, ненависть к царизму, к людям, которые живут за счет чужого труда... Наблюдательная и критически мыслящая, Надя и сама видела мерзость русской жизни. Но мало научиться ненавидеть, мало уметь различать повадки врага, его коварство, надо научиться бороться с ним. А как бороться? Каким оружием? С кем идти вместе? Надя представляла себе сообщество людей свободных, умных, грамотных, связанных между собою чувством дружбы, взаимопонимания, лишенных зависти, лени, коры-

сти, злобы. А жила она в мире, которым управляло корыстолюбие, человеконенавистничество, в котором беспощадно гасилось все разумное доброе. Где же тот мостик от несправедливости к добру, от угнетения к свободе, от вражды к братству, от темноты к свету? Она не знала. Борис Андреевич тоже не знал. И ее друзья не знали. И мама, милая, любящая, ненавидящая зло, тоже не может ей помочь. Для мамы главное, чтобы Надя была довольна, сыта, здорова. Но такая забота — как о ребенке, — пожалуй, только раздражает!

«Не любит меня Надя, в тягость я ей, — сокрушала себя горькими мыслями Елизавета Васильевна. — С Борисом Андреевичем она более откровенна, чем со мной. Мать, наверно, не может быть другом дочери. Что я, в самом деле, могу дать ей?.. Что посоветовать? Может быть, здесь, в деревне, мы лучше поймем друг друга?»

— Мамочка, помнишь Студенец? Учительницу Тимофейку помнишь? — Голос дочери вывел Елизавету Васильевну из раздумья.

— Конечно, помню. Десять лет назад это было. И тоже была весна.

— Где она, моя милая Тимофейка? В тюрьме? Или на воле, снова обучает ребятишек? Может быть, и мне податься учительницей в сельскую школу?

Елизавета Васильевна вздохнула.

Навстречу все чаще стали попадаться телеги, груженные навозом, с воткнутыми в него вилами.

Вдоль речушки вытянулся ряд серых изб под соломенными крышами, похожих на нахохлившихся воробьев.

— Здравствуй, Петрович... Здорово, Иван... Бог в помощь, — приветствовал Степан односельчан.

Хорошее русское приветствие: «Бог в помощь». Не о боге тут речь, а о пожелании удачи, успеха в нелегком мужицком труде, которого и богу не осилить. В городе такое приветствие услышишь редко. На пристани, на стройках в городе слышится: «Раз, два — взяли! Еще раз! Еще раз!..»

У второй избы с краю Степан натянул вожжи.

— Тпру-у-у... Приехали, значит.

С крыльца сбежала девушка, загорелая, стрельнула в Степана глазами, потуже завязала под подбородком концы платка и поклонилась гостям:

— Милости просим. Мы ждали вас после полудня, избу еще не успели приготовить.

Степан развязывал веревки, которыми был закреплен багаж, и, взвалив на плечи большой узел, понес в избу. По дороге шепнул что-то озорное девушке, отчего та зарделась и рассмеялась.

— Фрося я, — сказала девушка, глядя на приезжих исподлобья. Она сняла с телеги Надин сундучок. — Ишь, тяжелый какой, приданое там, что ли?

— Капитал, — таинственно сказала Надя.

— Неужто денег столько?

— Книги там.

Набежали ребятишки, вышла на крыльцо пожилая женщина, пригласила в избу.

Для Крупских была отведена чистая половина пятистенной избы. Все убранство бревенчатой комнаты состояло из икон, украшенных бумажными розами, висевших в красном углу. Между окнами — стеночка от календаря с ярким олеографическим портретом царя Александра III. До блеска выскобленный стол, широкие скамьи вдоль стены. У стола две табуретки.

Вещи сложили на скамьях, и Фрося попросила:

— Пойдите отдохните на вольном воздухе, а я мигом полы вымою.

— Будем мыть вместе, — сказала Надя, проворно снимая туфли и чулки.

Фрося принесла ушат с горячей водой, всыпала в него из совка золу и, уловив вопросительный взгляд барышни, пояснила:

— Зола заместо мыла. Пол будет, как желточек.

Подоткнув юбку, Фрося опустила лыковое мочало в ушат и побежала в передний угол, оставляя за собой широкую мокрую полосу.

— Давай я помогу.

— Ладно, — согласилась Фрося. — Ты будешь окатывать доски чистой водой и вытирать вон той тряпкой.

Надя едва успевала за проворной девушкой.

Порог Фрося посыпала крупным песком и тщательно оттирала его березовым «голяком». По высохшему полу раскатала от порога до красного угла пестрый половик.

Потом Фрося помогла Наде распаковать узлы. Елизавета Васильевна повесила на окна белые занавески, покрыла стол клеенкой, разложила на широких лавках тюфячки, застелила их простынями, взбила подушки и покрыла постели старенькими пикейными одеялами. В бревенчатой комнате стало уютно.

Фрося с восторгом осмотрела одеяла, занавески, клеенку, пощупала все руками и одобрительно заметила:

— Богато!

И Надя поняла, что для крестьянской девушки недоступным богатством была просто чистота...

В комнату вошла худенькая старушка с ребенком на руках. Такие же, как у Фроси, карие глаза. Беззубый рот улыбался какой-то младенческой улыбкой. За подол старухи уцепились две девчушки, видно, погодки, четырех-пяти лет.

— Здравствуйте, барыня, здравствуйте, барышня, — поклонилась старуха. — Пожалуйте откушать, что бог послал.

— Спасибо, бабушка, — ласково ответила Надя.

— Как ваше имя и отчество, как величать-то вас? — спросила Елизавета Васильевна.

— Зовите просто Степанидой. Чего там по отчеству-то!

— Это ваша бабушка? — спросила Надя Фросю, когда женщина вышла.

Фрося рассмеялась, показав мелкие зубы.

— Что вырастет из этого семечка?

— Какая бабушка? Моя маманя, а то все ее дети.

— Сколько же ей лет? — спросила Надя.

Фрося сморщила брови.

— Ой, много! Поди, сорок два, не то сорок три. Кто у нас годы-то считает, только девки на выданье.

Надя внутренне ахнула, перевела взгляд на мать. Елизавете Васильевне шел пятидесятый год, но ее никто еще не называл бабушкой.

— Сколько же детей-то?

— Было одиннадцать. Осталось восемь. Я самая старшая, а маленькому на Николу полтора будет... Маманя у нас больно хворая, хоть бы не померла! Тогда мне их всех тащить придется.

Пошли на другую половину избы. На столе стоял чугун с картошкой, полкаравая черного хлеба. Ребятишки облепили стол.

— Марш отседова! Сначала господа поедят.

За стол сели Степанида Ивановна, Фрося, хозяин. Все встали, перекрестились. Надя нерешительно подняла руку и... перекрестилась тоже — нехорошо было обижать хозяев.

Ели вареную картошку, очищая ее от кожуры, макая в крупнозернистую соль.

Степанида Ивановна сидела рядом с Елизаветой Васильевной и легко могла сойти за ее мать, хотя и была на несколько лет моложе.

Нечеловеческий труд крестьянки состарил ее прежде времени. Она работала в поле наряду с мужчиной, рожала и нянчила детей, ухаживала за скотиной, готовила еду для семьи, стирала, штопала, зимой пряла пряжу, ткала холсты. Страшная, полуголодная, безрадостная жизнь, покорность судьбе. И Фросе и ее сестренкам тоже уготована такая же судьба... Да, «затеряны, заброшены ключи от счастья женского».

Елизавета Васильевна чувствовала себя неловко, ощущала вину перед этой болезненной, преждевременно состарившейся женщиной.

С Фросей у Нади установились легкие, дружеские отношения. Фрося сразу стала называть Надю на ты, но звала ее «Кстинна» — по-отчеству. Впрочем, обеих Крупских в деревне называли по-отчеству: «Васильна» и «Кстинна».

Надя вставала спозаранку и вместе с Фросей отправлялась во двор. После долгих колебаний Фрося доверила ей доить корову. Милка была своенравная и не любила чужих рук. Но через несколько дней она доверчиво брала с теплой Надиной ладони корку хлеба и долго облизывалась, доставая длинным языком до ноздрей. Надя подставляла скамеечку, обмывала теплой водой вымя, вытирала насухо чистым полотенцем, и вот уже звенят струи о подойник, пенится молоко. Милке не терпится, она переставляет ногу. Надя повадки Милки знает, быстро отодвигает ведро и приказывает Милке: «Ногу!» Милка нехотя отставляет правую заднюю ногу назад и скашивает глаз на ведерко, следит, когда по-

кажется шапка пены из ведра, чтобы стукнуть по нему ногой, опрокинуть. Такой нрав у Милки. Но только один раз наказала она Надю за излишнюю доверчивость. Уже последние скупые струйки прорезали пышную пену, как Милка, поддав ногой, опрокинула ведро...

Когда Надя приносила ведро с молоком в избу, ее обступали ребята. Каждому по кружке парного молока. У мальчишек и девчонок белыми усами оседает пена на губах, они смотрят друг на друга и смеются. И Надю охватывает чувство удовлетворения.

Сегодня Фрося с Надей устроили баню для ребят. В кухне натоплена печь, хотя на улице жарко, и окна распахнуты настежь. Фрося большим ухватом, подложив под него каток, выдвинула из чела печки большой бурлящий чугун. В корыте развели теплую воду. Девушки по очереди сажали туда малышей, оттирали им пятки, коленки и локти мочалкой. Малыши больше всего боялись мыла, которое попадало в глаза, щипало ссадины на руках и ногах. Потом Надя поливала голову малыша чистой водой и приговаривала: «С гуся вода, с Вари худоба!» Дети были очень худенькие, но вымытые, причесанные,

с распаренными блестящими щеками были хороши, как все дети. Они называли Надю «Теть-Надь», послушно подставляли ей головы, и она ласково расчесывала волосы, заглядывала в глаза, видела в них такую ясность, доброту и доверие, что у нее сжималось сердце. Она думала о том, что придет время, когда в этих глазах отразится разочарование. Обман и насилие ожесточат их сердца.

Ребятишки устроились на полатях спать, а Фрося предложила Наде тоже идти помыться в клуню.

Надя с наслаждением расчесывала волосы кленовым гребнем с длинными тонкими зубьями и короткой ручкой. Такими расчесывают лен. Деревянные зубья тихо звенели, скользя по длинным волосам Нади. У Фроси волосы были темные, коса, толстая вверху, кончалась тоненьким хвостиком.

— Не коса, а редька, — смеялась Фрося. — У всех у наших девок на деревне такие волосы. Секутся очень.

«Не хватает питания», — подумала Надя.

— А теперь давай поищемся, — простодушно предложила Фрося. — Сначала я тебя, а потом ты меня.

Надя не поняла. Фрося спросила:

— Ну, воши-то у тебя в голове есть?

— Нет у меня вшей!

— Ты что ж, не живая, что ли? У каждой бабы вши есть. На то и волосы ей дадены... Ты, небось, искаться-то не умеешь?

— Нет.

— Ну, ладно, тогда я к подружке схожу.

Фрося ушла.

Надя стояла, растерянная, и смотрела на мать.

Елизавета Васильевна шила хозяйским девочкам платьица, переделывая из своих и Надиных.

«КАПИТАЛ»

Надя рыхлила землю на огороде, ровняла грядки, делала в них длинные бороздки. Следом за ней ходили малыши — хозяйские дети и соседские. А за детьми шагали по грядкам грачи, выискивали личинок, червяков, прыгали воробьи.

Хозяйские девочки Дуся и Настя четырех и пяти лет крепко уцепились за Надин подол и передвигались вместе с ней. Наде, видимо, доставляло удовольствие это детское окружение.

Разделав грядки, Надя подняла на руки самого младшего, Васю, а все остальные потопали за ней в избу.

Надя взяла со стола мешочки с семенами и стала их перебирать.

— Отгадайте загадку: «Сидит в темнице красная девица, коса на улице». Что это?

Девятилетний Егор, забежавший на крыльцо попить воды из кадушки, озорно крикнул:

— Кто же не знает — морковь это.

— Что вырастет из этого семечка?

— Подсолнух, вот такой, — развела руками Дуся.

— А из этого зернышка? — Надя раскрыла ладонь, и ребята соединили головы, прищурившись и сопя, сосредоточенно рассматривали черную точку на ладони Теть-Нади. — Из одного этого зернышка вырастет алый мак. Цветок опадет, и на его месте появится и будет расти такая хитрая коробочка, разделенная на закрома. Внутри них полным-полно таких зернышек.

— Маманя нажует маку, завернет в тряпку и даст Ваське, чтоб он спал, — сказала Дуся. — Я тоже люблю мак.

— И я, и я тоже, — отозвались дети.

— Сейчас мы все это с вами посадим в землю, а осенью вырастет вот такая морковка, репка.

— Хочу репы, — заревела вдруг Настя, и за нею все ребята. Надя поняла, они были голодны.

Елизавета Васильевна вынесла из избы каравай хлеба и стала отрезать ломти. Взяв по куску, дети расселись на крылечке и, держа левую ладонь под подбородком, чтобы крошки не упали на землю, принялись есть.

— Подумай, мама, как гармонично все в природе. Земля всем распорядится, ничего не спутает, каждому зернышку даст жизнь и только ему присущее обличье, окраску, вкус, запах, — говорила Надя матери, перебирая семена. — И так все несправедливо в людском обществе. А ведь каждый человек несет в себе зернышко таланта, но чаще всего оно гибнет.

«Все о своем, все о своем», — с нежностью подумала Елизавета Васильевна о дочери.

...Последней сажали картошку.

Яков Захарович открыл яму, в которую был ссыпан семенной картофель. Снизу пахнуло гнилью и сыростью. Каждая картофелина обросла сиреневыми, желтоватыми и белыми усами.

— Ишь, бедолага, в землю просится, — понимающе приговаривала Фрося, выбирая из ямы картофелины. — Она теплую землю любит, потому и сажают ее напоследок. Пройдет недели три-четыре, и все вокруг зацветет. Гречиха гулом гудеть будет — ее дюже пчела любит. А лен! От его голубизны даже небо поблекнет.

— Ты любишь цветы? — спросила Надя.

— Кто же их не любит! Только цветы — это все обещанки, а вот что из них получится — это уж как бог захочет. Яблонька зацветает, что невеста, а нападет червь и не увидишь яблок. Рожь цветет тихо, неприметно, только вызолотится вся... А как бог дождя не пошлет, хлеба не увидишь. Цветы — это обещанки...

В начале мая прогремел первый гром, пролился первый дождь. Всю ночь грохотало. Пучки молний зигзагами стреляли над лесом. Но туча скупо оросила землю. И все же гроза освежила лес, разбудила деревья. Разом распустились бе-

резы, тополя, клены, и вечером аромат молодых листьев плыл над деревушкой, врывался в окна, вызывая девчат и парней, чуть не падавших с ног после трудового дня, на гулянки, хороводы.

А Надя, закончив работу по огороду и на скотном дворе, забиралась в своей комнате с ногами на лавку, придвигала к краю стола керосиновую лампу и раскрывала книгу «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Том первый. Книга первая. Процесс производства капитала. С.-Петербург. Издание Н. П. Полякова. 1872 год».

Она, оказывается, была издана на русском языке, когда Наде исполнилось всего три года. Но до сих пор эта книга не попадалась Наде на глаза. Узнала о ней от того студента.

Надя научилась читать в четыре года и с тех пор постоянно читала. Сначала был «Степка-растрепка», потом сказки. Мишка косолапый долгое время был любимым ее героем. Потом с отцом читала стихи Пушкина и Некрасова и многие из них выучила наизусть. В девять лет читала и перечитывала «Таинственный остров» и «80 тысяч верст под водой» Жюля Верна. Всегда любила читать о детях. К двенадцати годам прочитала многое из Толстого, Тургенева и других классиков. С шестнадцати лет искала в книгах ответ на вопрос, в чем смысл жизни. Взялась за двухтомную историю Нидерландской революции Мотлея. Привлекло слово «революция». История восстаний и войн Нидерландов против испанского владычества, история первой буржуазной революции в Европе не дали ответа.

А потом на столе выросла пирамида толстых томов французского ученого-географа и социолога Реклю «Земля», «Земля и люди»... Прочитаны и продуманы тысячи страниц на русском и французском языках. Два десятка томов. А ответа все нет. Правда, теперь ее познаниям по географии мог бы позавидовать любой. В публичной библиотеке перебрала ящик за ящиком весь каталог. Искала ощупью, как слепая. Просиживала над книгами ночи напролет.

Что-то даст ей эта книга — «Капитал»? Прочитала две первые главы, прочитала еще раз, сделала выписки. Отточенные фразы, таблицы с цифрами, бесстрастные выводы казались далекими от того, что она искала. Читала вечер, второй, третий...

Давно отцвели красные сережки орешника в лесу, облетели гроздья черемухи. А Надя страдала и терзалась оттого, что так медленно живет, что с таким трудом одолевает эту книгу. Автор ее завладел сознанием Нади, повел за собой и открывал ей то, что она сама видела, но не могла осознать, сформулировать, обобщить.

Лампа горела двумя кривыми рогами, за печкой на все лады верещали сверчки, словно оркестр скрипачей-лилипутов настраивал крохотные скрипки. Надя, держа обеими руками книгу, читала шепотом, осмысливая вещие слова ученого... Капитализм — неизбежная фаза развития человеческого общества. Капитализм, создавая фабрики и заводы, объединяет тем самым людей в огромный производственный коллектив, но то, что этот коллектив производит, присваивает небольшая группа капиталистов... Капитализм обрекает огромные массы рабочих на нищенское существование... И пролетариат, который не владеет ничем, восстает против эксплуатации, организуется, ведет борьбу против буржуазии.

«Бьет смертный час капитализма. Экспроприаторов экспроприируют».

И уже не верещание сверчков, а гул набата слышится Наде, и перед глазами встают тысячи и тысячи пролетариев, которые сокрушают молоха — капитализм...

Никогда еще не испытывала Надя такого чувства торжества и волнения, как при чтении этих строк.

«Бьет смертный час капитализма... — повторяла она про себя, — бьет смертный час...» Это она должна увидеть своими глазами — крушение капитализма.

Доживет ли она до того часа, когда пролетариат «экспроприирует экспроприаторов»? Когда это будет? И что она может сделать, чтобы приблизить этот час?

О, теперь она знает, куда податься — к рабочим. Но как? С кем? Что должна она делать?

Сердце колотилось нетерпеливо, тревожно, радостно.

Скрипнула дверь. В избу вошла Фрося.

Надя не слышала, а за светом лампы и не видела ее. Вздрогнула, когда Фрося дотронулась до ее плеча и зашептала:

— Ты чего такая светлая, а стекло-то он как закоптила. Читала все?

— Да.

— Занятная книга?

— Очень, очень, Фрося!

— Небось, про любовь?

— Про счастье, — убежденно сказала Надя. — Про твое счастье, про мое, про счастье всех людей.

— Будет оно, счастье-то? — пригорюнилась вдруг Фрося. — Люб мне Степан, а не сватается. Семья у него большая, да и у нас не малая. Приданого у меня — кот наплакал: полдюжины полотенец наткала да вышила... и холста аршин двадцать. У Степана корова прошлой зимой пала, а мать Милку за мной не отдает, чем она ребятишек-то кормить будет? А? Кстинна, ты меня не слышишь? Про счастье свое думаешь?

— Нет, нет, милая Фрося, я слушаю тебя. Степан хороший человек.

Фрося сдвинула платок с головы на плечи.

— У тебя, Кстинна, жених есть?

— Нет.

— Небось, гордая, разборчивая? Какого ты себе жениха сулишь? Богатого, ученого?

— Еще не думала. Богатство мне не нужно.

— А любовь? — допытывалась Фрося.

— Любовь — да. Если я выйду замуж, то только за любимого.

За окном разгоралась полоска зари, нерадостной, хмурой, снова обещавшей зной, бездождье...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛИ
НА XVII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ

Счастливой вам борозды!

Эта встреча произошла в Туле. Замечательные люди собрались в тот день в обкоме комсомола — старшеклассники из сельских школ, гордость тульского комсомола. Приехал и их знаменитый земляк, сам недавний комсомолец, заслуженный механизатор, Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина Алексей Алексеевич СЛЕПЦОВ.

Разговор шел о главном — об участии комсомольцев, школьников в делах девятой пятилетки, в героическом труде советского народа.

Проводила встречу Галина Ивановна СТОЛЯРОВА, секретарь Тульского обкома ВЛКСМ и редакция «Пионера».

УЧИМСЯ РАБОТАТЬ, КАК АЛЕКСЕЙ СЛЕПЦОВ!

А. А. Слепцов. Я не раз участвовал в соревнованиях пахарей. Приятно, конечно, стать чемпионом и своими руками поднять знамя! Но главное в другом, в том, что каждое соревнование — хороший урок. Это турнир самых опытных трактористов, где каждый показывает лучшее, на что он способен. Тут мы учимся друг у друга, как по-научному обрабатывать колхозное поле, убирать урожай.

Сейчас на полях много машин. От пахоты до уборки сколько их пройдет по полю! А трактор первым выходит в поле ранней весной, и от того, как он вспашет поле, зависит работа других машин.

Труднее всего пришлось в ГДР, где состязались механизаторы из стран СЭВ. Судьи обращали особое внимание на то, чтобы борозда была прямолинейной. Вот, к примеру, прошел ты сто метров, а отклониться в сторону можешь не больше чем на десять сантиметров! Кстати, весит мой трактор, например, почти полторы тонны, и эту махину надо провести как по линеечке! Конечно, ведешь не на глазок, по вешкам, и все же это нелегко. Но у меня с этим было все в порядке. Судьи признали, что пахота была неплохая. Готовился-то к соревнованиям не два-три дня, а всю свою трудовую жизнь...

Помогло и то, что наше звено в колхозе много работает на сахарной свекле. Убирает ее свеклоуборочный комбайн, и, если борозда у у меня, тракториста, будет кривая, много свеклы на уборке будет порезано или останется в земле.

Занял я тогда второе место. Первым был тракторист из Чехословакии, он обошел меня на полбалла. Я попросил судейские протоколы — интересно же узнать, за что тебе судьи снизили оценку. Казалось бы, совсем мелочь — один раз я чересчур заглубил плуг.

А глубина вспашки — второе важное требование. Она везде должна быть одинаковая, двадцать — двадцать два сантиметра. Отклонение разрешается не больше чем на два сантиметра, а на международных соревнованиях еще меньше — на один сантиметр! На соревнованиях может случиться всякое, приходится работать в разных условиях — то после дождя, то на склоне. Бывают участки, где вообще нет ровного места, а борозда все равно должна быть ровной и глубина везде одинаковой.

В прошлом году тяжело пришлось на уборке сахарной свеклы. Вырастили мы в колхозе отличный урожай: прежде собирали по двести двадцать—двести пятьдесят центнеров с гектара, а тут — триста восемьдесят! Но погода была скверная, а комбайны плохо работают по грязи, да и свекла уродилась крупная — корни по три — пять килограммов. Комбайн и не приспособлен убирать такую! Теперь вот ждем нового — опытный образец делают вместе конструкторы стран СЭВ.

Николай Пафнутьев. А какую технику у вас в колхозе дают молодежи? На новые машины сажают?

А. А. Слепцов. И новую дают, если хорошо работает молодежь. Скажу другое — когда я сам отремонтирую трактор, сам налажу его, это для меня даже лучше, чем работать на новом. Проведешь настоящий технический уход, доберешься до каждого винтика, тогда можешь быть уверен в машине, как в себе самом.

Вот, например, «Беларусь», колесный трактор. При хорошем уходе — я уве-

Представляем героев урожая

Алексей Алексеевич Слепцов — звеньевой механизированного звена колхоза имени Калинина, Воловского района. Еще школьником три года работал прицепщиком на тракторе. После восьмилетки отлично окончил курсы механизаторов и стал работать в колхозе. Выполняет на своем тракторе по две нормы и больше. Алексей Алексеевич — победитель всесоюзных соревнований пахарей и призер международных, где соревновались механизаторы стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.

Николай Пафнутьев, десятиклассник, тракторист из знаменитой на всю область Крапивенской школы. Уже несколько лет школа, вернее, ее ученическая бригада, занимает первое место в области, у нее знамя обкома ВЛКСМ. Николай победил на районных и на областных соревнованиях юных пахарей. За его успех школа премирована киноустановкой!

Награжден медалью «За трудовое отличие».

Фотографии Е. СУСКОВА.

рен — на этом тракторе можно работать лет двадцать, и ничего не случится. Кабину разве только придется заменить. Вообще, по-моему, пахать лучше всего на «Беларуси», а не на гусеничном тракторе. Замечательная машина «Беларусь» — прочная, маневренность у нее отличная. Все виды работ может выполнять — от пахоты до уборки. На соревнованиях я стараюсь выступать на «Беларуси», и даже в ГДР мы ездили со своими машинами.

Николай Пафнутьев. Вот вы сказали, Алексей Алексеевич, что гусеничный трактор вам не нравится. А я люблю на гусеничном! Когда гусеницы завертятся, такое чувство, будто едешь на танке! А возьмите весной: все машины буксуют, распутица, а я на своей никогда не застряну.

Некоторые страшатся — жарко, мол, на тракторе, грохот стоит, оглохнуть можно. А я, когда мне интересно, не замечаю шума. Правда, первый день шел после работы, в ушах звенело. Но я не бросил!

После школы вместе с другими ребятами буду в совхозе работать трактористом. Потом собираюсь в сельскохозяйственный институт. Я еще в пятом классе решил, что останусь работать в сельской местности. Отец у меня механизатор, организовывал первые тракторные станции. И с детства я все свободное время проводил с ним на тракторной базе.

Виктор Купрюнин. Меня старший брат к машинам приохотил. Он, бывало, с работы придет усталый, пропыленный, грязный. А мне, представьте, завидно. Потому что на рабочего человека везде с уважением смотрят. Вот, дескать, парень в восьмом классе, уже и себя и людей кормит.

Когда комбайнер в первый раз доверил мне штурвал, я от гордости будто вырос! Я до этого работал помощником. Мой комбайнер Петр Александрович Разоренов — инвалид Великой Отечественной войны, глаз на фронте потерял. Работать ему трудно, у нас на полях камни попадаются. И все-таки мы с ним первые были в районе! А скоро будет новая машина — «Нива». Там кабина удобнее и камнеотбрасыватели есть.

Сергей Бакаев. Четвертое лето я работаю на комбайне и на тракторе. Первые два года был помощником у отца. Когда ему дали новый комбайн, мы с ним отремонтировали старый. Трудились от зари до зари. И с прошлого года я работаю на своем.

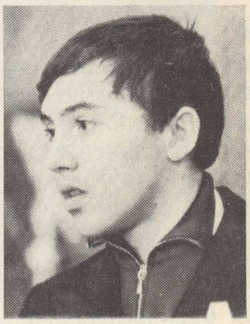
А. А. Слепцов. Хорошо, что такие ребята, как вы, остаются работать в селе. Механизаторов у нас пока нехватка. Был я недавно на совещании в Москве, и министр сельского хозяйства Д. С. Полянский тогда сказал: «Именно нашей молодежи — юношам и девушкам — предстоит и впредь решать ответственные задачи в сельском хозяйстве».

Трактором управлять, конечно, тяжелее, чем, например, легковой машиной, тут и сравнивать нечего. Мы-то привыкли, и у нас претензий к конструкторам нет. А вот придут на трактора девушки — у них претензии будут. Придется кое в чем менять конструкцию. Тем более, что машины с каждым годом становятся все мощнее. Скоро в совхозы поступят новые тракторы К-701, а это триста лошадиных сил! Такого богатыря не было еще на наших полях.

Г. И. Столярова, секретарь Тульского обкома ВЛКСМ. Нашей молодежи надо учиться мастерству земледельца. И в этом Алексей Алексеевич должен быть всем нам примером.

Тульская область промышленная, славится своим рабочим классом. У нас знаменитые заводы и фабрики. А сейчас, после постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР в нашей не-

Представляем героев урожая

Женя Гуров, бригадир ученической бригады Ново-Никольской средней школы, делегат XVII съезда ВЛКСМ.

Женя недавно сдал экзамен и получил права тракториста.

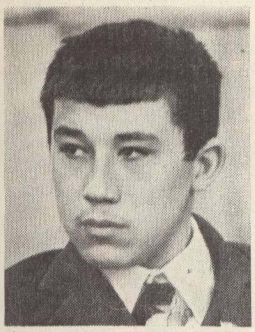
Валя Тарунтаева, комсомольский секретарь Крапивенской школы.

Виктор Купрюнин, ученик Кулешовской средней школы, помощник комбайнера. В прошлом году Виктор, тогда еще восьмиклассник, вместе со своим комбайнером держал во

время уборки урожая первое место в районе. И это среди взрослых механизаторов!

Награжден медалью «За трудовое отличие».

Сергей Бакаев, учится вместе с Виктором. Он уже самостоятельно работает на комбайне.

Награжден медалью «За трудовое отличие».

Володя Макаров, пионер, восьмиклассник, член ученической бригады Вишневской средней школы. Володя работал с отцом на комбайне. Есть и их заслуга в том, что колхоз вышел на одно из первых мест в районе по урожайности!

Награжден медалью «За трудовое отличие».

черноземной зоне развернется Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

Комсомольцы будут возводить на селе школы, дороги, телефонные станции, животноводческие фермы, будут осушать поля, расчищать их от кустарников и мелколесья. Молодежь, школьники станут механизаторами. Вот тут им понадобится опыт старших — таких замечательных мастеров, как Алексей Алексеевич! Старшие помогут вам стать умелыми тружениками на нашей земле.

Прошлый год был годом героического труда. Работать пришлось в сложных погодных условиях. Триста ученических бригад трудились на полях нашей области рядом со взрослыми! И урожай по области общими усилиями собран был выше, чем в обычные годы.

А. А. Слепцов. Живет у нас в колхозе Виктор Стефанов, восьмиклассник. Уже сейчас он отлично водит трактор, есть у него любовь к нашему делу. Вот я и решил взять над ним шефство, учу его работать на «Беларуси». И дело пошло — недавно он занял первое место в районе.

Г. И. Столярова. Пусть каждый из вас постарается увлечь своих друзей, привить им любовь к труду хлебороба, к новой технике.

Валя Тарунтаева. Мы и младших ребят в свои дела втягиваем. Наша бригада проводит опыты с сахарной свеклой, изучаем, как влияют удобрения на урожай. Недавно приняли в бригаду пополнение — семьдесят семиклассников. Дали им наказ удержать знамя области!

А какой интересный опыт провели шестиклассники: решили из одной картофелины вырастить мешок картошки. Звено мальчиков взялось за дело. И вырастили!

Мы и своими девочками гордимся: многие из них работают помощниками комбайнеров. Очень хорошо работают!

Женя Гуров. Мы от крапивенцев в прошлом году отстали, и знамя обкома получили они. Но у нас сейчас настроение боевое. Да и все условия есть, чтобы наверстать упущенное. Для нашей бригады оборудован сейчас палаточный городок, и мы работаем круглый год. Совхоз выделил нам семнадцать гектаров. В прошлом году на опытном поле мы получили с гектара по двести пятьдесят центнеров сахарной свеклы — почти в три раза больше, чем в нашем совхозе. Теперь наш опыт будет перенесен на поля совхоза. Так что в этом году надеемся завоевать первенство у крапивенцев, хотя их бригада и вдвое больше нашей!

Крапивенцы. Знамя так не отдадим! Поборемся!

А. А. Слепцов. Верно, крапивенцы! За знамя надо бороться. Только не забывайте, что главное для нашей нечерноземной зоны — научный подход к земле. Селу нужны грамотные, увлеченные, преданные труженики. Мы с вами обязательно будем собирать большие урожаи не только на опытных участках, но и на полях всех наших совхозов и колхозов!

Ребята еще долго толпились около Алексея Алексеевича, обменивались адресами, получали его автографы, фотографировались вместе с ним. Разговор сблизил всех, да и знаменитый механизатор оказался приветливым, скромным и даже застенчивым человеком. И каждому из ребят хотелось увезти с собой что-нибудь на память о встрече с замечательным человеком, настоящим героем нашего времени.

Задание «Пионера»

Многие из вас работают на уборке урожая. Расскажи, какое дело было поручено тебе! Как тебе работалось! Если ты помощник комбайнера или прицепщик на тракторе, напиши, как прошел твой первый трудовой день.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Стан 2000. Стан 2000. Стан 2000.
Всесоюзная ударная! Всесоюзная ударная, комсомольская!

Красными полотнищами, на которых изображены эти слова и цифры, украшен город Череповец — Северная Магнитка, как его называют. Ветер раздувает кумачовые полосы, протянутые поперек улиц. Слова и цифры звучат как позывные. Есть свой образ, своя музыка в этом непривычном для слуха сочетании.

ДОроги, по которым идут
нескончаемым потоком
грузовики и самосвалы.
РЕльсы, укладываемые на насыпи.
МИганье огней электросварки.
ФАсонные листы железа.
БусСОЛЬ геодезиста.
ЛЯзганье экскаваторных ковшей
о каменистый грунт.

«УВАЖАЕМЫЙ СТАН 2000»

Юрий КРУТОГОРОВ

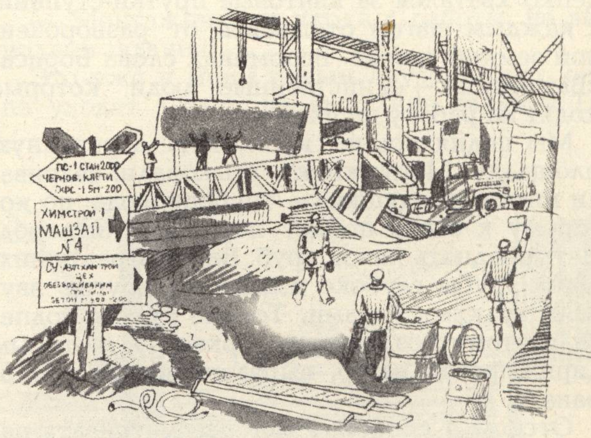
СИлуэты мачт высоковольтных линий.
И опять ДОроги,
по которым тесно, друг за дружкой, идут машины с песком, металлом, досками, шпалами, фермами, кирпичами, трубами, проводом, шифером, стеклом, цементом, круглыми бревнами, гравием, асфальтом, арматурой... **Из всего этого возникнет стан 2 000, важнейшая стройка пятилетки, крупнейший приток огненной реки по имени МЕТАЛЛУРГИЯ.** Стан будет давать в один час почти полторы тысячи тонн проката — этого хватит с лихвой на целую сотню самых мощных тракторов. А теперь подсчитайте, сколько в сутки, в месяц, в год. Фантастическая цифра. Самый крупный металлургический стан в стране!

Вот я пишу: **стан, стан, стан.** А многие из вас, наверное, толком и не представляют себе, что это за штука такая.

Перед тем, как прийти сюда, на строительную площадку, я решил совершить путешествие вдоль уже действующего на Череповецком заводе стана. В те дни он как раз справлял день своего рождения — пятнадцатилетие. И я пришел в гости к имениннику.

Широкая металлическая дорога из круглых валиков — рольганг — протянулась на добрых три километра. Рольганг гонит по своей поверхности раскаленные слитки. Каждый (он только что из плавки) весит до пятнадцати тысяч килограммов.

Над обжигающей дорогой перекинуто несколько переходных мостиков. Я стоял на одном таком мостике, а подо мной проносились **слябы** — так слитки зовут. Багровые, шипящие, вобравшие в себя тысячеградусный жар. Казалось, это был не металл, а затвердевший, спрессованный в массу огонь. Спирало дыхание, больно глазам. Но оторваться от такого зрелища было невмоготу. Оно завораживало. Слябы направлялись в пасть так называемых **клетей.** Тут попадали

в крепкую переделку, круглые массивные валы брали их в оборот. Они расплющивали слитки, то подталкивая их вперед, то отодвигая назад. Представляете, какая в них сила, в этих валах, если им нипочем разделать пятнадцатитонную махину! Слитки на глазах меняли прежнее очертание. Они вытягивались с податливостью пластилина, утончались. **Стан, играючи, ладонями валов катал из слитков листы.**

Готовые листы, уже поостывшие, потерявшие свой пыл в единоборстве с обжимными валами, грузились на железнодорожные платформы. Стан Северной Магнитки отправлял каждодневный, а сегодня именинный дар КамАЗу, тракторным, машиностроительным, судостроительным заводам...

Прямо от выездных ворот старого цеха путь ведет к строительной площадке нового гиганта — стана 2 000.

Сначала я растерялся. Настолько неподвластной привычному представлению о стройке была эта картина. Покачивалась

земля — ее долбили паровые молоты. В утреннем мареве неспокойно светило солнце, лучи его подрагивали, как раскаленные провода. Казалось, мир потерял равновесие. Захотелось найти точку опоры. И я ее нашел над землей, на высоте, где работают монтажники лучшей здесь бригады Паисия Лузнева, молодые, отчаянные парни, одетые в теплые куртки, подпоясанные широкими защитными ремнями. Они меня весело встретили:

— Взберемся?

И кивнули вверх.

Комсорг бригады Борис Жарков засмеялся:

— Учти, двум смертям не бывать...

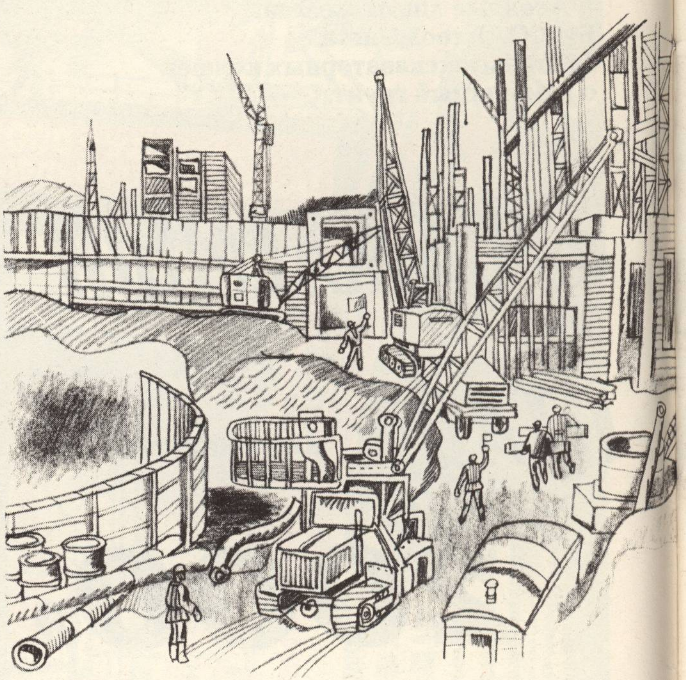
Мне выдали защитный ремень, каску. По узкой, прогибающейся металлической лесенке я стал подниматься в небо. Над головой легонько поскрипывали сапоги Бориса. Он первым ввинчивался в эту вертикальную воздушную тропу, и я старался не отставать, не смотреть вниз, чтоб дух не замирал. Меня предупредили: надо только вверх глядеть. Я цепко хватался за винтовые прутки-ступени, с каждым шагом отрываясь от развороченной земной тверди. Вспоминал слова Бориса: «Высотники — единственные люди, которые ходят на работу пешком в небо».

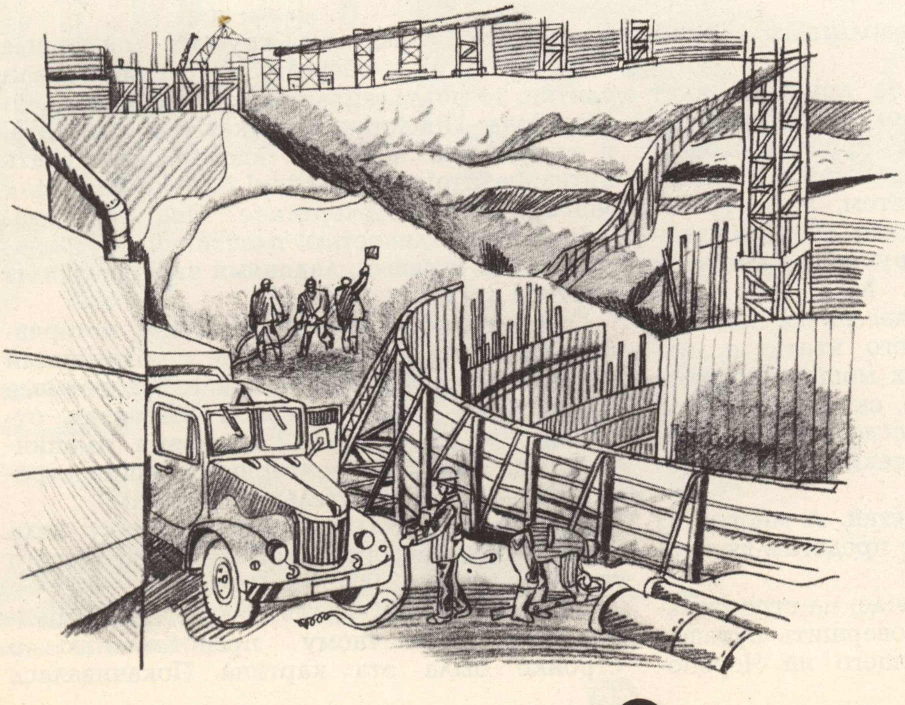
Мы поднялись на крохотную деревянную площадку. Монтажники стыковали, сваривали нитки «воздушки» — трубопровода, по которому к стану пойдет пар, газ, кислород. Четырнадцать ниток труб. Ветер играл в них. Одни трубы глубоко вздыхали, другие звучали гулкими басами. Тонкие трубы подпевали этому воздушному оркестру, которым дирижировал ветер, вырвавшийся из котлована.

Отсюда я спокойно мог рассматривать панораму стройки. То, что внизу казалось хаотичным, с высоты выглядело вполне осмысленно. Все было подчинено единому центру—корпусу будущего цеха. К нему вели автомобильные дороги, подтягивалась железнодорожная ветка, линии электропередач...

Протянутая в вышине трасса трубопровода «воздушка» тоже нацеливалась на стан 2000.

«Воздушка» тянется несколько километров. Зимой от мороза трубы сужаются, летом расширяются, поэтому их соединяют компенсатором, пружиной. **Компенсатор надо пригнать как следует, с точностью до одного миллиметра.** Иначе швы не сварить.

Художник Анатолий Александрович Борисов тоже побывал на строительстве стана 2000. На его рисунках вы видите, как идет работа на Всесоюзной ударной комсомольской стройке.

В распоряжении строителей самые мощные бульдозеры. Самые высокие краны. Самые точные приборы. Самое совершенное подъемно-транспортное оборудование. Но есть на высоте такие операции, когда техника становится беспомощной. Тут не обойдешься без человеческих рук с их тонким осязанием. Эти операции выполняют монтажники — воздушные акробаты. Иначе их никак не назовешь, когда видишь, как они подгоняют трубы к компенсатору. Садятся на соседнюю трубу, упираются спинами о «нитку», протянутую на уровне лопаток, и сначала ногами, потом ладонями двигают раструб, осторожно, чуть дыша, всем телом ощущая его медленное движение. И как они чувствуют ту секунду, когда зазор припадает к зазору!

Подогнали! Заваривают стыки. Парни ловко орудуют сварочными аппаратами. Искры сыплются вниз рассыпчато, будто их пригоршнями бросают. Искры тают на глазах, оставляя зыбкие дымчатые нити, похожие на пряжу. Так прядут «воздушку».

Уходили отсюда мы поздним вечером. Столб света возвышался над стройкой.

Другая смена заступила на вахту.

Конфетти слепящих огненных брызг на всем необъятном пространстве. На вознесенных ввысь перекрытиях, на линии трубопровода, на дне котлована... Светящиеся точки обозначали контуры будущего стана.

Борис Жарков сказал:

— Ну вот, поставили сегодня свою точку.

— Завтра на другую...—откликнулся Лузнев.— С монтажным чертежом я уже познакомился...

Монтажники говорили о «точке» как о месте работы. Я подумал о точке, которая поставлена в конце еще одной страницы, еще одного дня этой стройки — первой очереди стана 2 000.

Лозунги, плакаты, транспаранты на стройке обращены прямо к строителям:

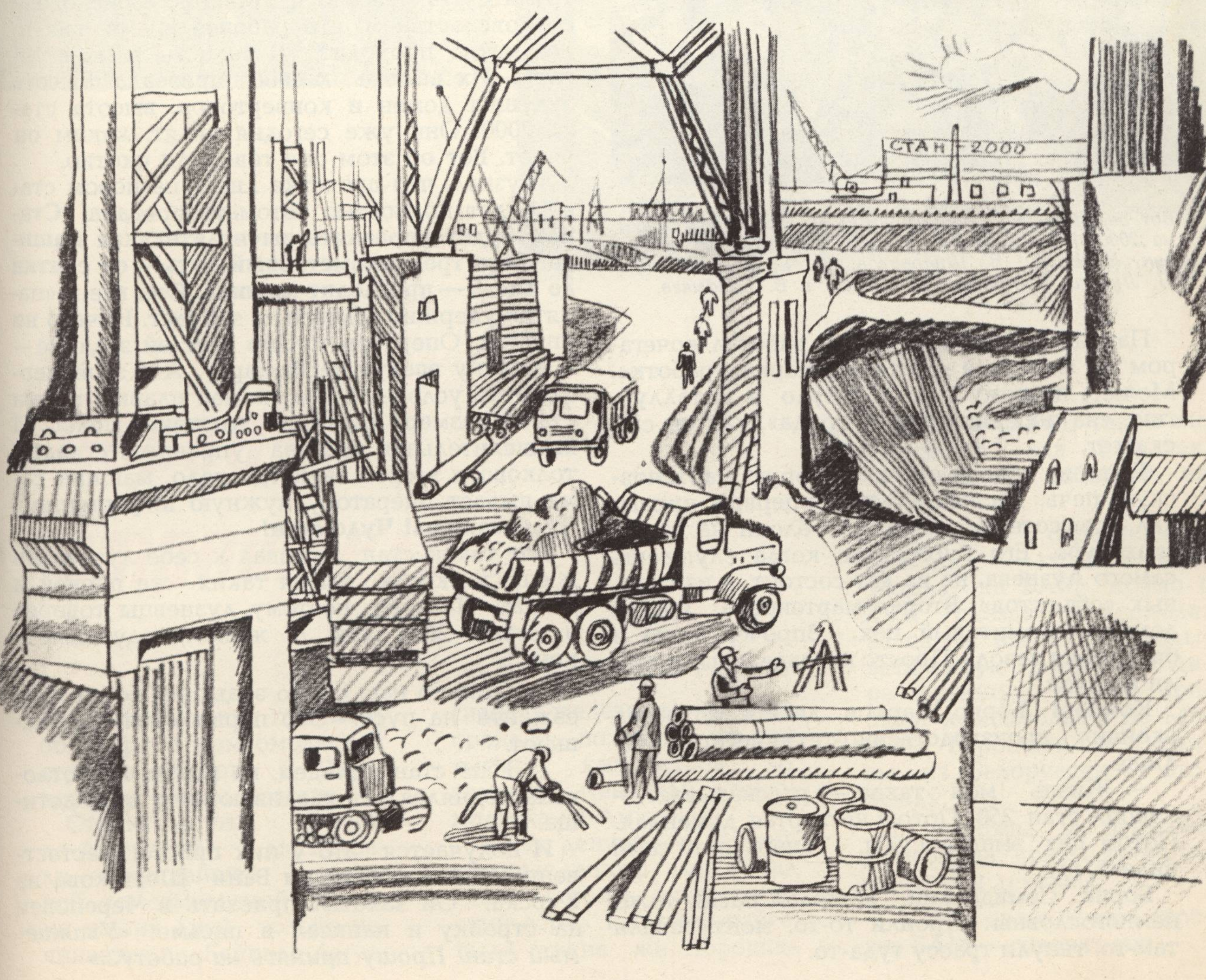
— Досрочно смонтировать железобетон в машинном зале!

— Плиточник, досрочно уложи полы в листоотделке!

— Водитель, скорее доставь груз к объекту!

— Монтажник, не уходи с работы, не выполнив задания!

Это уже к моим новым друзьям. Нет, они не уходят домой, не выполнив заданий. Та-

кого никогда не случается. Это уж совершенно точно.

Что они за парни, лузневцы? Их вся стройка знает. Чем они знамениты? Тем, что не боятся высоты? Так тут никого этим не удивишь. Сотни таких. Безотказны и в любую минуту готовы пойти на самый трудный участок? Таких здесь тысячи.

Монтажники, металлурги — это особый отряд строителей. Им и к пеклу не привыкать. И к северной, порой беспощадной стуже они относятся как должно. Так что же отличает лузневцев от других? Почему пятнадцатилетний ученик ГПТУ Валерик Аборин сказал: «Хочу к Лузневу»,— хотя ему еще далеко до высотных работ? Ему на земле дела хватает. Гайки затачивает, колонны выверяет по отвесу... Но при случае Валерий не преминет напомнить: «Я, между прочим, у Лузнева прохожу практику». И этим многое сказано.

Вот она, одна из лучших бригад на строительстве стана 2000. На снимке (слева направо): Б. Семиделкин, Н. Васин, В. Шаповалов, Ю. Гудков, бригадир П. Лузнев, В. Аборин, А. Смелов и В. Балдычев.

Паисий Лузнев до армии работал кочегаром на пароходе «Чехов». Жаркая работка. Может, поэтому его потянуло в металлургию, «на передний фронт труда», как он сам скажет.

Тогда на заводе ставили вторую мартеновскую печь. На ней Лузнев впервые привыкал к высоте. Монтировал блоки на самой верхотуре. Его биография, когда слушаешь самого Лузнева, не из дат состоит, а из сданных «объектов». Вторая мартеновка. Третья домна, доломитовый цех. Впрочем, это и биография завода. Просто нераздельными стали их пути.

Комсорг Борис Жарков десять лет назад окончил производственно-техническое училище.

— Жизнь моя такая,— рассказывает.— Строил стан 250. Потом четвертая доменная. Потом цех эмальпосуды. Теперь вот, сами видите, где.

Борис Семиделкин, Николай Васин тоже немногословны: строили то-то, монтировали там-то, тянули трассу туда-то.

Это лузневская манера рассказывать о себе. Не о себе — об «объектах».

— Ну, а кроме этого, что еще?—допытывался я.

— Кроме? В техникуме все учимся.

— А еще?

— Ездили помогать строителям Липецкого металлургического. На конверторном там крутились. На Запсибе были, на Западно-Сибирском металлургическом. Вторую домну делали.

Вот такие парни. Все имеют спортивные разряды. Кто по лыжам, кто по бегу. Театр любят, благо московские артисты часто наведываются в Череповец. **Но одержимы они одним, тут я не ошибусь,— монтажом на высоте.** Это трудно объяснить. Так же как летчики не могут сказать, почему они не могут не летать.

Я об этом вот почему: есть на стройке молодые ребята, которые не могут найти себя. То в одну бригаду, то на другой участок. Ищут, где получше, интереснее. Лузневцы точно знают, **что** им больше всего по нраву, понимают, **как** нужна их работа, полностью отдают себе отчет, **почему** они занялись «воздушным монтажом».

Лузневцы не отрабатывают время. Они трудятся так весело и отчаянно, рисково и с удовольствием, что рабочее время как-то незаметно проходит. В радость, а не в тягость. Их высота к себе призвала. Высота будущих домен и конверторов, высота стана 2000. Они уже сегодня видят, каким он будет. Вот об этом они говорили охотно.

Я узнал, что прокатка листа на новом стане будет полностью автоматизирована. **Станом будет управлять вычислительная машина. Весь трехкилометровый путь — от слитка до листа — проследит машина.** Она все в «памяти» удержит. Ничего не забудет. Ничего не упустит. Оператор только даст ей задание— в машину введут перфокарту. А в этой перфокарте условный код: номер плавки, марка стали, размер слитков, толщина полос. И вычислительная машина управится с делом толково и в срок. А когда надо, машина сама выдаст оператору нужную информацию. **Чудо-машина! Чудо-стан!**

Вот такой стан призвал к себе лузневцев и еще несколько тысяч таких же парней и девчат. Наверно, поэтому лузневцы говорят о стане 2000 как о живом, одушевленном.

— Стан-то наш скоро задышит, вот и приезжайте на пуск.—Это парни меня приглашают.

— Наш стан молодец, на глазах из котлована поднялся,—похваливают они свое детище.

И получается это у них просто и естественно, как у парнишки Вани Шестакова из Курска. Он захотел приехать в Череповец на стройку и написал в письме: *«Уважаемый стан! Прошу принять на работу...»*

Перво-строители

Ты только что прочитал об ударной комсомольской стройке. Работа в Череповце в самом разгаре.

Строительство Байкало-Амурской магистрали — крупнейшей ударной комсомольской стройки наших дней—только начинается. Байкало-Амурская железная дорога пройдет по тайге на три тысячи километров от станции Лена до Комсомольска-на-Амуре.

У тех девушек и парней, которые много лет назад ехали строить комсомольский город в глухой тайге, были такие же хорошие, открытые лица, такой же энтузиазм, как и у тех, кто сегодня работает на БАМе.

Первая строительная бригада комсомольцев уехала на БАМ прямо с XVII съезда комсомола; вслед за ними прокладывать самую длинную в мире железную дорогу прибыли комсомольцы из Москвы, Воронежа, с Украины, из Белоруссии — отовсюду.

В горкомы и райкомы комсомола приходят сотни юношей и девушек.

— Мы тоже хотим строить БАМ,— говорят они.

Полный боевой порядок

Б. КОЛЕСОВ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. ФОМЕНКО.

Замаскированные бронетранспортеры замшелыми валунами горбились в редком дубняке.

Десятки километров прошла мотострелковая рота по тыловым дорогам. Солдаты отдыхали после долгого марша. Кто чистил оружие, кто брился. А рядовой Филипп Каборин, бывший тракторист, отправился в лес. Вышел на луг. Спустился к реке. Глазам его открылся невиданный ранее, незнакомый, но такой красивый пейзаж.

Блестит Днепр, он словно усыпан сверкающей рыбьей чешуей.

Нет большего удовольствия для солдата, чем

опустить ноги в проточную воду: во время учений не до комфорта, спишь, не раздеваясь.

Бродит Филипп по мелководью, улыбается. Мягкий песочек пятки щекочет, тугие струи нежат горячую кожу.

Не слышит Филипп, как наполняется небо гулом.

Все громче и громче гудит басовая струна, невесть кем натянутая между белыми облаками.

Встрепенулся Филипп, глянул вверх. Батюшки-светы! Все небо в парашютах! Синие, красные, оранжевые плывут над лесом. А из самолетов вываливаются черные точки — семена.

Через мгновение они пышно расцветут у него над головой.

Спохватился Филипп, выскочил на сухой песок, стал портянки наматывать. Кое-как их закрутил, натянул сапоги и полез по косогору туда, где его товарищи, наверное, уже готовятся дать отпор неприятелю.

Песок, нежно щекотавший пальцы ног, предательски течет под сапогами, мешает бежать.

Бежит Каборин к дубняку, пóтом обливается. Солнце нещадно печет спину

Эх, Каборин, не надо было рот разевать. У солдата всегда ушки на макушке должны быть.

В дубняке уже никого не было. Замшелые валуны-бронетранспортеры ушли. Там, где стояли машины, осталась примятая трава да обрывки газет.

Каборин в растерянности бродил между деревьями. Его товарищи не приняли боя, выскользнули из мешка, и теперь ищи ветра в поле! В своей роте, в солдатах и офицерах, Каборин не сомневался. Не так просто их сейчас обнаружить. Они, как ветер, который ходит в поле кругами и вдруг налетит неожиданно: стукнет по затылку, и будь здоров.

«Остались десантники с носом,— порадовался Филипп и тут же помрачнел: — А что же мне делать?»

Он осторожно выбрался на опушку и, укрывшись за кустом, стал наблюдать, как приземлялась техника десантников.

Огромные парашюты, не долетев до земли, выпускали струи пламени — срабатывали тормозные реактивные устройства. Контейнеры с самоходками и вездеходами горохом сыпались с неба. К ним подбегали парни в голубых беретах, ловко распускали крепления и отводили машины в безопасное место.

Потом на дальнем поле один за другим сели транспортные самолеты. Из грузовых отсеков стала выползать боевая техника.

«Да тут не меньше дивизии! — ахнул Филипп.— Если они пойдут по тылам, перережут дороги... Знают ли наши об этом?»

Филипп зажмурил глаза — ужас, что произойдет.

Когда он открыл глаза, прямо на него мчался газик-вездеход.

— Разведчики,— сообразил Филипп и спрятался за дубом.

— Стой! — закричали ему.

Филипп побежал.

Он летел к Днепру. В ушах свистел ветер. По лицу били ветки. Тут же созрел план: переплыть реку, найти своих и предупредить о грозящей опасности.

Филипп оглянулся.

Газик не смог проехать через посадки дубков и остановился.

Вдали слышались выстрелы.

Филипп спрыгнул с крутояра. Вот и Днепр. Раздевшись, он шагнул в воду. Вспарывая блестящую рябь острыми коленями, он рвался на глубину, туда, где можно было плыть и, ныряя, спрятаться от погони. Но мелководье подвело его: вода не доходила до пояса.

На крутояре взревел двигатель.

«Они уже здесь! Ну и дела. По обмундированию они сразу догадаются, кто я»,—подумал Филипп.

Он сунул узел с одеждой в воду и наступил на него ногой.

«А может, и не поймут, может, это мирный житель принимает водные процедуры?»

К воде спускался рослый парень с автоматом в руке.

— Эй, друг! — крикнул десантник.— Ты солдата случайно не видел? Не пробегал здесь?

— Вон за тот мысок побежал. За ракитником не видать.

Парень свистнул и махнул рукой в сторону мыска. Наверху зафыркал мотор. Потом все стихло.

— А ты местный? — спросил парень.

— Ага, решил вот искупаться, культурно отдохнуть после трудового дня.—Филипп взглянул на солнце.— Точнее, после трудового утра. Сеном, понимаешь, мы тут занимаемся.

— Косишь, значит?

— Стараюсь.

— Много накосил?

— Хватит.

— Ну, раз хватит, покажи дорогу на Данки.

— Не-е,— протянул испуганно Филипп,— мне домой пора.

— Какой-то нескладный ты,— сказал десантник.—То отдыхаешь, то тебе домой пора.

— Меня дома ждут,— сказал Филипп,— очень ждут.

— На свадьбу, что ли, торопишься?

— Да вроде бы.

— А может, на похороны? Вид у тебя невеселый.

— На свадьбу,— решительно ответил Филипп. Он проклинал настырного десантника: чего привязался...— Некогда мне с тобой балясы точить,— твердо сказал Филипп и повернулся к собеседнику спиной.

Окунувшись, он нащупал узел, перевернул его, чтобы сапоги были сверху, и прижал китель и брюки ко дну. Затем не спеша вышел из реки, попрыгал, стряхивая на белый песок крупные капли.

— Домой пойдешь? — спросил десантник.

— Угу,— буркнул Филипп.

— А где ж твоя одежда?

— Тут была,— растерялся Филипп.

— Выходит, стащили? — недоверчиво спросил парень.

Филипп решил, что самое время обезоружить говоруна и дать деру, пока никого поблизости нет.

Он придвинулся поближе к парню, но неожиданно тот притянул его к себе, приподнял и бросил через бедро на песок. Заломил ему руку за спину и, перевернув на живот, сел сверху.

— Слышь, жених, твои брюки по реке плывут. Плохо ты их спрятал.

Филипп рванулся и застонал от острой боли.

— Тихо, а то руку сломаешь. Веди себя хорошо. Вот свяжу тебя, чтоб не убежал, и достану твое обмундирование,— сказал парень.— Согласен? А то какой солдат без штанов? Смех один.

Филипп чуть не заплакал. Но что поделаешь? Он покорно позволил себя связать и смирно лежал, пока великодушный победитель лазил в воду и шарил по дну.

Подъехал газик.

К Филиппу подошел худой, как шомпол, десантник. На вытянутом лице торчал длинный нос.

— Хорош гусь! — весело произнес он.

— Сам ты чучело,— зло ответил Филипп.

— Тоже верно! Да ты не волнуйся, из тебя отличный «язык» получится.

— Боюсь, не получится,— отрезал Филипп, облизывая саднящую губу.

— Недооцениваешь ты своих способностей,— сказал Чучелов. Так его сразу окрестил Филипп.

Около Филиппа шлепнулся мокрый узел.

— Одевайся.

Филиппа развязали. Он нехотя натягивал брюки, по ногам текла вода.

— Садись!

Филипп сел в машину. Его повезли назад, в дубняк.

У опушки их встретил лейтенант, видно, командир взвода. Взглянув на Филиппа, он усмехнулся, но ничего не сказал. Филипп высоко оценил благородство, проявленное лейтенантом.

«Не то что этот Чучелов»,— подумал Филипп.

— Самохвалов,— сказал лейтенант,— отвезите... лазутчика в штаб.

— Есть!

«В лазутчики попал,— уныло подумал Филипп.— А фамилия у чучелы подходящая, в самый раз».

Филипп огляделся. Дубняк был забит техникой. Шли последние приготовления перед рейдом. Все были заняты своими делами и не обращали никакого внимания на него. Выбрав подходящий момент, можно попытаться улизнуть. Не на своих двоих, конечно. На газике.

Водитель Самохвалов, по всему видно, сверх меры счастлив захватом лазутчика. Он вел вездеход, что-то мурлыкая и изредка поглядывая на Филиппа.

Газик остановился. Штаб десантников расположился в большой, похожей на шатер палатке. Все вылезли из машины. Только Самохвалов сидел как приклеенный.

— Свистит...— сказал небрежно Филипп.

— Где? — обернулся Самохвалов.

— Заднее колесо, по-моему. Прокол, не иначе.

— Ну? — не поверил Самохвалов.

Он выскочил из газика. И в этот же миг Филипп бросился на место водителя. Мотор работал, ключ — в замке зажигания. Филипп ухитрился в секунду проделать все необходимые манипуляции, и вездеход рванулся вперед. Из-под его колес летел песок. Закрывая лицо руками, за машиной бежал Самохвалов.

— Стой! Хулиган! Отдай! Машину отдай!

— Рот не разевай! — крикнул Филипп.

Вездеход выехал на дорогу. Филипп давил на акселератор, что называется, от души.

Ревели моторы самоходок и танков. Не сразу разберешься, куда мчится со скоростью пули газик разведчиков.

Филипп не видел, как бегали около штаба десантники, не слышал отчаянных воплей Самохвалова, проклинавшего какого-то хулигана.

— Не он хулиган, а вы растяпа, рядовой Самохвалов! И за это понесете наказание! — оборвал его подоспевший командир взвода.

Была организована погоня. В эфир понеслись радиоприказы: закрыть проселки, блокировать перекрестки и объезды.

Снизив перед поворотом скорость, Филипп бросил взгляд на прогалину и меж деревьев увидел за поворотом засаду. Кто-то из десантников в голубом берете неосторожно высунулся и обнаружил себя.

— Красивые береты, да только показывать их не след,— пробормотал Каборин, давая задний ход.

Он свернул на мало наезженную колею, по которой колхозные грузовики вывозили сено.

Вездеход бросало на кочках. От тряски у Филиппа стучали зубы и ныла селезенка.

«Сюда они не сунутся,— думал он.— Наверно, перестали считать меня дурачком».

Он был прав. Десантники не считали его лопоухим новобранцем: поджидали газик в самых неудобных для проезда местах.

На этот раз он бы непременно влип. Дорога вела к вырубке, густо покрытой молодой порослью. Десантники свалили на дорогу дерево, а сами спрятались в кустах. Филипп мог обнаружить преграду, только подъехав к ней вплотную. Но тогда он не успел бы развернуться и ускользнуть. Все рассчитали десантники, одного не учли: голубей, которые лакомились на вырубке ягодами. Засада вспугнула птиц, и они стаей закружились над вырубкой — не хотелось им покидать облюбованные ягодники.

Филипп почуял неладное: туда лучше не соваться. Свернул с дороги, доехал до густой лощины и бросил здесь машину.

«Вездеход, конечно, стоящая вещь,— рассуждал он,— но на нем сейчас из леса не выберешься — ждут ведь на всех проселках. Эх, была бы у меня лошадь!»

Филипп шел, разгребая сапогами густую пахучую траву, обходя темные овражины, поросшие крапивой и малиной, и наконец вышел на опушку.

Здесь притулился к лесу дом. Видимо, лесника. У дома две яблоньки и огород. На грядках капуста кудрявится, лук стрелы пускает, укроп нежными елочками вверх тянется. Но первое, на что Филипп обратил внимание, был сарай. Около него прыгали, дрались воробьи. Филипп подошел, заглянул и обрадовался: овес.

А там, где овес, и лошадь должна быть.

Филипп постучал в дверь дома.

Открыл ему дед не дед, но человек в годах — брови сивые, голова словно пеплом посыпана.

— Здравствуйте,— сказал Филипп.

Пепельный мужчина тоже поздоровался. Не сказать чтоб неприветливо, скорее вопросительно: дескать, с чем пожаловал, добрый молодец?

Филипп ему выложил просьбу насчет лошадки, объяснил, как тяжела судьба солдата, отставшего от своей части.

— А ты пешком, вернее будет,— сказал лесник.— Я от Минска до Варшавы пешком шел, фашистов бил, даже медали имею за это. Дойдешь и ты. Чем ты хуже? Доберешься.

— Жалко вам коня?

— Точно. Коня ты мне назад не приведешь, хоть и обещаешь. Некогда тебе будет при нем обретаться, служба своего требует — неприятеля бить. Вот и пропадет мой конь.

— Не хотите, значит, помочь. А еще сами солдатом были. Ну, прощайте.

Филипп обиженно зашагал к лесу.

— Погоди! — крикнул лесник.

Он вывел из сарая велосипед.

— На, езжай. Куплю внукам новый.

И покатил Филипп по тропинкам через ракитнички, через цветочные поляны. К своим. Он примерно знал, где их искать: на запад рота путь держала. Там главные позиции полка.

Филипп что есть мочи жмет на педали, рулем ворочает на поворотах лесной тропы. Он понимает, что в это же самое время десантники стараются, разыскивают его, землю роют от стыда и великого позора, который пал на их голубые береты по вине ротозея Самохвалова.

Несутся по всем направлениям машины. Уже найден в лощине вездеход. Наверно, уже расспросили лесника.

Лес стал реже. Между деревьями то тут, то там проглядывали полянки, усеянные ромашками. Филипп насторожился. На открытом месте его могли увидеть совсем не те, к кому он торопился.

Он спрятал велосипед в кустах бузины и осмотрелся. Недалеко рос высокий дуб, его мощные, толстые ветки сплелись так тесно, что сквозь них не пробивалось ни единого лучика.

Филипп залез на дуб. Уселся в развилке и приготовился наблюдать. Где-то в этих краях должны были маскироваться подразделения его полка.

Со своего наблюдательного пункта Филипп обшарил окрестности, но ничего интересного не обнаружил.

«Придется ехать дальше,— подумал Филипп.— Где там мой верный конь?»

Вот так фокус! Филипп видел, как подползали к велосипеду голубые береты и, не обнаружив его хозяина, стали о чем-то советоваться.

«Надо смываться»,— подумал Филипп.

Он тихо, со всеми предосторожностями, заскользил по стволу. Ему опять не повезло: его заметили.

Он побежал напрямик к опушке, уже не прячась. Летел, как танк, круша ромашковый покой. Нет, не зря каждое утро командир отделения выводил их на трехкилометровый кросс.

Отстают десантники. Им небо помогает, а пехотинцу — матушка-земля. Не подведи, родная!

Все бы хорошо, но среди голубых беретов Самохвалов. Этот длинный парень тоже был мастак бегать.

— Стой, не уйдешь! — кричит Самохвалов.— Стой, мне с тобой по душам поговорить надо!

А Филиппу на кой ляд задушевная беседа?

Наддал длинноногий Самохвалов.

Оглянулся Филипп. Догоняет его Чучелов.

«Не уйти мне теперь»,— думает с отчаянием Филипп.

Но все равно бежит, не сдается.

Глянул Филипп из-под соленых от пота бровей: впереди знакомые валуны горбятся, бронетранспортеры.

За спиной Чучелов радостно пыхтит, вот-вот настигнет.

— Братцы! Помогите! — закричал Филипп, ни на что не надеясь.

И тут случилось чудо.

Ближайший валун развернулся и направился к Филиппу. Чучелов сразу остановился, и другие тоже.

Подъехал к Филиппу бронетранспортер, и сильные руки втащили его через нижний люк внутрь. Огляделся он — кругом свои.

А десантники тем временем пустились наутек.

Увидев это, Филипп бросился к командиру отделения:

— Надо их захватить!

Тот по рации связался с командиром роты.

— Доставить ко мне путешественника! — приказал ротный.

Рассказал ему Филипп все как было, что увидел и узнал.

— Никуда они не денутся,— сказал ротный.— Десант окружен. Сведения твои полезны. За них благодарю. А за то, что отстал, накажу. Правильно?

— Правильно, виноват я, товарищ капитан.

— Налагаю на вас взыскание, рядовой Каборин.

— Есть! — хмуро ответил Филипп.

— За находчивость и ценные сведения взыскание отменяю. Можете идти.

— Есть! — молодецки гаркнул Филипп.

И отправился на кухню. Не грех теперь и подзаправиться.

А Самохвалову взыскание не отменили...

И снова мотострелковая рота на марше. Суровый и сосредоточенный, сидит рядом со своими товарищами Каборин. В любую минуту готов выставить из бойницы автомат и вести огонь по противнику. Красивая земля раскинулась вокруг, сердце солдата щемит от любви к ней. Но ему некогда любоваться полями да лесами, он защитник их, и сердце его в полном боевом порядке.

Награды комсомола

В здании Центрального Комитета комсомола, боевом штабе советской молодежи, есть Зал комсомольской славы. Сюда нельзя входить без волнения. Здесь каждый экспонат — живая героическая история Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Вот шашка Буденного. И перед тобой возникают лихие атаки Первой Конной. Вот кусочек металла. И ты невольно вспоминаешь легендарную Магнитку. Пробитые пулями комсомольские билеты, медали за освоение целины, Почетный знак ЦК ВЛКСМ, врученный пионеру космоса Юрию Алексеевичу Гагарину... Здесь все говорит о подвигах комсомольцев во имя Родины. Об этих подвигах говорят и шесть орденов на знамени комсомола.

Ты еще не успел побывать в этом зале. Тебе еще не вручили комсомольского билета. Но у тебя, наш читатель, все впереди: и комсомольская путевка, и комсомольско-молодежная бригада, и первая комсомольская награда... Ты еще только готовишься стать в ряды Ленинского Союза Молодежи. Для этого надо не только хорошо учиться, быть инициативным, помогать старшим, но и знать историю ВЛКСМ.

О комсомоле написано много интересных книг. Сегодня мы советуем тебе прочесть небольшую книжку — **«Шесть орденов на знамени»**, которую выпустило издательство «Молодая гвардия». Написал ее для тебя журналист **Владимир Луцкий,** вся жизнь которого связана с комсомолом. В этой книжке шесть глав. Каждая посвящена одной из наград Родины,

которых в разные годы был удостоен комсомол. Прочти эту книгу, и ты поймешь, что все комсомольские поколения свято выполняли заветы Владимира Ильича Ленина, были в первых рядах строителей коммунизма. Тебе и твоим друзьям по отряду предстоит продолжить славные традиции комсомола. Книга кончается словами: «Не меньше, чем в прежние годы, требуется сегодня от комсомола: и героизм, и готовность к подвигу.

Потому что от молодежи, принявшей эстафету старших поколений, во многом зависит, каким будет Советский Союз к началу третьего тысячелетия нашей эры».

С. СЛАВИН

Мещерская быль

В левом углу обложки этой книги нарисован серп и молот — символ героического труда рабочего класса и колхозного крестьянства. Книга **В. Полторацкого «Человек и земля»** (**«Мещерская быль»**), выпущен-

ная государственным издательством «Детская литература»,— первая из серии **«Герои нашего времени»**. В серию включены книги, рассказывающие о героях пятилетки.

Всех этих людей отличает влюбленность в свое дело, умение трудиться творчески, это люди, которые создают и утверждают социалистический образ жизни.

Говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Виктор Полторацкий видел то, о чем пишет. Он вырос в тех местах, он хорошо знает людей, которые создали на болотистых землях мещерского края передовое колхозное хозяйство.

Герой книги — Аким Васильевич Горшков. Осенью 1928 года вместе со своими односельчанами он организовал сельскохозяйственную коммуну. Первых коммунаров было всего шестеро. В книге много фотографий, и на одной из них шалаш на заболоченной пустоши — первая артельная постройка.

Через четверть века в колхозе было уже не шесть, а более двухсот пятидесяти семей. Колхозное хозяйство росло, развивалось, строилось по плану. И на других фотографиях вы увидите и телефонную станцию, и электростанцию, и дом культуры, и гостиницу.

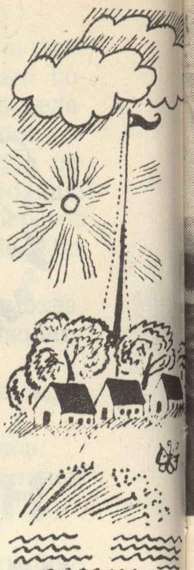
Теперь это колхоз-гигант. И Аким Васильевич Горшков — его бессменный председатель. Его счастье — это счастье его колхоза, всей страны. «В колхозе вся моя жизнь от начала и до конца»,— говорит Аким Васильевич.

Об этом замечательном человеке и написана книга В. Полторацкого.

Т. АЛЕКСЕЕВА

Березовый лес и речка, холодная даже в жару (потому и называется она Северка). Голубые домики. В каждом домике два соседа — два отряда. И соловьи. Сколько их в Непецине! Нигде в Подмосковье больше нет. Наверное, они любят, чтобы была речка и лес и чтобы жили в пионерском лагере ребята, которые не будут их распугивать по вечерам...

«Ах, картошка-тошка-тошка, пионеров идеал». Подпрыгивают в ладонях горячие черные картофелины. И тот не знает наслажденья-денья-денья, кто не сидел у такого вот костра.

Вниз по Северке по речке плывут, поднимая шум и брызги, разноцветные лодки. И непонятно: это лодки пятого отряда или пироги забывших осторожность индейцев...

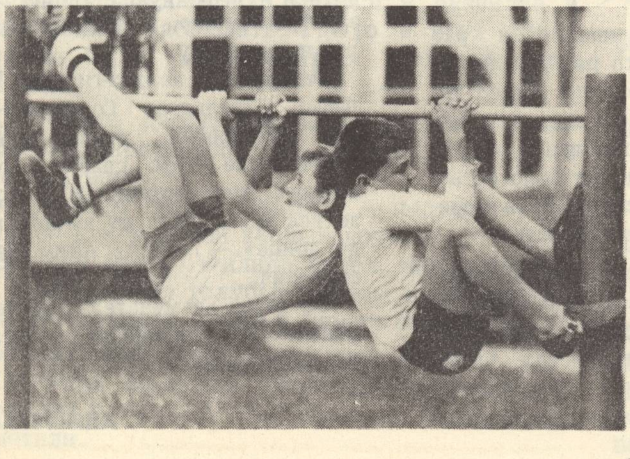
Каникулы... лето... июль...

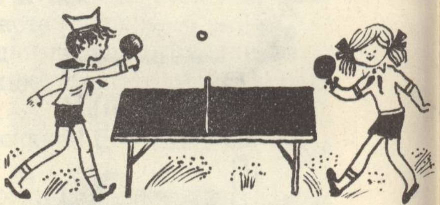

И. ГОЛУБЕВА.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА,

Дуэль. На турнике.

Королева ходит d1 — d8. Еще она ходит по траве и прячется в листьях мать-и-мачехи. Нужен глаз да глаз, чтобы не растерять поверженные белые пешки среди белых ромашек и защитить клетчатое поле от во-

инственных жуков и легкомысленных бабочек, которые ну совершенно ничего не понимают в защите Нимцовича.

«Мозговой центр». Лаборатория-мастерская. Вечера, проведенные у станка, и сложнейшие расчеты. Сколько их будет, прежде чем самолет поднимется в небо.

Вперед, в бой на десант сорняков, неожиданно появившихся в огороде! Долой сурепку, лебеду и пырей, мешающих нормальной жизни достойных обитателей огорода!

«Сочиняй, сочиняй... и все неправда, и все ты выдумал... и не бывает так никогда... Но все равно рассказывай, рассказывай!»

Как провести лето, чтобы не слоняться, не тосковать, не зевать?
Как сделать, чтобы все начатое зимой в отрядах продолжалось всюду, где бы человек ни оказался?
Вопросы, вопросы, вопросы!.. Они привели на наши страницы пионеров из Армении и студентку факультета журналистики МГУ Наталью ХМЕЛИК.

Пионеры на совете

ВОТ ТАК ОТДЫХ — ШКОЛА

— Что ты будешь делать летом?
— Ничего.
(Из разговора.)

Клуб «Костер» — это школа пионерского актива. Летом школа превращается в лагерь. Как всегда, в нем песни, карнавалы, веселые брызги на озере и светлые искры костра в черном небе. И все равно учеба актива. Учиться можно не только так: ученики сидят на одном месте и слушают, а учитель рассказывает. Еще и так: ты ученик, ты и учитель.

Трудовой десант. В саду лагеря на деревья напали враги, маленькие, но вредные. В бой, пионер! Главный советник в этом сражении агроном совхоза, а бойцы, командиры — сами ребята. Какое боевое задание? Старые листья убрать, в них-то и заводятся жуки. Побелить стволы — это не только для нарядности, это дезинфекция.

Навели ребята в саду порядок — победа! Растут деревья, и сами ребята подросли немного. Стали собраннее, проворнее, умеют весело организовать соревнование.

Лариса Аветисян. Меня в лагере многому научил

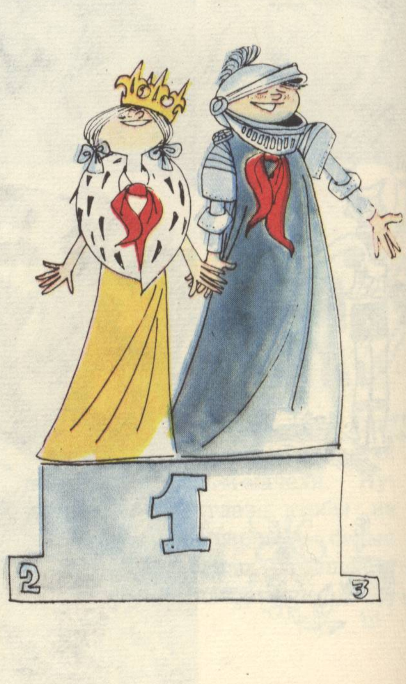

день мальчиков и день девочек. Мальчишки стирали и гладили рубашки. Девочки приготовили салат, придумывали и делали подругам прически. Соревнование мальчиков судили девочки, соревнование девочек — мальчики.

Маринэ Рафаэлян. Вечер поэта Севака перевернул мое

ПОДСКАЗКА

КАРИНЭ ГАРИБЯН. *Можно отправиться в экспедицию. К ней надо подготовиться серьезно. Наши ребята всю зиму читали книги по археологии, изучали карту, советовались с учеными, слушали лекции в археологическом обществе. А летом, получив задание у археологов, поехали на развалины крепости Амберд в Аштаракский район (крепость X—XIII веков). Мы и раньше видели эту крепость, но тогда нам эти развалины ни о чем не говорили. А теперь мы смогли сделать интересные зарисовки, фотографии, описания. И все это передали специалистам.*

разговор ведут о лете

сердце. И еще помню конкурс «Алло, мы ищем таланты». Я оказалась в числе победителей: сама придумала танец, грузинский, и танцевала его.

Араик Арханян. По-моему, самым интересным в лагере был диспут о предрассудках. Спорили, кричали: «Гадание на кофейной гуще — ерунда. Черная кошка — просто кошка-брюнетка...» По-моему, надо самому не верить в предрассудки. Возьму и напишу домашнее сочинение тринадцатого числа. Хорошо напишу и получу пятерку. Вот как надо бороться с предрассудками!

Армен Захарян. В лагере было хорошо. Волновались, смеялись, работали, дружили. И все, чему научились, принесли в дружины, отряды и звенья.

ПОДСКАЗКА

***АРМИНЭ СИМОНЯН**, председатель совета дружины пионерского лагеря имени Павлика Морозова.*

Если человек был председателем совета отряда, или звеньевым, или еще кем-нибудь, а потом его переизбрали, то пускай он не забудет научить новеньких активистов тому, что знает: подарит песни, расскажет о каком-то деле, которое не удалось осуществить.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ВСЕ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ

Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил.

(Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький принц».)

Андроник Погосян живет в Наирийском районе, в поселке Нор-Аджн. При школе летом был лагерь, Андроник сказал старшей вожатой:

— Хочу работать с отрядом.

Она посмотрела и говорит:

— Хорошо. Только будет трудно.

— Ничего, — храбро сказал Андроник, — я справлюсь.

Он тогда еще не знал, что с ними с ума сойдешь. Третий класс. Слушаться они слушались, но любимое занятие у них — задавать вопросы.

— Андроник! Из чего сделан спутник?

— А у сороконожки правда сорок ног? Бартан говорит, что тридцать шесть.

— Андроник! Как мне для куколки платьице скроить? Что же ты, вожатый, а не знаешь?..

Сначала Андроник суетился и страшно переживал. Но постепенно успокоился. Даже взрослые не все знают.

Они вместе в поход ходили, в деревню, были на птицеферме. Малыши многое открывали для себя, и Андроник многое понял. Самое главное: вожатый должен быть сам увлечен делом, на которое зовет и ведет ребят. И еще: самый тихий, если его поддержать и ободрить, может оказаться самым живым и активным... Старшая вожатая в конце лета сказала:

— Ты, Андроник, пользуешься авторитетом.

Он заулыбался и ответил смущенно:

— Я их не брошу, сам к ним привык.

НА САМОМ ВЕРХУ

— Давай с тобой дружить.

(Из разговора.)

А Карен Маркарян летом нашел друга.

Отряд шел в поход в горы. И командир поручил Карену и московскому мальчику Славе подняться на вершину раньше других и укрепить там флаг.

Трудно говорить, когда быстро идешь в гору. Да и не о чем особенно было разговаривать, они приехали в лагерь недавно и не успели как следует познакомиться.

Вдруг камень под ногой Карена пошатнулся, и Карен потерял равновесие. Не успел испугаться, Слава крепко схватил его и удержал.

Слава среднего роста. Карен никогда не думал, что Слава такой сильный. А может быть, Слава и не сильный, просто надежный друг.

ПОДСКАЗКА

АННА КАРАПЕТЯН. Шили для малышей игрушки: собак, тигров, белых и серых зайцев. Работала пионерская мастерская, в которой был свой директор, свои мастера, начальники цехов.

ПОДСКАЗКА

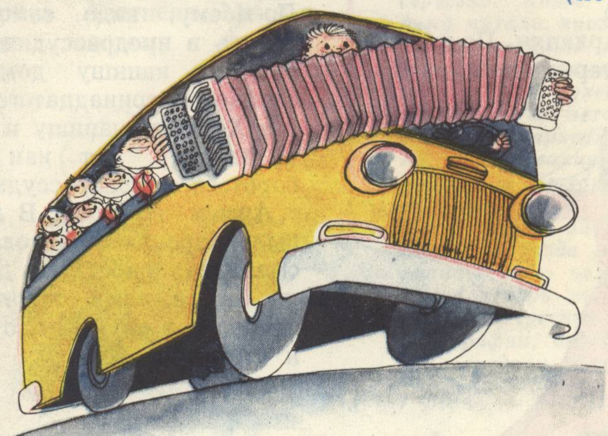
АРАИК МИКАЭЛЯН. Экскурсия в аэропорт. Если по-хорошему договориться с начальником, пустят посмотреть взлетную полосу, бензозаправщик и дадут посидеть в самолете.

ДЛЯ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

Повтори сто раз. На сто первый, может быть, получится.

(Из замечания Риммы Манучарян на репетиции.)

Хачик Оганесян больше всего на свете любит танцевать. Он не один такой: целый ансамбль танца при

парке имени Абовяна — сто пятьдесят девочек и мальчиков. И все больше всего на свете любят танцевать.

Летом ансамбль ездит по колхозам и там выступает. Где только не плясали ребята: и на виноградниках, и на бахче, и на ферме. Однажды был такой случай. В Октемберянском районе к руководителю ансамбля Римме Артавазовне Манучарян подходит председатель колхоза и спрашивает:

— Скоро кончится концерт?

— Все расстроились, подумали, не нравится. Председатель сказал:

— Сейчас поедем в поле.

Тогда они подумали: «Будем в поле еще раз выступать. Значит, все-таки понравилось». А когда автобус остановился, все увидели, что посреди поля горит костер, жарятся шашлыки. Кругом виноград и разные вкусные вещи. Председатель сказал:

— Для таких хороших артистов мы устроили праздник.

После обеда танцевали все вместе: и ребята, и колхозники, и председатель.

ОН УМЕЕТ ИДТИ ПО ТРОПЕ

— Кем ты будешь, когда вырастешь?

— Я еще не знаю.

(Из разговора.)

Ты стоишь на наблюдательной вышке и смотришь в бинокль. Рядом граница. Тебе двенадцать лет. Ты очень счастливый человек и обязательно поймаешь нарушителя.

Так и есть. Вон он идет. Одет странно: длинный ватный халат с длинными рукавами. Ты подаешь сигнал друзьям. Осторожнее, преступник, наверное, вооружен. Вы окружаете и задерживаете его. Начальник заставы пожимает ваши руки...

Ребята из дворового клуба имени генерала Сафаряна

при жэке № 4 города Еревана дружат с пограничниками. Руководитель клуба Ованес Мкртычевич Григорян, офицер в отставке, несколько раз за лето привозит ребят на заставу, где служат его товарищи. Ребята многому научились на заставе. Ара Чавушян, Артур Егикян, Каринэ Назарян умеют работать со служебными собаками, вести наблюдение, бесшумно шагать по тропе.

В тот раз нарушитель границы был не настоящий — инструктор служебного собаководства. Но ловили его юные друзья пограничников по-настоящему. И когда будет игра «Зарница», эти ребята наверняка победят: они умеют ходить в разведку, храбро сражаться и не отступать.

В каждом дворе ребята мечтают о штабе. Пусть это будет шалаш, или фанерная будка, или матерчатая палатка, или сложенная из ящиков пещера. Все равно. Пусть маленький, пусть крошечный, но свой штаб. Свой, ребячий дом, свой разговор.

У ребят из этого дворового клуба есть свой штаб. Под руководством Ованеса Мкртычевича они построили настоящий домик.

Вечером ребята собираются. Они приносят плитку и варят картошку. Не картошка притягивает их сюда, картошки и дома много. А то, что здесь сидят свои люди. Свои. Они особенно говорят, особенно молчат. Они умеют понимать друг друга. Иногда к ним приходят родители. Но главные хозяева здесь — ребята.

Форма отряда — пограничная фуражка, подарок друзей с заставы. А если она кому-нибудь велика, то это ничего.

ПОДСКАЗКА

РУЗАННА МАТЕНЯН, ученица школы юнкоров имени Ю. Фучика. Когда идет дождь и некуда пойти, хорошо сесть за стол и написать стихотворение про солнечный день или рассказ. И сразу станет светлей.

ПОДСКАЗКА

ВАРКИС ГРИГОРЯН. Хорошо помочь колхозу убрать яблоки. Весело, полезно и вкусно.

ПОДСКАЗКА

КАРИНЭ САРКИСЯН. Необыкновенно проходит конкурс «Рисунок на асфальте». Была тема: «Мир и солидарность». Участвовали все, кто хотел. Цветными мелками рисовали ребята на чистом асфальте. Три девушки в национальных костюмах. Озеро Севан. Герой на коне. Цветут яблони в колхозном саду. Можно провести конкурс на темы: «Ты, я, наш отряд», «Мой друг», «Ребята и зверята», «Ходили мы походами».

ПОДСКАЗКА

АННА ЕГИЯЗАРЯН. А у нас в конце лета, когда все съезжаются, бывает «арбузник». Ребята ездили по разным краям, а теперь соберутся вместе, поедят арбуза и снова привыкнут друг к другу.

«КРАСНАЯ КНИГА» ТРЕВОГИ

Н. НАДЕЖДИНА

Рисунки В. ДУДКИНА.

В прошлом веке русские гимназисты, начитавшись Майн Рида и Фенимора Купера, бежали в Америку. Они мечтали быть похожими на индейцев, жить среди дикой природы, охотиться на бизонов,— вспомним рассказ Чехова «Мальчики». Мечтам не суждено было сбыться. Беглецов задерживали и отправляли домой.

Ну, а если бы мальчишкам все же удалось добраться до Америки, они бы вправду видели и бизонов — чудо на земле, и чудо в небе — странствующих голубей, чьи стаи часами закрывали солнце.

Впрочем, и в других странах можно было навидаться чудес. Сибирские таежные тропы вели в соболье и медвежье царство, по киргизским степям носились дикие козлы-сайгаки, такие быстрые, что на лошади не догнать, в африканской саванне рычали львы и трубили слоны.

Казалось, природа земного шара так богата, что изобретенное человеком огнестрельное оружие не может нанести ей ущерб. Но бывает охота, а бывает убой. К двадцатому веку из шестидесяти миллионов бизонов осталось всего три тысячи, на Берегу Слоновой Кости уцелело лишь восемьсот слонов. Вымирали зубры, исчезали бобры, лоси, сайгаки, редели на Дальнем Востоке лежбища морских котиков.

И как же им было не редеть! О чем думали дельцы из Русско-американского общества, купившие у царя право на промысел котика? Лишь о своей корысти. Боясь, чтоб не снизилась цена на мех, они приказали сжечь семьдесят тысяч котиковых шкур!

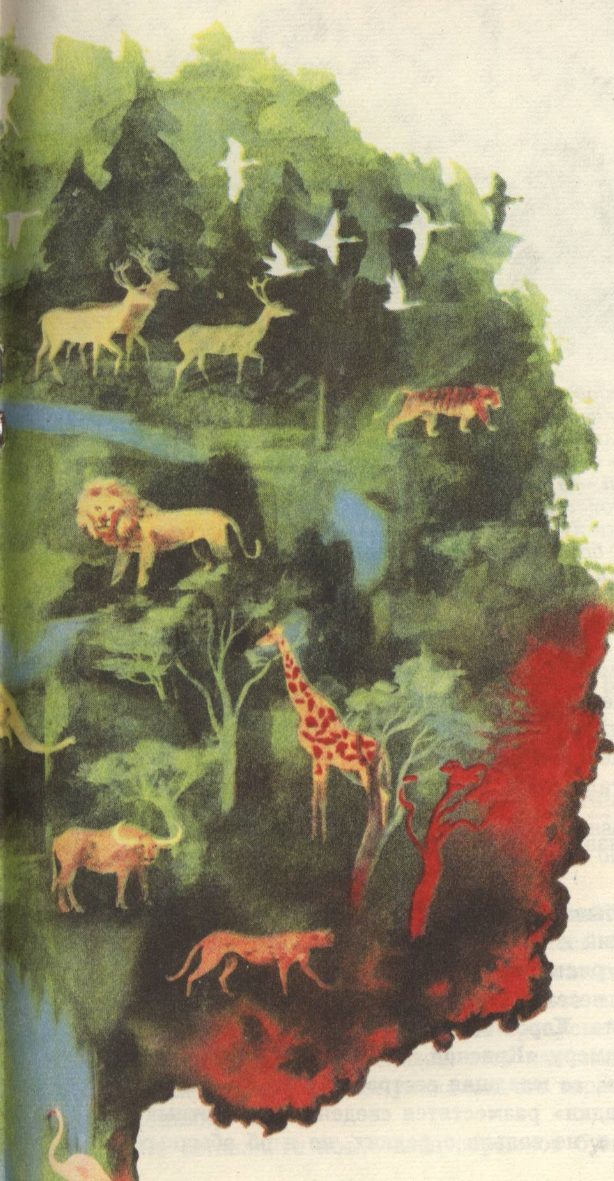
О чем думали американские фермеры, когда ловили странствующих голубей сетями и откармливали голубиным мясом свиней? Они думали: на наш век хватит! А вот на наш уже не хватило: нет больше на свете странствующих голубей! Нет диких лошадей-тарпанов, нет широкогрудых туров, предков нашего домашнего скота. Список безвозвратных потерь длинен: более двухсот замолчавших навеки птичьих и звериных голосов.

И еще двести девяносто видов и подвидов, если не принять меры, ждет та же участь.

Академик Павлов говорил, что собака вывела человека в люди. То же самое можно сказать про лошадь, лягушку, осла, верблюда, оленя, слона — про многих наших четвероногих помощников, работяг, мучеников науки. Благодаря животным человек был сыт, обут, одет, пахал землю, возил грузы, выигрывал сражения, прокладывал пути в песках пустыни, во льдах, в космосе, делал научные открытия.

Английский писатель и ученый Даррелл считает, что исчезновение какого-либо вида животных — невосполнимая потеря для человечества, подобно утрате шедевров мирового искусства — полотен Рембрандта. И то и другое неповторимо. При всем могуществе науки человек не может создать искусственным образом даже инфузорию — простейший живой организм.

И вот они уходят: глазастые, длинноухие, мохнатые, пушистые, с которыми мы сроднились с детства, играя с плюшевыми обезьянками, лисами, зайцами, мишками, читая сложенные про них сказки и стихи. Уходят тигры, орлы, соколы, львы, медведи — могучие, величавые, чьи скульптуры украшали площади, чьи изображения красовались на зна-

менах и гербах. Уходит радость — без птичьих песен пустым и скучным кажется лес.

Теряя их, мы теряем и что-то еще человеческое, какую-то часть своей души.

Международный союз охраны природы издает «Красную книгу». Ее нельзя читать без волнения, хотя сюжета в ней нет, а только записи: о белом и черном медведе, о тюлене-монахе, о различных китах, об амурском тигре — **о тех животных, которых осталось так мало, что они могут исчезнуть совсем.** Каждая страница «Красной книги» словно набат: **пока еще не поздно, пока мы их еще не потеряли, защитим и сбережем их!** И этот набат тревоги находит отклик во многих человеческих сердцах.

В своих веселых, остроумных, добрых книгах Джеральд Даррелл рассказывает об экспедициях в Австралию, Африку, Южную Америку, где он покупал у населения редких животных и ловил сам. Корабль, на котором Даррелл вез из Аргентины в Англию своих «бичос» [1], походил на легендарный Ноев ковчег: пума, краснолобые попугаи амазоны, оцелот, карликовые совы, величиной с воробья, коати, родственники енотов, чьи задранные кверху пушистые хвосты изогнуты словно гигантские вопросительные знаки, дурукули, единственные на свете обезьяны, которые разгуливают по лесу ночью, дикие тропические свиньи-пекари «Хуан» и «Хуанита».

Перед отъездом Хуанита заболела воспалением легких, и, чтобы согреть больную, Даррелл брал ее к себе в постель. Острые копытца танцевали у него на груди поросячье танго, а пятачок тыкался в лицо!

Хуанита все же благополучно доехала до Англии и в зоопарке на острове Джерси уже трижды принесла поросят. Даррелл надеется, что Джерси станет и для других редких животных островом спасения.

Так по-своему защищает животных Даррелл. Другие ищут другие пути.

Вы все, наверное, видели фильм «Рожденная свободной» по книге Джой Адамсон. Это единственная в мире женщина, которой вольные звери — львица Эльса и гепард Пиппа — доверяли семейные тайны, сами показывали путь к логову, приводили своих малышей.

Рожденные свободными должны жить свободными. Таков девиз Джой Адамсон.

Но ни льву, ни тигру, за шкуру которого в начале двадцатого века платили полторы тысячи рублей золотом, ни другим крупным хищникам кошачьей породы без охраны на воле не выжить.

Как же быть?

«Красная книга» адресована и членам правительств, и ученым, и миллионам людей — всему человечеству.

По этому адресу и обратилась Джой Адамсон. Она учредила фонд, названный в память четвероного друга фондом Эльсы. Средства из фонда Эльсы пойдут на заповедники для крупных хищников. Одному человеку, как правильно поняла Джой Адамсон, их не защитить.

В нашей стране с первых же лет Советской власти охрана природы стала важнейшей государственной задачей. Благодаря принятым в те годы декретам у нас сохранились и размножились зубры, соболя, сайгаки, лоси, бобры.

Сейчас законы об охране природы приняты во всех союзных республиках.

Под особой защитой редкие, исчезающие виды. Среди них четырнадцать видов рептилий, сорок видов птиц, сорок два вида млекопитающих. Им в первую очередь предоставляется право заселять заповедники.

Заповедник не только убежище для зверя, но и рассадник, откуда подросшую молодь развозят на новые места. Заповедник — это достояние народа, это живые сокровища, которые нынешнее поколение передает будущему. В будущее с величайшей прозорливостью смотрел Владимир Ильич Ленин, подписывая первый советский декрет о заповедниках в годы гражданской войны. Сейчас в нашей стране около ста заповедников и несколько тысяч заказников.

[1] Животных (по-испански).

Заповедный лес — это особый мир. Право собирать лесной урожай предоставлено птицам и зверям: ягоды можжевельника — рябчикам, орехи и грибы — белкам, малину и чернику — медведям, рябину — дроздам и глухарям. Валить деревья разрешается только бобрам — для плотин, для хаток, для зимних запасов.

В заповедник на любую должность идут по призванию: лесные люди — особенный народ, упорный, немногословный, терпеливый. Не каждый сможет часами вести наблюдения, не обращая внимания на облепивших лицо и руки комаров. Ведут наблюдения чаще всего в одиночку. Один молодой зоолог из Лапландского заповедника перед сном читал самому себе вслух стихи, «чтоб не разучиться говорить».

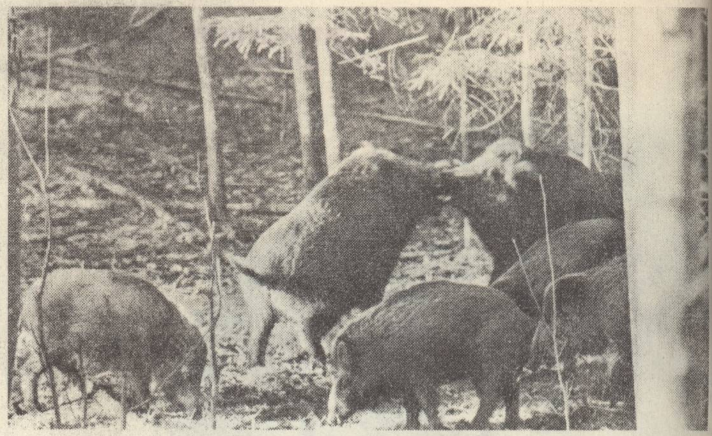
Получив приглашение от московского художника приехать к нему в гости, зоолог позвонил с вокзала по телефону и сказал: «Ты мне не объясняй про транспорт. Я пойду к тебе пешком по компасу. Я так привык».

Привыкать приходится и к зимней стуже и к ледяной весенней воде,— в любую погоду надо выручать застигнутых половодьем косуль и зайцев, откапывать завязших в снегу оленят.

По своему мужеству лесная стража напоминает пограничников. Директор Судзухинского заповедника Л. Г. Капланов погиб, как часовой на посту. Он целые дни проводил в тайге, изучая повадки зверей. Но однажды его отсутствие было настолько долгим, что встревоженные товарищи отправились на поиски. Они нашли Капланова мертвым. Его убили браконьеры, с которыми он вел непримиримую борьбу...

Недавно при Академии наук СССР состоялось совещание. Выступали делегаты, про которых можно было сказать: вот представитель тигра, а вот посланцы снежного барса, ладожской нерпы, зайца-толая, белогрудого медведя, летучих мышей, выхухоли и других нуждающихся в защите зверей.

Что же тревожило посланцев полосатого хозяина тайги? Почему они говорили о сборе грибов, о порубке кедра и дуба? Какое отношение имеет это к тигру, который, как известно, не вегетарианец? Самое прямое. Осенью желудями и грибами питается олень, кедровыми орехами — кабан. Из-за вырубки лесов, из-за недостатка корма уменьшилось поголовье оленей и кабанов. Стало мало оленей и кабанов — стало голодно в заповеднике тигру. Все в природе — от маленького желудя до могучего зверя — связано между собой.

Недавно в среднерусских лесах снова появились дикие кабаны. Их завезли для расселения из дальневосточной тайги и Средней Азии. Новоселы быстро освоились, а чтобы им было легче зимой — в самое трудное время,— егеря подкармливают животных... Бывает, что маленькие кабанчики привыкают к человеку, которого часто видят, не боятся его, позволяют погладить себя, почесать бочок.

Не забывай об этом и ты, когда летом поедешь в пионерский лагерь, в деревню или пойдешь с друзьями в туристский поход. В нашей стране охрану природы несет весь народ, взрослые и молодежь, и вы, ребята. **Хорошо, если у вас, в пионерском отряде по примеру «Красной книги» заведется «Красная тетрадка», ее младшая сестра. На страницах «Красной тетрадки» разместятся сведения о животных вашего края, не только о редких, но и об обычных, к**

Люди! Еще не поздно! Остановитесь, подумайте!
Сбережем и защитим тех, кого мы еще не потеряли...

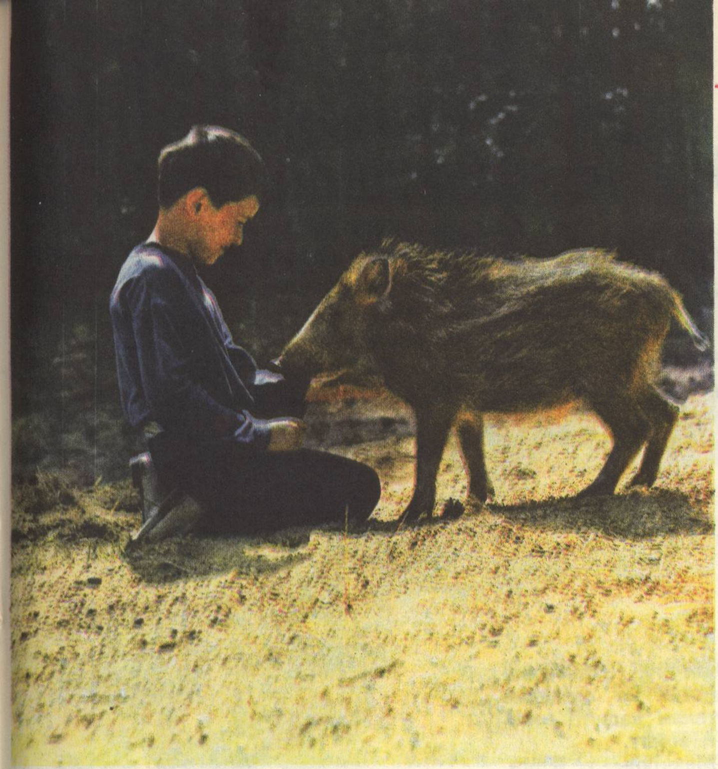

Фото А. ЩЕГОЛЕВА.

сервных банок и прочего мусора — следов невежества, на которые стыдно смотреть. Некоторые ребята думают, что мужество можно проявить лишь при схватке с браконьерами. Только это не так. Остановить тех, кто разоряет птичьи гнезда и муравейники, бросает камни в лягушку, губит грибницу, калечит кусты и деревья, вырывает с корнем кустик черники, тоже нужно мужество. **Тому, кто завел «Красную тетрадку», стоять в стороне нельзя.** Защищая орешник, вы защищаете белку: орехи — ее запас на зиму. Защищая чернику, вы защищаете птиц, которые клюют черно-сизые ягоды, и лисицу, которая на этих птиц охотится. Все в лесу связано между собой.

Для того, чтобы ваши записи заинтересовали ученых и краеведов, надо продолжить «Красную тетрадку» на следующий год. За одно лето много не напишешь. **Но за один летний день можно полюбить живую природу.** И эта очень важная запись, сделанная в сердце, не забудется никогда.

примеру, ежах, которых вы справедливо взяли под свою защиту. Ведь то, что сегодня обычно, назавтра может стать редким, если заранее не позаботиться о нем.

Лесные птицы и звери — народ скрытный, их не так-то просто увидеть. Что должно стать вашим пропуском в мир невидимок? Умение самим быть незаметными, как они.

Не одевайтесь ярко, не кричите, не пойте в лесу, не делайте резких движений, научитесь бесшумно ходить, затаиваться, чутко прислушиваться к каждому шороху, терпеливо ждать. Будьте внимательны на уроках птичьего языка, не пропускайте ни одной страницы в книге следов: этот написанный мохнатыми лапами учебник уникален, его тираж — один экземпляр.

Не оставляйте после себя обрывков бумаги, кон-

«КРАСНАЯ ТЕТРАДКА»— наше июльское задание

От редакции. Итак, наше июльское задание тебе и твоему пионерскому лагерю: заведите у себя «Красную тетрадку». Этим летом вы запишете в нее первые, немногие, но важные сведения о животных вашего леса, начнете перепись его обитателей. Ничего, если в первое лето будут заполнены не все страницы: **«Красная тетрадка-74» — только начало вашей работы.**

В конце лета, когда наблюдения будут закончены, выпишите самые интересные из них и пришлите к нам в редакцию. Не забудьте приложить рисунки и фотографии. Тетрадку обязательно оставьте у себя, чтобы продолжить на будущее лето.

Самые интересные работы мы покажем ученым и опубликуем в журнале.

На конверте с записями пометьте: «Красная тетрадка-74».

Говорят делегаты I Всесоюзного слета тимуровцев

В ОКТЯБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА НА СЛЕТЕ В АРТЕКЕ ТИМУРОВЦЫ ПОЛУЧИЛИ ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА ЗАДАНИЕ. СЕГОДНЯ РЕБЯТА РАССКАЗЫВАЮТ О ТОМ, КАК ОНИ ВЫПОЛНЯЛИ ЗАДАНИЕ ШТАБА.

Провели операцию «Огненная дуга». Собирали материал о воинах, погибших в битве на Курской дуге.

Юрий Руднев, Покровская школа,
Курская область.

В школе работает книжный магазин. Мы берем по договору в книжном магазине книги и продаем их в школе. Продавцы-тимуровцы продали книг на 276 рублей.

Леня Истомин, г. Ухта,
Коми АССР.

Взяли шефство над школьным буфетом. Моем посуду, приносим продукты, следим, чтобы малыши не бросали хлеб, а старшеклассники не лезли без очереди.

Анна Полуэктова, школа № 7,
г. Житомир.

Мы помогаем колхозу собирать урожай яблок и груш.

Зинагуль Батырканова,
с. Оргочер, Киргизская ССР.

Устроили конкурс на лучшие иллюстрации к книгам Аркадия Петровича Гайдара.

Зина Розинкина, г. Светлогорск,
Калининградская область.

Собрали макулатуру. Заработанные деньги пошли на создание памятника жителям нашего города, погибшим в войну.

Ирина Макарова, г. Юрга,
Кемеровская область.

Работает тимуровский кукольный театр «Солнышко». Выезжаем на «гастроли» в детские сады.

Галя Кудряшова, д. Баранцево,
Московская область.

Для подшефной сельской школы собрали библиотеку и сделали учебные пособия.

Наташа Фольченко, г. Ухта,
Коми АССР.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Помогаем на ферме. Кормим телят, подносим солому для подстилки.

Алексей Пережогин,
с. Скоблино, Курганская область.

После того, как на сборе дружины я рассказала о I Всесоюзном слете тимуровцев, ребята решили создать свой штаб. На сборе мы вручаем пакеты с красными звездами, в пакетах находятся задания: отремонтировать книги в школьной библиотеке, разыскать воинов-героев, освобождавших город Минск. Провели операцию «Детям села» и собрали для сельских ребят книги, игрушки и подарки.

Алла Трушина, школа № 8
имени В. И. Ленина, г. Горький.

Помогаем пропалывать молодые посадки. Собираем семена березы, дуба.

Александра Зубакова,
с. Сенцово, Липецкая область.

В нашем парке мы зимой расчищали дорожки от снега. Весной сажали деревья, кустарники, цветы. Летом поливаем их. Осенью будем убирать территорию парка.

Марина Мылова, Белозерская
школа, Вологодская область.

Во время каникул мы помогаем чабанам нашего совхоза и стригалям овец.

Курбан Романов,
г. Казанджик, Туркменская ССР.

Когда я вернулась из Артека, у нас в районе проходил первый районный слет тимуровцев. На этом слете я рассказала, чему научилась в Артеке, и о работе тимуровского отряда нашей школы. Мы разносим письма и телеграммы. Осенью будем помогать колхозу убирать овощи.

Лена Молодец,
д. Орловка,
Амурская область.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ЖДЕТ ОТ ТИМУРОВЦЕВ НОВЫХ ДОНЕСЕНИЙ.

Марина МАХАЛОВА — семиклассница. Она занимается в литературном клубе «Дерзание» Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова.

У знамени пионерлагеря «Зеркальный»

Ночь. «Зеркальный», как на ладони.
Вдали не видно о́зера кра́я.
Ночь. Спать, спать клонит...
Но мы охраняем сегодня знамя!

И что-то в горле, как будто комок.
И гордость особая, не простая.
И кажется, что простоять бы мог
Здесь ты всю жизнь, охраняя знамя!

❇

Вадик ГРОЙСМАН живет в Киеве. Когда он написал это стихотворение, ему было 10 лет. Стихи он пишет со второго класса. Еще он собирает марки, играет в шахматы и любит читать книги о необыкновенных приключениях.

В лес по ежевику

Травы ласково щекочут ноги,
Над цветами бабочки порхают.
В лес свернули с пыльной мы дороги,
Я и папа по лесу шагаем.
Собираем вместе ежевику,
Солнышко нам весело смеется.
Вдруг кричу я папе: — Погоди-ка!
Вот змея какая-то крадется!
— Это уж,— с улыбкой он ответил,—
Никого он в жизни не кусает!
Нам в лицо прохладный веет ветер,
Ежевика ближе подступает.
Справа, слева, сзади ежевика,
Нам колючки всюду угрожают...
Мы попали в чащу ягод диких!
Как теперь нам выбраться, не знаю!
Пробирались весело, со смехом.
Поцарапались немного. Ну и что же!
Нам царапины, конечно, не помеха,
Ведь такой сегодня день хороший!

Вот и обещанные рисунки ребят из студии «Керемик» к сказкам Александра Сергеевича Пушкина. Узнаешь? Конечно, Руслан и Людмила. Людмилу нарисовала Галя Колкина, а Руслана — Галя Горохова. «Сказку о царе Салтане» очень любит Марина Монахова и Царевну-лебедь рисовала, как видно, с большим удовольствием.

Наташа АЛЕШИНА живет в Брянской области, в деревне Грибовы Дворы.

Деревня

Деревня моя, как люблю я тебя!
Вовек тебя не покину.
Особо мне любо бывает смотреть,
Как гонят на ра̀нке[1] скотину.
Спросонья скорее бегу я во двор,
А мать, подоивши Буренку,
Так ласково-мило глядит на меня
И в руки дает мне доенку.
Парного скорее напьюсь молока,
Спешу разбудить я соседа.
А он уже гонит Красавку свою
И мне говорит: «Непоседа!»
Не спится, не спится мне, дядя Матвей!
С утра я любуюсь деревней своей!

[1] На ранке — рано утром.

Это стихотворение прислала из Одессы **Маша СТРИКОЛЕНКО.**

Русский язык

Язык моей Родины, русский язык,
К тебе каждый с детства, как к солнцу, привык.
Тебя слышим утром, тебя слышим днем,
Тебя слышим в песне, когда мы поем.

По-русски ругает и хвалит нас мать,
По-русски к доске нас зовут отвечать.
По-русски нам синее море шумит,
И горн пионерский по-русски трубит.

*

«Стихи я начала писать с первого класса, но как-то забывала их записывать, и они стирались в памяти. А записывать начала только с шестого класса» — это слова **Лены КУТОЛИНОЙ.** Вот и хорошо, что записала! Лена из Новосибирска. Ей 13 лет.

Звон старых часов

Я часто замираю,
Услышав часов старых звон.
Они ведь служили людям
С далеких-далеких времен.

Они отмечали время
И судьбы, ушедшие вдаль.
Они видели, как в сорок пятом
Бойцу вручали медаль.

Они звенят и сегодня,
События жизни храня.
И этим очень дороги
Они для вас, для меня.

Сон одуванчиков

Раз я проснулась рано
И вижу: на поле, вдали,
Одуванчиков веснушки
На умытом лице земли.

Солнца лучи золотые
Пробились сквозь тучу вдруг,
И ожил, затрепетал
Весь жаркий, как солнце, луг.

Тугие желтые щечки
Нежились на ветру.
Какое счастье — увидеть
Одуванчиков сон поутру!

У меня есть лев

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ОСТРОВА.

Гей! Гей! Гей!

Кони мчатся по бездорожью, и из-под бешеных копыт поднимается кирпично-красная пыль. Кажется, земля горит и это дым, окрашенный языками пламени. Узкими рыбками мелькают серебристые листья олив, а цветы дрока бьют в глаза желтым огнем. Жухлая, неживая трава шуршит, как жестяная, синие тени лошадей скользят по ней. А земля летит из-под копыт лентой бешеного транспортера.

Звучат крики загонщиков, лай собак, ржание, выстрелы и блеяние козы. И вдруг все звуки заглушаются ни с чем не сравнимым ревом потревоженного льва, которого разбудили и выгнали из логова. От этого рева вздрагивает все живое, и даже людям с твердым сердцем становится не по себе. Лев ревет, пригнув голову к земле, и невозможно определить, где он находится, потому что всю землю застелил его грозный рык.

Так началась охота на львов — сафари. Настоящая война, в которой участвовали люди, кони, собаки и безобидная коза — она служила приманкой. Схватка, погоня, страх, жестокость. И не было в этом темном сгустке даже крохотного островка милосердия.

Гей! Гей! Гей!

Лай, крик, свист.

И вдруг в поле зрения появляется лев. Он повернул голову, и сафари на мгновение замерло, у всех перехватило дыхание при виде этой мощи и величия. Но вот лев сделал несколько отчаянных прыжков, и гремящий транспортер снова заработал: по огромному ровному пространству, как гигантское перекати-поле, покатилось грохочущее облако пыли. Оно превратилось в дымовую завесу, которая скрыла от глаз подробности схватки со львом.

Потом наступила тишина. И из облака оседающей пыли вышли шесть человек. Сгибаясь под тяжестью, они несли на длинном шесте убитого льва. Лапы вверх, туловище вниз, голова запрокинута, грива метет дорогу. Все поздравляли маленького человечка, одетого в белое, с яйцевидным шлемом на голове. В этом шлеме он похож был на мотоциклиста, пересевшего на лошадь. Человек как-то странно скалился — так он улыбался. Сверкали белые ровные зубы. Казалось, он не застрелил льва из винтовки, а перегрыз ему глотку этими крепкими белыми зубами. Он остановил коня, сделал несколько глотков из фляги, перезарядил винтовку.

Отряд, поднимая облако кирпичной пыли, устремился вперед. Теперь кони скакали по каменистому плато. Подковы щелкали, как пистоны. А далеко впереди большими прыжками бежал другой лев. Он уходил от погони. Но лающее, ржущее, стреляющее облако приближалось, подкатывалось. Становилось все больше. Оно заслоняло небо и готово было поглотить выбившегося из сил зверя. И вдруг лев отчаянно бросил свое тело вперед...

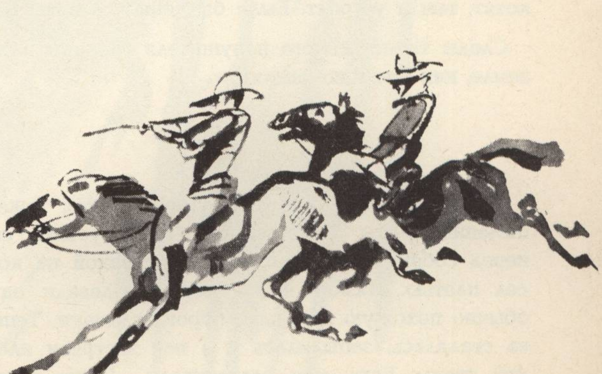
Он прыгнул с обрыва в быструю воду горной реки. Его понесло течением. Закрутили водовороты. Никто не видел, достиг ли он берега.

Отряд доскакал до обрыва и — стоп! Осадили коней. Облако пыли погасло, скисло, стало оседать.

— В чем дело, Ахмет? — рассерженно крикнул маленький человек, и зубы его блестели, словно он хотел укусить.— Почему встали? Лев уходит!

— Дальше нельзя, господин.— Ахмет оказался рядом с хозяином.— Граница.

Гей! Гей! Гей! Мчатся по бездорожью кони...

— Черт с ней!— Человек в белом был разгорячен. Он сдвинул шлем на затылок.— За льва уплачены деньги! Для денег нет границ!

— Вы забываете, господин, что это советская граница.

Босс сплюнул, развернул коня и поскакал прочь. Отряд пустился вдогонку.

— Четыре убитых льва не так плохо, господин,— сказал Ахмет, догоняя хозяина.— Четыре из пяти совсем не плохо.

Босс молчал. Отряд двигался за ним. Ахмет подал сигнал, и к нему подскакал человек в грязной чалме.

— Где лев Джуры?— спросил Ахмет.

— По-моему, его застрелили третьим. Разве это важно?

— Теперь уж ничего не важно,— сказал Ахмет.— Дело сделано.

Облако пыли — красное облако сафари — становилось все прозрачнее и наконец слилось с маревом знойного дня.

❇

Два советских пограничника склонились над вспаханной полосой. На мягкой земле четко, как штемпеля, были отпечатаны следы, каких ни одному из бойцов не приходилось встречать ранее. Одна большая ямка и четыре поменьше. Одна большая ямка и четыре поменьше. След был похож на цветок фиалки.

— Ничего себе лапа!— воскликнул невысокий пограничник с облупившимся от солнца носом.— Тигр? Барс? Что ты на это скажешь, Костин?

— Откуда здесь тигры?— отозвался белобровый Костин, не отрывая маленьких, цепких глаз от следов.— Барсы встречаются.

— Может быть, нарушитель надел ботинки на «барсовой» подошве?

— У барсов лапы меньше,— отозвался Костин, рассматривая загадочные следы.

По земле пробежала маленькая ящерица. Она пересекла таинственный след и исчезла в камнях.

— А львы здесь не водятся? — неожиданно спросил невысокий с облупившимся носом.

— Львов здесь нет. Я третий год служу.

— На той стороне все может завестись. А следы ведут оттуда.

— И там нет львов,— стоял на своем Костин.

— Сегодня нет, а завтра заведутся.— Он был упрямым, этот облупившийся нос.— Ты никогда не слышал про сафари? Богачи устраивают охоту на львов. Где захотят, там и устроят. Были бы деньги, а львы найдутся.

Следы таинственного нарушителя границы лежали на земле, как большие фиалки.

❇

Лев шагал медленно, бесшумно опуская тяжелые запыленные лапы. Его погасшие глаза устало смотрели перед собой. А хвост с бурой кисточкой на конце висел плетью. Низкие ветки порой задевали за гриву, обычно похожую на языки бурого пламени. Теперь грива свалялась, запылилась и в ней застряли клочья сухой травы. Бока льва вздрагивали. Зверь тяжело дышал.

Временами лев останавливался, закрывал глаза и напрягал слух. В лесу было тихо. Но лев слышал жалобное блеяние козы, крики загонщиков, лай собак, выстрелы и ни с чем не сравнимый рев его грозных сородичей, которых будят и выгоняют из логова.

Гей! Гей! Гей!

Лев открыл глаза, и сразу все смолкло, оборвалось. Где-то над головой в листве выводила трель птичка-невидимка. Редкие солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую гущу горного леса, бросали на тропу соломенные блики. В небе виднелась отработанная, оставшаяся с ночи луна. Она была похожа на стреляную гильзу.

Дальше путь льва проходил у основания высокой базальтовой стены, на которой древний художник изобразил барсов, гепардов, куланов, туров. Рядом с ними были нарисованы охотники в барсовых шкурах, держащихся на одном плече. В руках у охотников были короткие копья с кремневыми наконечниками и луки со стрелами. В конце стены, несколько особняком, был изображен лев. Он был крупнее всех остальных зверей, а его осмысленные глаза больше походили на глаза человека. Рядом со львом вместо охотника с копьем стоял юноша в барсовой шкуре, с молотком и зубилом. Это уже была не охота, а искусство: лев позировал юному художнику.

Лев прошел мимо этой необычной картинной галереи, и вдруг перед ним возникло призрачное тельце косули — золотистое, с белыми пятнышками. Веточки ее рогов вырисовывались на фоне голубого неба полувенком. Некоторое время хрупкое животное стояло неподвижно, потом вдруг сорвалось с места и помчалось длинными прыжками, словно от испуга лишилось веса и летело по воздуху.

Лев не погнался за ней. То ли обессилел, то ли еще не настал час охоты. А охотятся львы ночью.

У ключа, который бил из расщелины в скале, лев решил напиться. Он ловко ловил струю розовым, сложенным лодочкой языком. Капли воды сверкали на его белых капроновых усах. Напившись, лев двинулся дальше. Его внимание привлекли три человека, которые шли по нижней тропе. Лица всех троих так густо заросли бородами, что казалось, путники надели маски, чтобы быть неузнаваемыми. Не видно было, какие у них рты, щеки, подбородки. Их можно было различить только по цвету бород. Впереди с ружьем наизготовку шел чернобородый, за ним с огромным мешком за спиной невысокий, с бесцветной бородой, торчащей, как клок сена. Маленький отряд замыкал человек с бородой кофейного цвета.

Трое бородачей что-то напевали. Им и в голову не могло прийти, что в непосредственной близости от них медленно, словно рассчитывая каждый шаг, движется лев.

Первый человек, которому суждено было встретиться со львом, был почтальон. Он ехал на велосипеде по той тропе, где недавно прошел лев. Сбоку у почтальона висела пухлая потертая сумка. Сам же почтальон был худ, угловат, сизые волосы росли у него на голове кустами. Острые колени почти упирались в блестящий руль. Когда ветви деревьев были особенно низкими, почтальон как бы складывался пополам, чтобы уберечься от шипов.

Он ехал к лесничему с недельным запасом почты. Не будешь же каждый день ездить в такую даль!

Лесничество — небольшой островок в непроходимой чаще, зеленая поляна, где ничто не мешало солнечным лучам достичь земли. Посреди полянки стоял рубленый дом под черепичной крышей. С большими окнами. С антенной, похожей на флагшток. С лестницей, приставленной к чердаку, где был устроен сеновал.

Перед домом паслась коза, привязанная за заднюю ногу. Небольшой горный ручей пересекал поляну.

Двое ребятишек, дети лесничего, младший — Ромка и старшая, носящая самое древнее человеческое имя — Ева, бросали в ручей обыкновенные щепки и наблюдали, как бегущая вода подхватывала их, превращая в корабли.

Неожиданно малыш распрямился, тряхнул своей лохматой, давным-давно не стриженной головкой и сказал:

— Хочу есть!

— Идем, налью тебе молока,— предложила старшая сестра.

— Хочу мяса!— потребовал маленький мужчина и направился в дом.

Старшей сестре — она была на два года старше его — ничего не оставалось, как последовать за ним.

Ребята скрылись в доме.

И тогда у плетня, окружавшего двор, появился лев. Он остановился. Посмотрел на закрытую калитку и легким прыжком перемахнул через ограду. Недаром львы у себя на родине преодолевают двухметровую ограду загона для скота — да еще с молодым бычком в зубах.

Увидев льва, коза тихо заблеяла, и ее желтые глаза сузились и позеленели от страха. Мелкими шажками коза побежала за дом. Льву требовалось лишь мгновение, чтобы разделаться с ней, но он отказался от легкой добычи, а дошел до середины двора и остановился. Он долго принюхивался к запаху человеческого жилья и, видимо, наконец решил, что делать дальше.

Как раз в это время к ограде медленно подкатил почтальон. Он прислонил велосипед к забору и привычным движением распахнул калитку. Сделав несколько шагов, почтальон увидел льва. Это было так неожиданно, что почтальон не побежал и даже не вскрикнул. Ухватившись руками за широкий ремень своей сумки, он стоял на месте.

Лев медленно оглянулся и смерил почтальона взглядом. Худой человек с сизыми волосами не заинтересовал льва. И зверь равнодушно отвернулся. Работник связи

Лев перемахнул через ограду.

медленно, как бы нехотя сел на велосипед и, как выстреленный, исчез в чащобе. Лев лег у ручья.

*

Рад шел по крутой каменистой тропе и тянул за уздечку коня. Лес поднимался в гору. Каждое дерево стремилось ввысь. Только отдельным лучам солнца удавалось пробиться сквозь густой зеленый заслон.

Рад вытянутый и худой. Его лицо такое коричневое, словно загорело не на солнце, а побывало в гончарной печи. Темная челка припечаталась ко лбу. Живые выпуклые глаза, похожие на глаза олененка, смотрели на мир с тревожным интересом. Лихо заломленная форменная егерская фуражка, грубая куртка, годная на все случаи жизни, тяжелые сапоги делали его похожим на взрослого. За спиной на брезентовом ремне висело ружье.

Где-то впереди раздался выстрел. Эхо отозвалось в горах трижды. Рад прибавил шагу.

Лес кончился, и перед юношей возникло каменистое плато с отвесной базальтовой стеной, у которой сиротливо стоял козленок. Самой же косули не было.

— Убили мамку?— тихо спросил козленка Рад и отпустил коня.— Уж третью мамку убивают!

Он протянул руку к козленку. Тот пугливо отбежал в сторону и снова замер на своих тоненьких, негнущихся ножках.

В это время на тропе показались два всадника, похожие на ковбоев.

— Эй, Рад!— осаживая коня, крикнул пограничник с маленькими, цепкими глазками.— Все по лесу разгуливаешь?

— Косулю убили,— отозвался Рад.— В лесу появились браконьеры.

— На четырех ногах эти браконьеры,— усмехнулся невысокий, с облупленным носом.

— Думаете, барс?

— Бери выше! — сказал Костин.— Где Дед?

— В городе.

— Что ж ты малышей одних бросил?

— Они привычные,— отозвался Рад.— Лесные малыши. Ничего им не будет.

— «Ничего им не будет!»— повторил Костин.— А ты знаешь, что у нас в лесу расхаживает лев?

— Шутите!— усмехнулся Рад.

— Нам с тобой шутить нет времени. Мы почтальона встретили. Он видел льва.

— Может быть, ему померещилось. Ему иногда... мерещится.

— Зато нам не мерещится,— сказал Костин.— Мы сегодня на вспаханной полосе видели следы льва. Красивые следы, похожие на фиалку.

— Что же мы медлим? — встревожился Рад.

Он быстро взял в руки ружье, словно лев был рядом и надо было стрелять без промедления, вскочил на коня.

— Мы с тобой!— крикнул Костин.

Но Рад уже мчался по каменистому плато.

Пограничники переглянулись и поскакали следом.

Три коня пронеслись вдоль базальтовой стены, словно участвовали в охоте, изображенной древним художником. Потом свернули по пролеску и наконец исчезли в зеленой пучине горного леса.

Еще долго звучала дробная россыпь копыт.

*

Хотя лев был огромным и тяжелым, он вошел так тихо, что даже не скрипнула половица. Миновал сени. Переступил высокий порог и очутился в большой комнате. В комнате было тихо, и лев решил сначала, что дом пуст, но тут он заметил двух маленьких детей, которые спали на диване.

Лев сделал еще несколько шагов и остановился у стола. На блюде лежал большой кусок мяса. Лев посмотрел на аппетитное угощение, и к его ногам упала тяжелая капля слюны. Тогда он легко поднялся на задние лапы, а передние поставил на стол. Под его тяжестью стол качнулся, но устоял. Лев взял зубами мясо и опустился на пол. Для льва этот кусок был крохой, но и им можно было заморить червячка. Лев съел мясо и долго облизывался. Потом он подошел к спящим детям и внимательно обнюхал их.

*

Рад и его спутники свернули с проселочной дороги и очутились в зеленом тоннеле. Здесь копыта звучали глуше, а всадникам пришлось пригнуться, чтобы низкие ветви не сбили фуражки.

Тоннель неожиданно оборвался, и перед всадниками возник залитый солнцем островок — жилье. Пограничники придержали коней. Рад же пришпорил своего, и конь легко перемахнул через низкий плетень. В руках юноша держал ружье, готовый вступить в бой с грозным хищником.

— Ромка!— позвал Рад.— Ева!

Никто не отозвался. Только из-за дома вышла коза и приветственно заблеяла.

— Ромка!..

Рад соскочил с коня и направился к дому. Пограничники подстегнули коней и тоже перемахнули через ограду. Костин снял с плеча автомат и взвел затвор.

Рад вбежал на крыльцо. Пограничники поспешили за ним.

Рад обошел весь дом, прежде чем увидел детей. Они неподвижно лежали на диване. Не выпуская из рук ружье, Рад подбежал ближе. Наклонился, прислушался к их дыханию. Дети дышали ровно. У Ромки во сне на подушку натекла слюна. У Евы развязалась косичка.

Рад оглянулся: в дверях стояли пограничники.

— Живы и здоровы! — сказал он, кивая на детей. — Придумал же почтальон!

Он прислонил ружье к стене, опустился на стул и стал стаскивать с себя тяжелые сапоги. И вдруг невысокий боец сказал:

— Смотрите!

На чистом полу виднелся отпечаток огромной лапы, такой же, как на вспаханной полосе на границе.

— Он был здесь, — твердо сказал Костин.

Теперь все трое склонились над львиным следом.

— Лев? — тревожно спросил Рад. — А как же дети? Лев не тронул детей?

— Выходит, не тронул, — подтвердил невысокий пограничник. — Может быть, это был двуногий лев?

— Я убью его, — тихо сказал Рад. — Я убью льва.

Пограничники направились к своим коням. И вскоре подковы мягко застучали по зеленому лужку.

Ребята проснулись почти одновременно и увидели своего старшего друга, ползающего по полу.

— Рад! — закричал Ромка. — Ты прячешься от нас?

— Рад приехал! — обрадовалась Ева.

Рад медленно встал с колен.

— Кто у вас был? — спросил он.

— Никого, — сказала Ева.

И Ромка замотал головой: мол, никого не было.

— Вы хорошо помните? Не забегала в дом большая рыжая собака?

— Большая рыжая собака? — засмеялся Ромка. — Она кусается?

— Кусается, еще как!

Ева подошла к столу и спросила Рада:

— Ты ел мясо?

Рад покачал головой.

— Значит, Ромка съел, пока я спала. У него теперь заболит живот.

— Не ел я твоего мяса, — сердито отозвался младший брат.

— Кто же съел мясо? — спросил Рад.

Все трое переглянулись.

— Может быть, коза? — высказал предположение Ромка.

Рад покосился на след, отпечатанный на чистых половицах.

— Пошли доить козу, — скомандовал он, и сразу все забыли про рыжую собаку и про съеденное мясо.

Они вышли во двор, и каждый занялся своим делом. Ева стала снимать с лошади седло. А Рад и Ромка принялись доить козу. Под острыми струйками молока весело зазвенел подойник. Ромка держал козу за ошейник, а Рад доил. За плечом у него висело ружье.

*

Лесничего называли Дедом, хотя он был молодым. Эта кличка пришла с ним с Черноморского флота, где он проходил срочную службу. За рассудительность, немногословность и удивительное покровительство моло-

В лучах восходящего солнца лев казался золотым.

дежи моряки прозвали его «салажий дед». «Салажий» — слово чисто флотское, осталось на флоте, а «дед» сохранилось, выжило в диких горных лесах. Дедом звали лесничего товарищи по работе, пограничники, районное начальство. Рад — младший брат Марии, жены лесничего, тоже звал его Дедом.

Лесничий — среднего роста, плечист, с сильно натруженными большими руками, на которых проступают голубоватые вены. Голова у Деда была брита, а брови походили на ржаные колоски. Из-под этих колосков, откуда-то из глубины, смотрели светлые глаза.

В этот день он приехал из города, когда дети уже спали. И был немало удивлен, когда Рад встретил его с ружьем в руке.

— Что случилось? — спросил Дед, кивая на ружье.

— Ты ничего не слышал?

— Я был в больнице у Марии. Ей полегче. Через недельку вернется домой. Почему ты с ружьем?

— Границу перешел лев.

Дед не заволновался и, как показалось Раду, даже не придал значения его словам.

— На моем веку таких случаев было немало. Но ни одного льва — ни живого, ни мертвого — я в наших лесах не видал.

Рад ничего не сказал. Он повел Деда в дом. Дети спали. Рад взял со стола лампу и поставил ее на пол.

— Что за шутки? — устало спросил лесничий.

— Следы зверей хорошо различаешь?

Дед наклонился над чистой половицей и увидел отпечаток львиной лапы.

— Значит, это не брехня? Он... был здесь, — после некоторого раздумья сказал Дед.

— Дети спали.

Дед вскочил на ноги. Рад поднял лампу.

— Он же мог разорвать их в клочья! — воскликнул лесничий.

— Он не съел даже козу.

— Значит, был сыт, — определил Дед.

— У базальтовой стены он зарезал косулю. Козленочек бегает.

— Опасный зверь. Закрывай окна. Будем занимать круговую оборону. Завтра надо думать, как порешить хищника.

— Дед! — весело воскликнул Рад. — Неужели мы с тобой убьем льва? Это же здорово!

Он подошел к лесничему, боднул его головой в плечо.

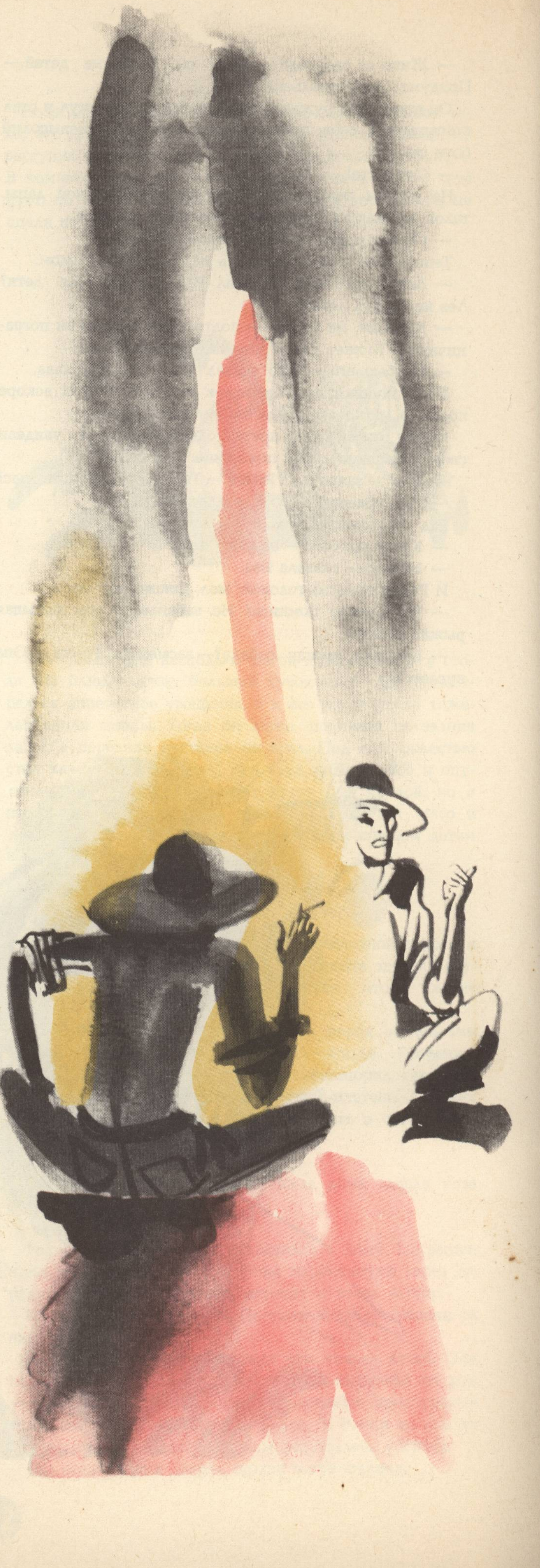
— Еще неизвестно, кто кого. Со львом шутки плохи, — сдержанно сказал Дед. — На день отлучишься — и вот тебе... лев появился!

— Никогда не думал, что доведется охотиться на льва! — воскликнул Рад.

То, что тревожило и огорчало Деда, радовало юношу. Он возбужденно ходил по дому, и глаза его горели нетерпением.

— Ты даже не спросишь о Марии, — с упреком сказал Дед. — Она тебе кланяется. Скоро привезу ее домой.

— Это хорошо, — отозвался Рад, но мысли его были далеки от сестры, которая поправляется и скоро вернется домой. — Я пошел на сеновал. А ты запирайся.

За каменистой пограничной рекой в темной ночи горели костры.

С этими словами Рад направился к двери.

Рад вышел на крыльцо и некоторое время прислушивался к звукам ночи. Где-то в горах жалобно закричала какая-то потревоженная птица. Трещали древесные лягушки. Совсем близко пролетела невидимая летучая мышь.

Рад зашагал к лестнице, ведущей на чердак. Быстро залез наверх. И нырнул в низкую дверку сеновала. Он очутился в зыбких сухих волнах, они издавали ни с чем не сравнимый, пьянящий аромат горных трав. Рад нырнул в это сенное море. И как бы поплыл на спине, заложив руки за голову.

Потом он сел, зажег электрический фонарь и стал писать письмо.

«Здравствуй, Таня!— писал, Рад, положив тетрадку на колено.— Каникулы подходят к концу. Скоро вернусь в город, в интернат. Тогда повидаемся. У меня мировая новость! У нас в лесу появился лев. Никто не знает, откуда он взялся. Но близкое присутствие грозного хищника чувствуется всюду. Он зарезал косулю. И даже побывал у нас в доме. В комнате на половице остался отпечаток его огромной лапы. Львиный след похож на фиалку. Интересно? Теперь я буду охотиться на льва. И если мне повезет, я привезу тебе, Таня, львиную шкуру. Может быть, ты не веришь? Я буду выслеживать льва, пока не найду... Ты будешь рада, если я подарю тебе львиную шкуру?»

❇

За каменистой пограничной рекой в темной ночи горели костры. Их оранжевое пламя, казалось, не светило, а раскаляло воздух. И от этого накала было жарко и душно. В свете поздних костров лица людей приобрели бронзовый оттенок, а белые одежды окрасились в цвет пламени.

Костры были зажжены в честь удачного сафари. Сам господин — хозяин сафари — сидел на террасе своего бунгало. Без пробкового шлема он казался еще меньше ростом. Уголки его рта отвисли. Глаза были закрыты. Хозяин насытился, устал.

Где-то надрывно играли музыканты. Их инструменты были сделаны из сухой тыквы, поверх которой натянут бычий пузырь, от этого звук струны становился глуховатым, утробным.

Два человека стояли в стороне. Их лица высвечивало пламя костра.

— Ахмет, где мой лев?— спрашивал один другого.

— Ты получил большие деньги, Джур. Я дал тебе заработать.

— Но ты же обещал сохранить моего льва, Ахмет. Я дал тебе льва только с таким условием.

— Разве я сказал, что твой лев погиб? Идем, посмотрим. Может быть, он остался на воле. Ведь из пяти львов убили четырех.

Они отошли в сторону. Туда, где на шестах висели туши убитых львов. Огромные, с запрокинутыми головами. Джур шел первым и внимательно разглядывал мертвых животных. Так он дошел до последнего.

— Здесь нет моего льва, Ахмет.

— Вот видишь,— оживился Ахмет, хлопая друга по спине,— значит, он жив. Как и договаривались.

❇

На другой день Рад с Дедом отправились на поиски льва.

Они шли по просекам и по узким тропам, взбирались на склоны гор и скакали с камня на камень у речки, сверкающей, как ртуть.

— Где он?— спрашивал Рад своего спутника.

— Видимо, нашел себе логово. Отдыхает после ночной охоты.

— Может быть, он ушел из нашего леса?— спрашивал Рад.

Дед пожал плечами.

В небе парил орел. Его широкие распростертые крылья слегка вздрагивали от встречных потоков воздуха. Орел делал круги, как самолет, собирающийся совершить посадку. Его когтистые лапы, невидимые в полете, были выпущены, как шасси.

— Видишь?— сказал Дед.— Похоже, что орел что-то заметил.

Рад и лесничий прибавили шагу и вскоре очутились на лужайке, над которой кружил орел.

Они увидели останки лани. Мясо было съедено. Только кости валялись в траве.

— Лев?— спросил Рад, глядя на Деда.

Тот ничего не сказал.

— Значит, он не ушел из нашего леса. Идем!— оживился Рад.— Скорей бы убить его! Сколько животных гибнет зря.

— Не спеши. Он где-то близко. Отдыхает после еды.

Дед зашагал по тропе, которая, извиваясь, поднималась в гору. Рад не отставал от него.

❇

Теперь мысль о льве полностью завладела Радом. Даже по ночам ему снился лев. Ударом лапы он убивал зубров, тащил в зубах косуль, подстерегал одиноких путников. Он наводил страх на доверчивых обитателей заповедного леса, которые редко слышали звук выстрела. Снился Раду и одинокий козленок на дрожащих, негнущихся ножках. Козленок, потерявший мамку.

Каждое утро Рад брал ружье и уходил в лес.

Иногда ему удавалось отыскать след, похожий на большую фиалку. Но тропы в лесу были каменистые, и следы быстро пропадали...

Рад осунулся. Его глаза горели тревожным нетерпением. А на лице появились царапины от шипов терновника.

— Я найду его,— говорил он Деду.— Я спасу лес.

Дед качал головой.

— Одинокий охотник не справится со львом. Ты слышал про сафари?

— Слышал,— отвечал Рад.— Сафари не охота, а убийство! Льва подносят на блюдечке — стреляй! Я убью льва в честном бою.

— Я звонил в город,— говорил Дед,— на днях обещают прислать егерей. Так будет вернее.

Известие о егерях не успокоило Рада, а подхлестнуло. Уж очень ему не хотелось упускать такого неповторимого случая: самому в честном бою убить льва.

В это утро Рад проснулся от выстрела. Выстрел прозвучал, как сигнал тревоги. Первой мыслью Рада было, что в лесу появились егеря и начали охоту на льва.

Рад быстро оделся и, схватив ружье, стал спускаться вниз.

Он вошел в конюшню. В лицо пахнуло ночным теп-

лом. Конь мягко заржал, словно засмеялся. Ему тихим блеянием отозвалась коза.

— Пойдем, Орлик! — сказал Рад и снял со стены тяжелое седло. Стремена воинственно звякнули друг о друга.

*

А в это время вдоль базальтовой стены, которая на рассвете казалась серовато-голубой, двигались три бородатые фигуры. Двое несли на шесте убитую косулю. Третий шел за ними с огромным мешком за спиной. Он был невысокий и, сливаясь с ношей, напоминал шар. У всех троих была тяжелая ноша, и они шли медленно, шаркая по каменистой тропе подкованными сапогами. В тени была не видна их одежда, и все трое казались первобытными охотниками, каких на базальтовой стене изобразил доисторический художник.

Они дошли до края стены и скрылись за поворотом.

*

Рад скакал по узкой лесной тропинке. Нижние ветки задевали за плечи, порой хлестали по лицу, и приходилось прижиматься к самой гриве. В том месте, где тропка, как ручеек, вливалась в широкую проселочную дорогу и где к дереву была прибита дощечка с тревожным предупреждением: «Осторожно! Лев!», Рад повернул коня направо.

— Но, но, Орлик! Пошел!

Он торопил коня. Он спешил туда, откуда донесся утренний выстрел. Может быть, стреляли во льва?

*

Три бородача расположились у входа в пещеру. Самый маленький из троих — Клочок Сена — колдовал над костром. Он сложил валежник шатериком и, приложив голову к земле, дул снизу. Огонь никак не желал поселиться в шатерике.

Чернобородый, засучив рукава, орудовал большим ножом. Он разделывал убитую косулю. Получалось у него ловко. Чувствовалось, что ему не впервой заниматься таким делом. Его фартук был забрызган кровью.

— Надо уходить отсюда, — сказал Кофейная Борода. — По-моему, за нами следят.

— Здесь нас никто не найдет, — успокоил его Чернобородый. — Местечко отличное. С пещерой. Ну, как там костер?

— Сейчас задышит, — отозвался Клочок Сена.

— Надо уходить, — повторил Кофейная Борода.

— Пойди посмотри картинки на скале, — посоветовал ему Чернобородый, — успокаивает нервы... Человек еще в древние времена был охотником. Он шел на зверя с копьем.

— Он шел на зверя с копьем, — согласился Кофейная Борода. — Он шел на зубра, на тигра, на барса. А ты идешь на беззащитную косулю. И не с копьем, а с ружьем. Это не охота. Убийство!

— Ладно, ладно! Красиво говоришь, а как запахнет жареным, так «где моя большая ложка»? Питайся кореньями, тогда и рассуждай так.

— С костром все в порядке, — доложил маленький, поднимаясь с земли и расчесывая пятерней свою бесцветную бороду.

Лев решил узнать, что происходит снаружи.

✻

Орлик скакал вдоль базальтовой стены, и подковы звонко ударяли о камень, высекая искры. Неожиданно Рад осадил коня, привстал на стременах и прислушался. До его слуха донеслась какая-то несвязная песня.

Рад соскочил на землю. Оставил Орлика у сухой чинары. И пошел на голос.

У входа в пещеру он увидел троих бородачей, колдующих над тушей убитой косули. Некоторое время Рад стоял и наблюдал за ними, не зная, что ему предпринять. Первым его заметил Кофейная Борода.

— Эй, парень, тебе чего?

— Ничего,— ответил Рад.— Я из лесоохраны.

Тут к нежданному гостю повернулся Чернобородый. Он быстро вытер руки о фартук и зашагал к Раду.

— Очень приятно,— сказал он,— может быть, разделите наш скромный завтрак.

— Не нужен мне ваш завтрак... Вы убили косулю в заповедном лесу.

— Стоит ли считаться!— почти весело воскликнул Чернобородый. Он улыбался, но глаза его напряженно смотрели на Рада.— Одной косулей меньше. Природа заполнит эту пустоту.

Он не просто говорил, этот Чернобородый, он напряженно думал, как избавиться от непрошеного гостя.

— Мы археологи, изучаем наскальную живопись,— неожиданно вмешался в разговор Клочок Сена.— Продукты кончились...

Рад повернулся к нему. И в это мгновение Чернобородый сорвал с плеча юноши ружье и взял его наизготовку.

— Вот что, парень,— жестко сказал браконьер,— тикай отсюда. Одна нога здесь, другая там! Ну!

Рад стоял на месте.

— Ты не шути с нами,— тихо сказал Клочок Сена,— мы люди решительные, а места здесь глухие, сам знаешь.

— Да что вы, ребята,— заговорил Кофейная Борода. Но Чернобородый оборвал его:

— Молчи! Тут дело пахнет керосином!

Рад растерялся. Уйти, оставив браконьерам ружье, было бы просто трусостью. Он никогда бы не простил себе этого. Да и Дед перестал бы его уважать.

— Я не уйду,— твердо сказал он.

Чернобородый и Клочок Сена переглянулись. В следующее мгновение они бросились к Раду и скрутили ему руки.

— Пустите!— крикнул юноша.— Пусти...

— Стой, братец,— прохрипел Чернобородый,— мы тебя добром просили. Как человека...

— Здесь, говорят, пропасти глубокие,— как бы невзначай сказал Клочок Сена. И, ожидая возражения Кофейной Бороды, крикнул ему: — А ты молчи! Молчи! Мы тебя не на веревке сюда привели!

Рад побледнел. Он вдруг ясно осознал весь драматизм своего положения. Кричать было бесполезно, никто не услышал бы его голоса. А вырваться из цепких рук двух мужчин — тоже не представлялось возможным. Неужели так глупо и бесславно оборвется жизнь? Рад закусил губу. И на его глаза навернулись слезы.

— Пустите!— крикнул Рад, и горное эхо дважды повторило его отчаянный крик: — Пустите... пусти...

— Молчи!— приказал Чернобородый и крепче сжал ему руки.

Рад уронил голову. И вдруг почувствовал, как впившиеся в него руки разжались. Он открыл глаза и прямо перед собой увидел льва.

Лев стоял в проеме, образующем вход в пещеру. То ли голоса незнакомцев, то ли запах дыма потревожили его, и он решил узнать, что происходит снаружи. В лучах восходящего солнца он казался золотым. И только клочья шерсти на передних лапах были дымного цвета.

Лев зевнул, и его зевок прозвучал, как рык. Браконьеры пугливо оглянулись и замерли. Лев же не проявлял беспокойства. Он смотрел на людей золотистыми глазами с черной кисточкой зрачка посредине.

Бородачи бросили Рада, отбежали назад и прижались к отвесной каменной стене. Некоторое время они были настолько неподвижны, что казалось, перестали дышать. Если б можно было продавить камень, врасти в него, превратиться в изваяние — в трех бородатых кариатид, поддерживающих гору!..

Рад очутился между двух огней. Перед ним стоял лев, за его спиной, прижавшись к скале, затаились три врага.

Рад, как загипнотизированный, смотрел на льва, а лев смотрел на него. Он смотрел внимательно и спокойно. Потом вздохнул, взял в зубы разделанную тушу косули, повернулся и зашагал в глубь пещеры.

Когда Рад оглянулся, бородачи — три кариатиды — стояли у каменной стены. Казалось, отойди они — и стена рухнет, лишившись опоры.

То, что лев ушел в пещеру, не сразу дошло до перепуганных браконьеров. Когда же они наконец поняли, что льва нет рядом, все трое, не сговариваясь, оторвались от стены и бросились бежать. Они бежали, обдирая лица и одежду о колкие ветви горных деревьев. Бросив добычу, оружие, не разбирая дороги, бежали кучно, держась друг за друга, не переводя дыхания. Они задирали бороды, махали руками, словно земля под их ногами была раскаленной, жгла ноги.

Со стороны они выглядели на редкость смешными. Но им было не до смеха. Страх ослепил их. Оглушил. Им казалось, что раскаленная земля под их ногами покачивалась.

Рад погасил костер. Поднял с земли ружья — свое и трофейные. И тихо свистнул. Из-за поворота показался Орлик. Рад вскочил в седло и поскакал вдогонку за браконьерами.

✻

Пленники входили во двор лесничего гуськом. Впереди — маленький Клочок Сена с огромным мешком, похожим на горб, за ним — Чернобородый, исподлобья посматривая по сторонам, как бы ища выхода из создавшегося положения. Последним плелся Кофейная Борода. Глаза его были опущены, на лице написано полное безразличие. Он как бы ожидал такой развязки.

— Дед!— крикнул Рад, привстав на стременах.— Принимай гостей!

Трое браконьеров стояли, как пленники, во дворе маленькой крепости, обнесенной стенами.

На крыльцо вышел Дед в сопровождении своего гарнизона: Ромки и Евы. Они удивленно смотрели на незнакомых людей и на Рада, который восседал на коне.

Рад подъехал к крыльцу и, крикнув: «Держи!»— бро-

сил Деду трофейное ружье, которое лесничий ловко поймал. Он «разломил» ружье, и ему на ладонь выпали два патрона, заряженных свинцовыми пулями.

— Не на куропаток охотились,— сказал Дед, подкидывая и ловя патроны.

— А мы думали, лев...— сказал Рад.

При слове «лев» три пленника тревожно переглянулись.

— Лев само собой,— сказал Дед.— Пойдем в райцентр.

Пленники молчали. Маленький Ромка вслух пересчитал их:

— Раз, два, три! Три бороды!

— Пошли!— скомандовал Дед.— А вы сидите дома, слышите!— наказал он ребятам.

*

Но Ромке и Еве не сиделось дома. Дети никогда не понимают опасности. То, что порой во взрослых людях вызывает страх, оставляет малышей равнодушными. Дети не успели научиться большим страхам. Они живут своими маленькими, безобидными страхами. Им трудно бояться льва, которого никогда не видели в глаза. А в сказках про львов не говорится ничего плохого.

Когда взрослые ушли, Ева, которая во время болезни мамы исполняла роль хозяйки, решила помыть Ромке голову. Это было довольно забавное, хотя и нелегкое занятие. Ромка визжал, вырывался, его намыленная голова была похожа на большой одуванчик, с которого, как пушинки, слетали клочья мыльной пены. Ромка страшно визжал и мотал головой.

— Стой смирно! Зажмурь глаза!— говорила старшая сестра, с трудом удерживая брата, который норовил вырваться из ее рук.

— Щиплет! Не хочу! Пусти!— кричал он.

Рядом стояла коза. Ее узкие желтые глаза с интересом наблюдали за происходящим. Она была беленькой, словно ее тоже намылили и забыли смыть пену.

Пока Ева мыла голову, Ромке не удавалось вырваться из цепких сестринских рук. Когда же дело дошло до полотенца, он вырвался. Сердитый и вклокоченный, бегал он по полянке. Ему хотелось плакать, но он сдерживался. Крепился.

— Вот придет папка, все расскажу ему. Он тебе даст ремня!— кричал Ромка.

— Завтра буду стричь,— хладнокровно отвечала сестра.

— Не будешь стричь! Не хочу стричь! — кричал Ромка.

— Вытри голову.

— Не буду вытирать! Не хочу вытирать!

Ни Ромка, ни Ева не видели, как лев подошел к закрытым воротам. Как шел вдоль плетня, останавливаясь, чтобы втянуть в себя воздух и прислушаться. Что притягивало льва к человечьему жилью? Почему, очутившись в этом незнакомом лесу, блуждая по горным тропам, продираясь сквозь чащу, он снова и снова возвращался к жилью, от которого пахло дымом и молоком, где звучали тонкие голоса ребятишек.

Лев перемахнул через плетень, и было удивительно, как такая громада прыгнула и приземлилась, не произведя ни малейшего шума.

Первым заметила льва коза, которая тут же побежала за дом. Потом его увидел Ромка.

— Смотри, рыжая собака!— сказал он Еве.

Вместо ответа девочка присела, инстинктивно прячась за тазом с водой.

— А я не боюсь рыжей собаки,— сказал Ромка, бесцеремонно разглядывая льва.

Было непонятно, как этот маленький, хрупкий мальчик с мокрыми волосами, торчащими в стороны, как перья, не дрогнул перед огромным зверем. Но, видимо, мальчик каким-то необъяснимым чувством понимал, что даже хищник не тронет его, находящегося под великой охраной детства.

Может быть, ранний возраст особенно сближает разные особи, и дети человека для льва такие же, как дети-львята?

Мягко ступая по траве, лев приблизился к Ромке. Мальчик с любопытством смотрел на льва, не испытывая при этом ни малейшего беспокойства. Зато Ева побледнела, и губы ее дрожали.

— Ромка, беги... беги домой,— прошептала она, отступая к крыльцу, и вдруг почувствовала, что не может укрыться, оставить брата наедине с грозным хищником.

— Ромка!..

Лев еще ближе подошел к мальчику и стал его обнюхивать, при этом он касался усами Ромкиной щеки. Потом высунул большой розовый язык и легонько провел им по щеке, носу и уху мальчика.

Ромка рукавом вытер лицо.

— Это лев,— тихо, одними губами произнесла Ева, однако беззлобное поведение льва незаметно успокоило ее. Она осмелела, и даже сделала несколько шагов в сторону грозного зверя, и встала рядом с Ромкой. Так они стояли рядом, брат и сестра, и разглядывали льва. У него были тяжелые лапы с клочьями шерсти на локтях, массивная голова с высоким лбом. Крупный нос, заканчивающийся кожаной нашлепкой. Темная грива казалась застывшей бурой волной. А в золотисто-зеленых глазах поблескивали маленькие черные кристаллики зрачков.

Лев глубоко вздохнул и лег на землю, доверчиво зажмурил глаза.

*

Он увидел себя в тесной хижине на глиняном полу. Лунный свет, проникающий в небольшое окошко, освещал циновку, на которой спали двое детей — маленький мальчик и девочка, чуть постарше. Они лежали рядом со львом так близко, что он слышал их дыхание.

За окном прокричала ночная птица. Жалобно заблеяла — пожаловалась на что-то — коза. Зазвучали приглушенные голоса двух мужчин: то ли они хотели, чтобы их разговор остался в тайне, то ли боялись разбудить детей.

— Послушай, Джур, у тебя есть лев,— говорил один из мужчин.

— У меня есть лев,— подтвердил тот, кого звали Джуром.

— Готовится большое сафари.

— Что ты, Ахмет! Мой лев ручной. Он охраняет дом, нянчит моих детей. Я немного зарабатываю, разрешая иностранцам сниматься рядом со львом.

— Ты заработаешь больше, если отдашь мне льва... Дай мне его на время. Я предупрежу егерей. В него не будут стрелять,— стоял на своем Ахмет.

Лев вздохнул, растянулся во всю длину, и его короткая шерсть, которая начиналась там, где кончалась грива, засеребрилась в лунном свете.

— А босс? Ты же не предупредишь босса,— сказал хозяин льва.— Босс захочет убить...

— Мы отвлечем босса. У него будет еще четыре льва на отстрел. А один лев уйдет. Обычное дело!

Джур долго молчал. Видимо, обдумывал предложение. Потом сказал:

— Боюсь я за льва. Он у меня ручной.

— Боюсь! Выкинь из головы мрачные мысли,— с жаром сказал Ахмет.— За один день ты поправишь свои дела. Верь мне, Джур, ты сможешь прикупить хорошей земли. А со львом ничего не случится. Ты же меня знаешь.

Голоса умолкли. В хижину вошла женщина в белом. Она прошла мимо спящего льва бесшумно, как бы не касаясь пола. Но лев открыл глаза, приподнял голову и, только убедившись, что это хозяйка, успокоился. Женщина опустилась на циновку и легла рядом со спящими детьми.

*

Лев открыл глаза. Мелодия далекой колыбельной песни продолжала звучать. Она затихла, погасла, как догорающее пламя костра. Лев огляделся: детей рядом не было. Только любопытная коза выглядывала из-за угла. Она тоже осмелела.

А дети были в доме. Ева решила, что лев уснул, потащила Ромку в дом. Ромка смотрел в окно. А Ева сидела рядом и плакала.

— Что ты ревешь?— спросил Ромка.

— Мне страшно,— сквозь слезы призналась сестра. Страх пришел к ней с опозданием.

— Я дам ему мяса,— сказал Ромка.

Но сестренка сорвалась с места, подбежала к брату и вцепилась в него двумя руками:

— Не пущу! Никуда не пущу!

— Не щипись! — сказал Ромка, вырываясь.— Смотри, у нее конопушки. У рыжей собаки конопушки!

Девочка подошла к окну и тоже заметила на высоком лбу льва темные пятнышки, какие по весне высыпают у детей вокруг носа.

— Конопушки,— тихо произнесла она.

В это время лев поднялся, медленно подошел к плетню и, взвившись в воздух, исчез в зеленом океане горного леса.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Они стояли рядом, брат и сестра, и разглядывали льва.

ДРУЗЬЯ МОИ ЮНГИ

С. ШТРАУС-ФЕДОРОВ

Пора военная, грозовая

Сегодня мне хочется вспомнить о событиях тридцатилетней давности и рассказать тебе о друзьях моих юнгах. Тогда они были твоими ровесниками. Им так же, как и тебе сейчас, в ту пору было по двенадцати-тринадцати лет. А пора это была военная, грозовая.

Как мы становились юнгами, какими путями приходили на флот? Пути наши были разными, судьбы же—похожими. Расскажу немного о себе.

Я жил в небольшом поселке Ивановской области. Шли первые дни войны. Каждое утро мы бегали в военкомат, с завистью смотрели, как принимали заявления от добровольцев. А потом вместе со всеми провожали наших односельчан, которые уходили на фронт.

Однажды пришли мы с моим другом Юркой Ковылевым в военкомат, говорим, что тоже, мол, хотим бить фашистов. Посмотрел на нас военком, смерил с ног до головы и говорит:

— Рано еще вам на фронт, ребята. А дело у меня для вас и здесь найдется. Собирайте всех своих тимуровцев.

Обошли мы с Юркой весь поселок. Отобрали человек двадцать самых крепких ребят. Думаем, какое же такое дело нам поручить хотят. Оказалось, нам доверили следить за светомаскировкой, дежурить в военкомате, разносить повестки на фронт.

И все-таки свободного времени у нас было много (продолжались летние каникулы), и мы стали помогать семьям фронтовиков.

Так проходили первые дни войны. А сердце щемило. Фронт, передовая, атаки во сне снились.

Как-то пришел я на станцию. Гляжу, товарный состав стоит, несколько платформ брезентом накрыты. Не помню, как это произошло, в одно мгновение юркнул под брезент, затаился. Ударил колокол на станции, и эшелон тронулся с места. Так я попал на Кавказ, к морякам. Сначала хотели домой отправить, но потом передумали: мало ли чего может случиться с мальчишкой в дороге! К тому же я пообещал, что все равно убегу на фронт. Оставили. Домой написали: так, мол, и так, ваш сын жив-здоров, служит у нас юнгой, в обиду не дадим, из парня человека сделаем.

Дали мне форму матросскую, и стал я служить в отдельном дивизионе быст-

роходных десантных барж, которым командовал Герой Советского Союза капитан третьего ранга Гнатенко. Потом участвовал в десанте на Керчь. Война для меня закончилась на Дунае зимой 1945 года. «Демобилизован согласно непризывного возраста» — так было написано в документе, который мне дали.

Домой вернулся с боевыми медалями. Шел мне тогда уже семнадцатый год.

Юный сигнальщик

Почти на каждом корабле Черноморского флота были юнги. Я хорошо знал двоих — Толю Лебедева и Витю Савченко...

Поначалу Толя служил на лидере «Харьков». Каждый из нас, попав на флот, приобретал какую-нибудь специальность. Толя стал сигнальщиком.

Однажды «Харьков» получил боевой приказ: войти в район Анапы и обстрелять вражеский аэродром.

Штормило. Толя нес сигнальную вахту. Видимость была плохая. Для задания то, что надо. В такую погоду легче подобраться к берегу незамеченным. А вот сигнальщику приходилось трудновато. Толя вовсю таращил глаза, всматривался в поверхность бушующего моря.

— Ни один предмет за бортом,—наставлял его капитан перед вахтой,— не должен быть незамеченным. Иначе...

Толя и сам хорошо понимал, что означает это слово «иначе». В любую минуту корабль мог нарваться на мину.

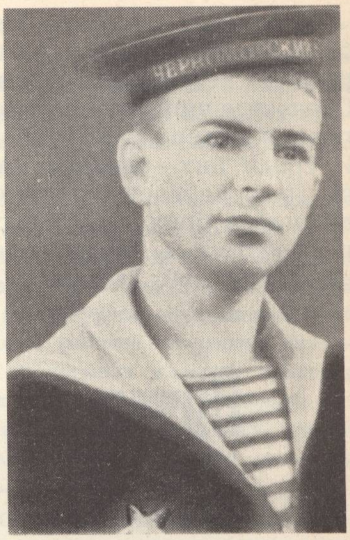
От ветра слезились глаза, коченели руки, сжимавшие огромный морской бинокль. И вдруг...

— Справа по борту вижу торпедные катера. Вражеские!—крикнул, задыхаясь от волнения, Толя. Сообщил он об этом вовремя. К кораблю уже неслись, рассекая волны, торпеды.

Командир нажал на ручки телеграфа. «Харьков», накренившись на левый борт, резко развернулся. А через несколько секунд в пяти-шести метрах от корабля проскользнули смертоносные чудища.

Досталось потом фашистам от «Харькова»! Наши торпеды потопили два их катера, остальные трусливо скрылись за завесой тумана. А вскоре советские моряки устроили такую панику на вражеском аэродроме, так дали по нему из всех корабельных орудий, что ни один самолет не смог подняться в воздух. До самого неба поднялось зарево пожара над тем местом, где был вражеский аэродром. Горели боеприпасы, горючее, самолеты.

После возвращения на базу капитан третьего ранга Шевченко, командир «Харькова», объявил Толе Лебедеву благодарность за помощь в спасении корабля.

Толя Лебедев — пятнадцатилетний юнга с лидера «Харьков».

Таким был Витя Савченко во время десанта на Керчь.

Рисунки А. Вовиковой.

Каждый год в День Победы в Севастополе собираются ветераны Великой Отечественной войны, моряки с лидера «Харьков». И среди них — бывший юнга Толя Лебедев, награжденный в боях за Одессу и Севастополь двумя орденами Красной Звезды.

Витек

Витя Савченко. С какой гордостью говорил он нам, что служит в десантном отряде имени Героя Советского Союза Цезаря Львовича Куникова. Правда, пришел он в отряд уже после гибели легендарного комбата, но, как любой из куниковцев, знал почти все о боевых делах его отряда. О куниковцах ходили легенды, фашистов при встрече с ними охватывал ужас. «Черной смертью» называли они советских моряков-десантников.

Особенно отличился отряд Куникова в феврале 1943 года под Новороссийском. На подступах к городу стояли четыре вражеских дивизии. Куниковцев было менее трехсот человек, в двадцать раз меньше, чем гитлеровцев. Но это не помешало им высадиться на берег в районе мыса Мысхако. Неожиданным ударом наши моряки оттеснили врага почти к самому Новороссийску и закрепились на рубежах. Сколько потом атак гитлеровцев было отбито! Много дней и ночей шло неравное сражение. Четыре дивизии вели бои с маленьким отрядом, ряды которого редели с каждым днем. Когда в автоматах и пулеметах кончались патроны, куниковцы, закусив ленточки своих бескозырок, шли в штыковую на врага, бросались со связками гранат под танки.

Вот в каком отряде довелось служить Вите Савченко.

Первое боевое крещение он, как и многие из нас, получил во время десанта на Керчь.

Корабли отряда Куникова подходили к берегу первыми. Витек, как ласково звали его моряки, примостившись у переборки, — в который раз! — проверял свое снаряжение. Так... Четыре гранаты на месте, автомат и диски с патронами тоже. «Не попросить ли у боцмана еще парочку дисков?» — подумал он и бегом по трапу спустился в каптерку. Неписаный закон десантника — бери побольше патронов.

— Свистать всех наверх! — раздалась команда. Рядом со старшими товарищами занял свое место на носу корабля и Витек. Все с волнением смотрели на приближающийся керченский берег.

Вскоре оглушительный вой потряс тишину. Со всех кораблей по берегу ударила артиллерия. Десантные катера, баржи, как только их кили коснулись дна, вмиг опустели. Десант начался.

Витек с левого борта спрыгнул в воду одним из первых. Тяжелый груз прижимал к вязкому дну. Холодная дрожь пронизывала все тело. С трудом переступая ногами, юнга выбрался на берег. Дальше нужно было карабкаться по крутому обрыву. Двое моряков пытались вытащить наверх пулемет, но, промокшие до нитки, они все время соскальзывали по глинистой земле обратно вниз.

— Эй, браток! — окликнул один из них юнгу. — А ну-ка подсоби.

Витька подсадили, он вскарабкался на обрыв, уцепился одной рукой за большой камень, другой протянул морякам автомат. Через минуту пулемет уже бил по вражеским укреплениям.

— За мной! — поднявшись во весь рост, прокричал командир роты автоматчиков, и Витек устремился вместе со всеми в атаку. Возле одинокого здания, в котором укрепились гитлеровцы, пришлось залечь. Из дома били пулеметы.

— А, черт! — произнес с досадой лежавший рядом с Витьком пожилой черноусый моряк и с двумя гранатами пополз к дому. За ним двинулись еще несколько человек. Пополз вперед и Витек, сжимая в руке гранату. Пулеметы били, казалось, изо всех окон здания. И когда в них полетели гранаты, юнга бросил свою. В этот момент что-то сильно толкнуло его в плечо. Обожгло щеку.

Очнулся Витек в подвале того самого дома, в котором недавно сидели фашисты. Голова, плечо были плотно забинтованы. Попробовал встать... Все закружилось перед глазами.

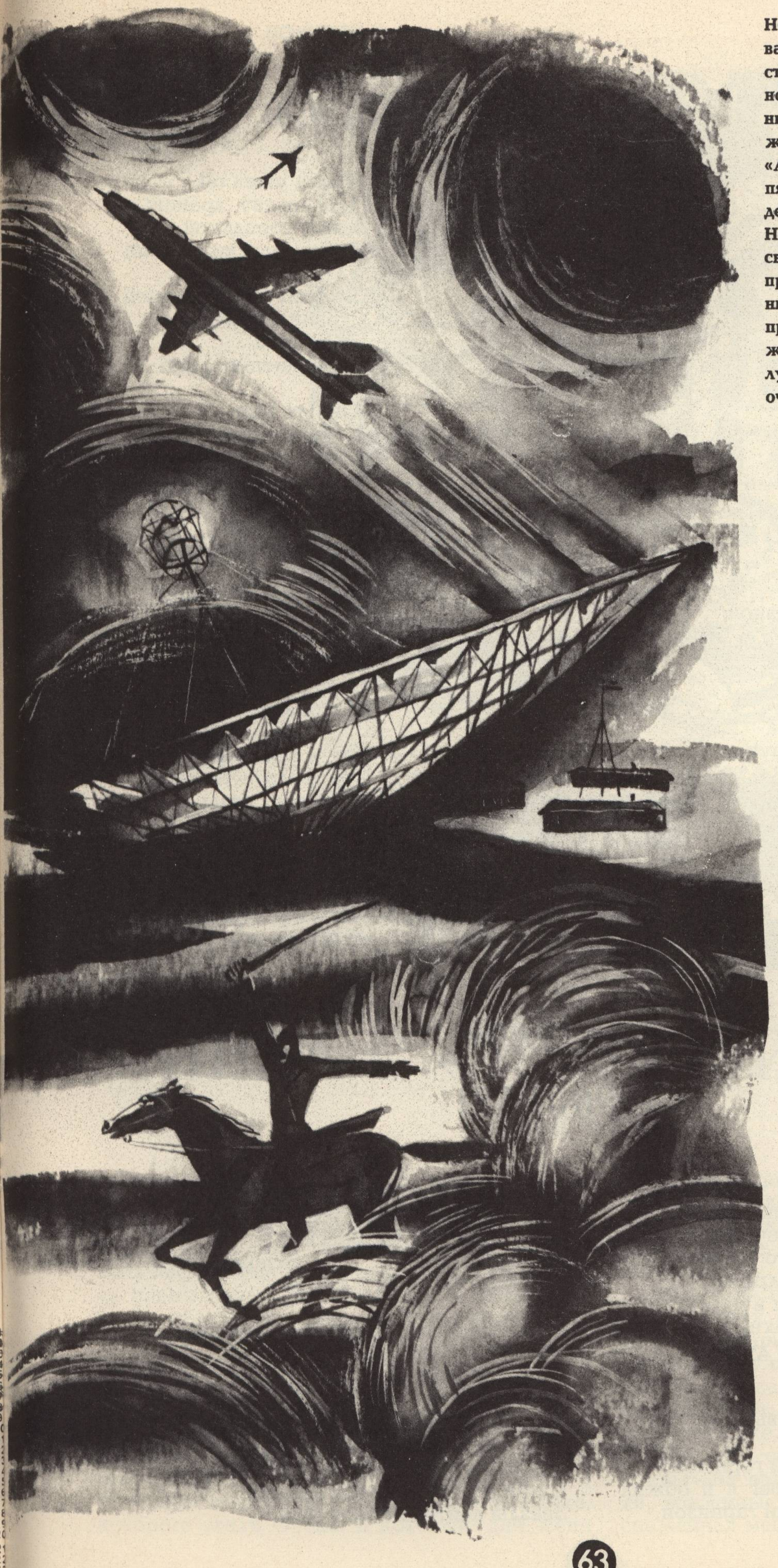
— Потерпи, сынок. — Витек увидел склонившуюся над ним медсестру. Рядом лежали раненые матросы. — Потерпи, до свадьбы заживет. Как ты только попал-то в это пекло? — удивлялась она. — Совсем ведь мальчишка...

Свое боевое крещение и первую рану Виктор Савченко получил на той самой земле, которую потом назовут Огненной.

Сразу же после освобождения Керчи героям десанта вручали награды.

Вите Савченко прикрепил прямо к бушлату медаль «За отвагу» сам командующий эскадрой Черноморского флота.

Тридцать лет прошло с тех пор. Нередко боевые друзья собираются вместе. И по-прежнему Виктор Иванович Савченко остается для них Витьком, юнгой из прославленного отряда Куникова.

Недавно в гостях у «Пионера» побывали поэты журнала «Юность»: их стихи были напечатаны в четвертом номере. На этот раз на наших страницах стихи поэтов ленинградского журнала «Аврора».
«Авроре» только что исполнилось пять лет. Это журнал молодой, молодежный и любит печатать молодых. Не только печатать! Есть у «Авроры» свое литературное объединение. Туда приходят рабочие, студенты, школьники из старших классов, приходят прочитать свои стихи, послушать чужие и всем вместе подумать, что получилось хорошо, а что пока не очень...

Игорь ФРОЛОВ

Восход солнца

Выползает на насыпь
сонный,
флегматичный на вид
тепловоз.
А под брюхом
крутится солнце,
как одно из его колес.
Покатилось
на дальние крыши —
в синей дымке
багровый круг.
Осмотрелось.
Тронулось выше.
И подъемного крана
крюк,
зацепив,
на трубу поставил
ярко-алое солнце;
и вот
голубей
полыхающих стая
в голубой
летит
небосвод.

...Мы стоим,
жуем всухомятку
посредине смены ночной.
— Здравствуй,
солнце!
У нас
все в порядке.
Начинай
свой день
трудовой!

Юрий ОБОЛЕНЦЕВ

Корабельная сторона

Вероятно, в душе у каждого
та
заветная,
есть струна...
Ты коснулась ее однажды,
корабельная сторона!
Ты ко мне отыскала ключик.
А ведь было со мной забот
в год,
когда оголец колючий
«осчастливил» собой завод!
Наскочила коса на камень...
Ты про жизнь толковала мне
и по-доброму
и кулаками
нелукавых твоих парней.
Словно сталь из руды железной,
выплавлялся характер,
креп.
Стал по вкусу мне и полезен
заработанный трудно хлеб.
Ты бугристые мышцы лепила
на мальчишеских слабых руках
и работать меня учила
так —
за совесть,
а не за страх!
Вырабатывала мне почерк...
Я не зря благодарен тебе
за науку в классе рабочем,
за причастность к твоей судьбе.

Анатолий ЧЕПУРОВ

Юность

Юность моя
Началась в комсомоле
Под орудийные
Громы войны.

Помню, об этом
Была в протоколе
Сделана запись
Рукой старшины.

Рыжие, мокрые
Сосны шумели,
Иглы дождя
Искололи рассвет.

Я уносил
Под защитой шинели
Жизни и смерти
Причастный билет.

Не обозначенной
Писарем верой
Под небесами
Великой страды

Грел он мне сердце —
От волховской серой
До чужедальней
Дунайской воды.

Как рядовой
Своего поколенья,
Выполнил долг
И, покой заслужив,

Молча ушел он
Под крышу храненья —
В наш городской
Комсомольский архив.

Смотрит с фамильной
Страницы билета
Из боевых
Нестареющих дней

Юность моя,
В гимнастерку одета,
В знаках ранений,
В полосках ремней.

Сам удивлен:
Неужели когда-то
Все наяву
Это было со мной?

Или приснилось
У грани заката
Перед лицом
Молодежи иной?

Как в поговорке:
Что было — то было,
И не под своды
Забвенья сдано.

В недрах души
Комсомольская жила,
Хоть и в годах,
А живет все равно!

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

Аэродром

Спрятался от моря за горами
Маленький военный городок.
Из лесу выходит вечерами
Воздуха смолистого поток.
Елка на краю аэродрома,
Снегом не укрытая в пургу,
Реактивным выдохнутым громом
Согнута в зеленую дугу.

Молодость, ты вновь меня на
обжиг
Бросила за дальний горизонт!
Вжился в этот берег я и обжил
Северный крылатый гарнизон.

Весело живется? Не сказал бы,
Но и ни минуты для тоски:
Черный строй, матросские
казармы,
Высота, стучащая в виски.

А во тьме, горя багровым светом,
Из глубин космического льда
Смотрит Марс — безлюдная
планета,
Хмурая военная звезда.
И на вахтах долгими ночами,
Прорезая холода слои,
С ним перекликаются лучами
Звезды лейтенантские мои.

Однажды в детстве я прочитал книгу...

КНИГА С «ЗОЛОТОЙ ПОЛКИ»

А. КРЕСТИНСКИЙ

Увы, я не могу похвастать тем, что знал Юрия Карловича Олешу. И даже тем, что видел его. Когда я впервые читал сказку «Три Толстяка», я был всего лишь маленьким мальчиком, еще не школьником даже. Когда Юрия Карловича не стало, я только начинал обдумывать первую свою книжку.

Ну, а случись так, что судьба подарила бы мне встречу с ним,— сумел бы я воспользоваться этим подарком?.. Не знаю. Вряд ли. Мне кажется, я был не готов принять его. Или растерялся бы от робости и счастья.

Какое же право у меня писать о нем? Это право читателя — так бы я сказал. И потом, я не о нем собираюсь писать, не о человеке, которого звали Олеша и который для меня такая же легенда, как и для сегодняшнего первоклассника, впервые взявшего в руки «Трех Толстяков». Я собираюсь писать о его книге, точнее, о том, как она вошла в мою жизнь.

Итак, я не был еще школьником тогда и жил в гостях у дяди на окраине Ленинграда, около парка Лесотехнической академии. Сейчас там уже город.

Вдоль парка тянулись одноэтажные деревянные дома, приземистые, длинные. Они росли в парке, как деревья. С крыльца было слышно, как скрипят на морозе сосны, ели... У крыльца вперекрест торчали лыжи и палки, вонзенные в снег. На пороге лежала заснеженная мешковина, от которой почему-то

пахло яблоками. Я надевал лыжи и бежал в парк. Я был счастлив. Меня окружал упругий хрустящий мир, а за спиной в жарко натопленном доме ждала книга.

Надо бы припомнить первую встречу с ней... Помню, сестра, давая мне книгу, хмурилась длинно и строго, взглядом подчеркивая, какая это ценность. Я раскрыл книгу и сразу наткнулся на картинку. Это была та картинка, где гимнаст Тибул балансирует над площадью Звезды. Но меня тогда не сюжет поразил, а совсем другое: картинка была вклеена в книгу, не напечатана в ней, а именно вклеена, причем изящно, легко, за самый краешек, и свободно вздымалась от ветра, который возникает, когда листаешь книгу. И другие картинки были приклеены точно так же: чуть-чуть... Это ошеломило меня. Картинки были так красивы, ярки...

Я осторожно подул на картинку. Она затрепетала от моего дыхания. И так чудесно запахла красками! Я потрогал ее пальцем: она была приятно шершава и словно покрыта невидимой пыльцой.

Сейчас, когда я пишу эти строки, рисунки художника Добужинского вновь лежат передо мною. И я вновь удивляюсь, но теперь уже другому: как сумел он, этот художник, так точно и тонко передать поэзию сказки!..

Я читал книгу в каком-то странном возбуждении. Два чувства боролись во мне: скорей узнать, что будет дальше, и продлить удовольствие подольше. Щелкала жарко натопленная печь, с кухни тянуло подрумяненными ломтиками хлеба, где-то рядом медленно били часы, негромко разговаривали люди, а я жил в сказке — рядом с Тибулом, Суок, оружейником Просперо... Я сидел у печки на низкой скамеечке, и до сих пор, стоит мне взять в руки книгу Олеши, я вижу дрожащую огнедышащую дверцу печи, слышу мощное гудение ее чрева, вижу блестящую медную кочергу и совок... Мне когда-то казалось: именно такие кочерга и совок были в доме доктора Гаспара Арнери...

Помню, одно место в этой книге сильно напугало меня. Когда Суок приходит в зверинец освободить Просперо, она видит там страшное существо, потерявшее человеческий облик, похожее на волка. Это ученый Туб, которого давно заточили в клетку по приказу Трех Толстяков.

Я долго не мог заснуть в тот вечер.

Сейчас я думаю: что именно было страшно? Человек превратился в зверя, оброс шерстью — вот с чем не могло смириться мое детское сознание. Ужас, боль, жалость и снова ужас и протест!..

Это были чистые, горячие, справедливые чувства — те, что я тогда переживал. Я стал с этой книгой старше. Я прожил с нею до предела насыщенный кусок жизни, и с тех пор она стала как бы частицей меня самого, а ее герои — близкими мне навсегда.

Я не собираюсь пересказывать сюжет сказки. Кто читал — знает, кто не читал — у того все впереди. Зачем лишать человека прелести открытия?..

Хотя, по правде говоря, главное не сюжет. Можно забыть последовательность событий, но навсегда останется с вами ощущение яркого, праздничного мира, в который ввел вас писатель Юрий Олеша.

Мальчиком он жил в Одессе. В лавке, неподалеку от дома продавался волшебный фонарь, предок вашего диаскопа. Волшебный фонарь стоил дорого, о нем можно было только мечтать. Но пройдут годы, и Юрий Олеша станет обладателем настоящего волшебного фонаря — неповторимой творческой фантазии!

Гимназист Олеша экономил пятачки, что давали ему на завтрак. По субботам на эти пятачки он ходил в цирк. В цирке был удивительный номер: Мотофозо. Мотофозо — человек-кукла. Юношу во фраке и цилиндре выносили на арену. Когда его переставали держать, он падал, как настоящая кукла. Потом его (ее?) несли вдоль партера, чтобы все видели — да, это кукла! И когда наконец кукла оживала, какой это был восторг!

Не из этих ли детских впечатлений возникла будущая сказка? Тибул? Суок?..

В детстве мечтал он научиться делать сальто-мортале. Это была главная мечта: двойное сальто-мортале!

Не научился. Зато стал искусником, мастером слова, научился удивительно, как никто, называть вещи, освещая их с неожиданной, необычайной стороны. «Называтель вещей» — так скажет он о себе много лет спустя.

Те, кто читал сказку, вспомните, а те, кто

не читал еще, вслушайтесь, всмотритесь, представьте:

«Исковерканный дуб скрипел, как качели...»

Шпоры графа Бонавентуры «походили на кометы...»

Мускулы у силача Лапитупа «ходили под кожей, точно кролики, проглоченные удавом...»

У Тибула, перекрашенного в негра,— «ноги в красных туфлях, похожих на гигантские стручья красного перца...»

«Бомбы разрывались, как кусочки ваты...»

Три Толстяка «сопели так сильно, что на веранде раскрывалась и закрывалась стеклянная дверь...» А когда Толстяки кричали, казалось, будто ломают щепки...

«Цветочница уронила миску. Розы вылились, как компот...»

А разве не замечательно вот это: урок танцев в доме у Раздватриса. Кружатся пары. Их так много, словно варится пестрый суп. Раздватрис исполняет в этом супе роль ложки...

Я зачерпнул из сказки почти наугад, а смотрите, сколько драгоценностей оказалось на ладони!..

«Что может быть более радостного, чем делиться прекрасным!» — воскликнул однажды Юрий Олеша.

Настоящее искусство делает человека богатым и счастливым. Вот хотя бы эта сказка — как много радости принесла она мне!..

Радость чтения около раскаленной печи, в приземистом деревянном доме, над которым склонилась внимательная зима, и потрескивала, потрескивала за окнами.

Еще радость — когда дети мои подросли чуть-чуть, и я, усадив их около печки, стал читать им, задыхаясь от волнения: «Он сказал странное имя, произнес два звука, как будто раскрыл маленькую деревянную круглую коробочку, которая трудно раскрывается: «Суок!»

А теперь я пишу об этой ослепительно-прямой книге и радуюсь тому, что кто-то из вас натолкнется на мои слова и побежит искать сказку, чтобы прочесть ее самому, своими глазами...

Эстафета радости!..

«Я давно мечтаю,— писал Юрий Олеша,— завести золотую полку. Золотая полка — это та, на которую ставятся любимые книги».

Он не завел золотой полки в буквальном смысле этого слова. Но своя «золотая полка» у него, конечно, была. И у каждого человека, который относится к книге серьезно, благоговейно, а не как к очередному однодневному развлечению, у каждого такого человека постепенно, в течение многих лет собирается своя «золотая полка». Это, быть может, всего десяток-другой книг, но каких книг! Без них жизнь тусклая, бедная.

На моей «золотой полке» стоит сказка Юрия Олеши.

Очень веселая книжка

Ребята!

«Милиционер Ежевикин шел разговаривать с Зосиным папашей о женитьбе: Папа жил в Туле. Папа третьего дня приехал из Тулы специально, чтобы увидеть Ежевикина и воочию убедиться, в чьи неизвестные руки он передает свою младшую дочь. Все краткие сведения о папе, полученные от Зоси, были очень несистематизированы и расплывчаты». Так начинается рассказ Михаила Зощенко «Счастливый случай». И я с большим трудом остановил свою машинку, когда начал перепечатывать начало рассказа. Он такой интересный, что хочется привести его полностью. Я очень переживал за милиционера Ежевикина и очень сердился на расплывчатого папу: зачем он милиционера прогнал и даже бросил ему вслед коробку с мармеладом. Но потом все хорошо кончилось. Правда, для этого папе Зоси пришлось столкнуться с грузовиком. Но зато он сразу зауважал правила уличного движения, а главное, милицию, которая охраняет неразумных и бестолковых пешеходов.

Этот рассказ Зощенко напечатан в книге «Рассказ о говорящей собаке и другие веселые истории». Книга подкупает тем, что с ребятами все авторы разговаривают по-взрослому. А какие авторы! Все такие умницы. Это и Юрий Сотник, и Фазиль Искандер, и Виктор Драгунский, и Борис Ласкин, и Марк Тарловский, и Григорий Горин. И еще, и еще, и еще. Очень веселая и интересная книжка вышла. А названия рассказов-то какие: «Сеанс гипнотезера», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Про то, как я был хулиганом», «Половина свадьбы». Эти рассказы и читать удовольствие, а ведь их еще можно и инсценировать и в самодеятельности поставить. А если из них кусочки брать как диктанты, то это будет самый веселый урок или самое веселое домашнее занятие. Так что, ребята, немедленно отправляйтесь в библиотеку и хватайте эту книжку. Только обращайтесь с ней бережно. Такая книжка должна долго жить.

Э. УСПЕНСКИЙ

ОТВЕРЖЕННЫЕ

В. АНДРЕЕВ

Италия. С таким трудом добирались сюда эти люди, чтобы стать... мусорщиками.

Рисунок П. ПАНЧЕНКО.

«Влезай»,— сказал Гэли Тому, пробираясь через толпу рабов, которые, нахмурившись, глядели на него.

Том влез, а Гэли, вытащив из-под сиденья тяжелые кандалы, надел их Тому на ноги...

Гэли стегнул лошадь. Том в последний раз посмотрел долгим печальным взглядом на знакомые родные места. Повозка тронулась и вскоре исчезла из глаз».

Помнишь, откуда эти строки? Из повести замечательной американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Это происходило сто с лишним лет назад.

Рабство отменено даже там, где жил Том и его друзья. И все же оно существует и в наше время.

*

Ранним мартовским утром на дороге Женева—Гренобль полицейский патруль, прохо-

дя мимо автофургона, стоявшего на обочине, услышал стоны. Полицейские сбили пломбы, распахнули тяжелую дверь. Из машины, шатаясь от усталости и жадно вдыхая свежий воздух, вышли пятьдесят девять африканцев. Ни у кого из них не было документов и разрешения на въезд во Францию. «Нам обещали приличную работу во Франции»,— вот все, что они смогли объяснить полицейским. «Кто обещал?» — спросили их. «Альдо Пушедду из Рима»,— ответили африканцы.

На вилле Пушедду, которая находится неподалеку от Рима, произвели обыск и обнаружили еще 68 африканцев. В течение нескольких лет Пушедду и его подручные торговали людьми. Они набирали их в Северной Африке: безработным, голодающим и отчаявшимся людям обещали хороший заработок и увозили в Западную Европу. «За это вам придется первое время отдавать нам свою зарплату»,— говори-

ли африканцам. И те соглашались: у них не было другого выбора,— чтобы не умереть с голоду надо ехать. Под видом «запчастей для швейных машин» или «конторской мебели» в автофургонах их переправляли во Францию, Федеративную Республику Германии, Англию.

Не успели разоблачить шайку Пушедду, как во французском порту Кале, на берегу Ла-Манша, таможенники обыскали подозрительный автофургон и обнаружили в нем 27 человек, у побережья Дании береговая охрана задержала английскую шхуну, в трюме которой везли более двадцати индийцев и пакистанцев.

За несколько месяцев в Западной Европе было отмечено пять таких случаев. Работорговцу Гэли, о котором писала Бичер-Стоу, такой размах и не снился.

Северная Африка. Так живут семьи тех, кто в поисках работы уехал в Западную Европу.

*

На предприятиях Западной Европы работает огромная армия — десять миллионов иностранных рабочих, покинувших родину в поисках куска хлеба.

Миллионы людей, которые не могут найти работу у себя дома в Португалии, Испании и Турции, разорившиеся крестьяне с юга Италии, безработные африканцы, уехавшие со своей родины, кочуют из страны в страну и часто, не найдя работы, ни с чем возвращаются домой. Те из них, у кого нет денег даже на дорогу, становятся добычей таких «предпринимателей», как Альдо Пушедду.

Но и, перебравшись через границу, эти люди не бывают уверены в завтрашнем дне. Отдав первые заработки своим перевозчикам, они оказываются на чужбине без денег и без защиты.

В случае малейшего недовольства капиталист может выбросить иммигранта на улицу, и некому будет за него заступиться. Если он теряет работу, правительство не выплачивает ему пособие по безработице. Его могут просто-напросто выслать из страны.

В то же время иммигранты платят все налоги, которые существуют в той стране, куда они приехали. Почти половину своего заработка они отдают владельцам домов, сдающим им жалкие халупы.

Вот что писал американский журнал «Ньюсуик» о жизни алжирского рабочего во Франции.

«Это как смерть,— сказал он, ведя корреспондента через коридор своей квартиры и освещая путь горящей газетой. В дымной, непроветриваемой комнате стояло несколько стульев и железных коек, на которых, скрючившись, спали трое рабочих. У этих людей были хотя бы свои кровати. Некоторые скареды-домовладельцы берут плату за постель

Франция. Обездоленные люди начинают борьбу за свои права.

с двух-трех человек. Один уходит на работу, другой ложится на его место...»

Берут рабочих-иностранцев только на самые тяжелые и малооплачиваемые работы.

Таких обездоленных рабов капитала миллионы. Голод и нужда гонят их с родных мест, заставляют сносить все тяготы и унижения ради того, чтобы получить хоть какую-нибудь работу. Капиталисты же наживаются на этом. Когда существуют сотни тысяч людей, готовых трудиться на любых, пусть даже самых тяжелых условиях, хозяевам предприятий легко снижать зарплату «своих» рабочих. «Будете настаивать на повышении заработков,— говорит владелец фабрики забастовщикам,— я на ваше место найму иностранцев».

Тяжело живется в странах капитала Западной Европы иностранным рабочим. Но современное рабство недолговечно. Нещадно эксплуатируемые, обездоленные люди начинают борьбу за свои права.

Пятая Олимпиада Трех Неизвестных

ЧТО В ПИСЬМАХ БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО

Первое наше слово, как и раньше,— молодцы! Все проделали огромную работу.

Вот что рассказывает семиклассник Женя Новиков из поселка Ключевой, Кемеровской области, о подготовке к Олимпиаде:

«На моем счету это уже третья олимпиада! В прошлом году я даже стал одним из победителей вашего конкурса. Год — это очень много. Это кажется вечностью, когда с огромным нетерпением ждешь Олимпиады Трех Неизвестных. Ждешь и волнуешься: какие же задачи будут на этот раз, так же они будут интересны и трудны, как раньше? Новые задачи решать было так же увлекательно, как и прежние. За прошедший год я прочел много книг по математике и решил много задач. Надеюсь опять стать одним из победителей, Вообще это здорово — стать олимпийским чемпионом! За время решения ваших задач я исписал четыре тетради, 2 блокнота, использовал 3/4 стержня, 2 карандаша (карандаши ломались 12 раз), затратил на решение задач Олимпиады 7 часов 28 минут.

Одного только я не мог сосчитать: сколько мыслей, сколько вариантов решений побывало за это время в моей голове. Наверное, эта цифра превышала бы количество звезд во Вселенной!

А теперь — вперед, будем учиться на ошибках! Перечитайте условия в «Пионере» № 2, а потом решения и ответы в «Пионере» № 5. Положите эти журналы рядом с собой, возьмите бумагу и ручку.

Задачи **«На арене — хищники»** и **«Сколько их»** относятся к **комбинаторике.** О ней Неизвестные рассказывали в прошлом году в № 12 «Пионера». Ребята, не знакомые с комбинаторикой, пытались выписать все способы построения хищников. Без системы перебрать 72 случая и ни одного из них не забыть — очень трудно. В задаче «Сколько их» иногда считали сначала число тех параллелограммов, клетки которых расположены в один ряд, потом выясняли, в скольких параллелограммах клетки расположены в два ряда, и так далее. Вычисления занимают множество страниц! Как тут не ошибиться! Математические рассуждения экономят труд, дают более надежные результаты.

В задаче **«КО + ЛЯ = О − ЛЯ»** буквы ЛЯ означают, как и всегда в математических ребусах, число из Л десятков и Я единиц, то есть 10 Л + Я, а не произведение Л × Я. Впереди числа нуль не пишется, поэтому числа К, Л и О не нули. **«Задача полегче»** такова: расшифровать запись КО + ЛЯ = ОЛ − Я, если дополнительно известно, что К + О + Л + Я = 21. Однако кое-кто стал отдельно расшифровывать именно равенство К + О + Л + Я = 21.

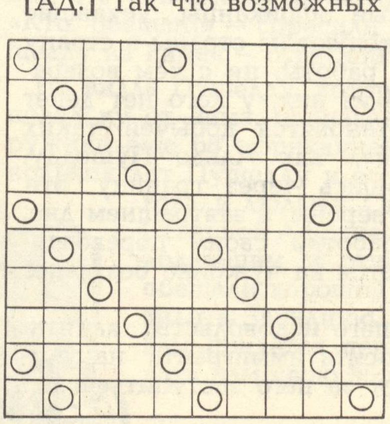
Есть 336 способов сделать это. Полезно заметить, что из расшифровки, в которой К < О < Л < Я, можно получить еще 23 ответа, меняя местами слагаемые.

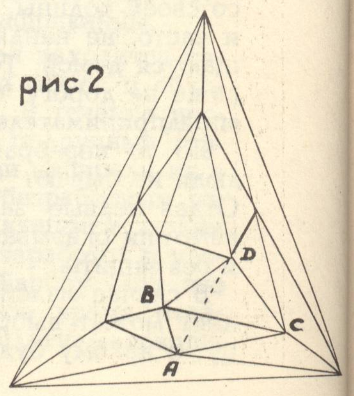
При решении задач **«Крейсеры»,** и **«Линкоры»,** и **«На шахматной доске»** многие рассуждали неправильно, примерно так: «Данный план позволяет наверняка попасть в «линкор». Если же наносить удары по всем клеткам плана, кроме какой-нибудь одной, то можно и не попасть. Следовательно, меньшим числом выстрелов, чем на этом плане, не обойтись». Или: «При данной расстановке коней ни один из них не бьет другого. Если на доску поставить еще одного коня, то он будет бит. Следовательно, нельзя поместить на доске больше не бьющих друг друга коней, чем при данной расстановке». Вот на рисунках план стрельбы и расстановка коней, где нельзя отказаться ни от одного выстрела и нельзя добавить ни одного коня. Но этот план и эта расстановка **не являются наилучшими** (сравни решение в № 5).

Для гарантированного попадания в эскадру из «линкора» и «крейсера» нужно столько же выстрелов, сколько для одного «линкора». Разве это не поразительно? Если мы случайно выберем одну клетку и выстрелим по ней, то за поражение «линкора» есть 4 шанса из 100, а за поражение одного из кораблей эскадры — 7 шансов из 100! Опытные игроки знают, что среднее число выстрелов до первого попадания в эскадру существенно меньше, чем среднее число выстрелов до попадания в «линкор».

В условии задачи **«Остров Треугольник»** сказано, что граница между соседями — общая сторона треугольников. Поэтому карта, изображенная на первом рисунке, не годится: границей между странами I и II является [ВД] — **часть** стороны ВС треугольника АБС, а не вся сторона.

Многие считали, что на острове 19 стран. При этом они нарисовали лишь одну возможную карту острова, например, такую, как на втором рисунке. Ясно, однако, что для получения еще одной карты, удовлетворяющей условию задачи, можно стереть границу [ВС], а вместо нее провести границу [АД.] Так что возможных карт очень много,

и надо специально доказывать, что на всех них одинаковое число стран.

При решении задачи **«Шейте сами»** кое-кто забыл, что одежда должна быть составлена из одних и тех же частей (а не разных) одной и той же фигуры.

В задаче **«Бег по эскалатору»** Иксу пришлось пробежать по остановившемуся эскалатору половину **пути.** Некоторые считали, что эскалатор Икса стоял половину времени. Они поняли задачу неправильно и тем самым существенно упростили ее, рассуждали так: пусть а м/сек — скорость эскалатора, в м/сек — скорость Икса. Тогда за первую минуту Икс продвинулся на $(а + в)$ метров, а за вторую — на а метров, всего за две минуты на $(2а + в)$ метров. Зет, стоя на эскалаторе, проехал за две минуты 2в метров. Наверху Неизвестные встретились, значит, $2а + в = 2в$, $а = в/2$. Поскольку $а + в = 1{,}5в$, то по движущемуся эскалатору Икс взбежал бы за $120/1{,}5 = 80$ секунд, он рассчитывал обогнать Зета на 40 секунд.

Восьмиклассник из Ленинграда Миша Чеповецкий правильно понял условия задачи. Вот его решение: *«Пусть эскалатор Икса двигался с секунд. Из условия задачи следует, что* $a \cdot 120 = (a + в)c + в\,(120 - c)$. *Тогда* $c = \dfrac{120(a - в)}{a}$.

Поскольку эскалатор остановился на середине пути, то $(a + в)c = в(120 - c)$. *Следовательно,* $c = \dfrac{120в}{a + 2в}$. *Приравняв два выражения для с, получил уравнение* $a^2 - 2в^2 = 0$. *Значит,* $в = \dfrac{a}{\sqrt{2}}$, $c = 120\left(1 - \dfrac{\sqrt{2}}{2}\right) \approx 35{,}16$ *секунды. Икс рассчитывал взбежать наверх за* $\dfrac{120}{1 + \dfrac{1}{\sqrt{2}}} \approx 70{,}30$ *секунды и обогнать Икса ни много ни мало на 49,70 секунды».*

Победители V Олимпиады

Год от года работы, присланные на Олимпиаду, становятся все интереснее, серьезнее, а ваши письма — все толще. «Пустых» работ совсем почти нет. Вот победители V Олимпиады Трех Неизвестных:

Ученики 4-го класса Алексей Каплан (Сумгаит), Лев Певзнер (Комсомольск-на-Амуре), Лариса Таймуразова (Обнинск).

Пятиклассники Лена Агеева (Архангельск), Евгений Асарин (Москва), Аркадий Галь (Москва), Яков Зайдельман (Уфа), Игорь Кива (Уфа), Андрей Колядинцев (Одесса), Михаил Миглин (Обнинск), Саша Мирлин (Ленинград), Петр Перелыгин (д. Оловянниково, Орловской обл.), Светлана Поляк (Тамбов), Саша Пухликов (Москва), Олег Хоружий (Черновцы).

Ученики 6-го класса Николай Великороссов (Конаково), Сергей Горшков (Казань), Михаил Елишевич (Чернигов), Ирина Клименко (Новокузнецк), Слава Коптяев (Климовск, Московская обл.), Дмитрий Корчемный (Москва), С. Лысенко (п. Афипский, Краснодарского края), Саша Махоткин (Цемзавод, Ульяновской обл.), Владислав Никитенко (Нарва), Юля Рахвальская (Киев), Сергей Саликов (Москва), Саша Сахаров (Дзержинск), Александр Семененко (Ставрополь), Олег Тарновский (Свердловск), Лена Устьянцева (Свердловск), Александр Чигорев (Киев), Оля Шарапова (Ташкент), ученица 6-го класса «Б» школы № 7 г. Рубцовска, Алтайского края, не написавшая свою фамилию.

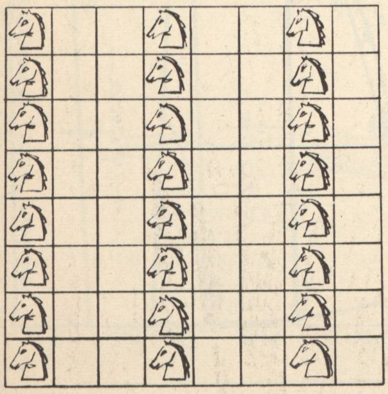
Семиклассники Оля Барсукова (Прокопьевск, Кемеровской обл.), Игорь Губин (Курск), Петр Кирсанов (Москва), Лена Кочеткова (Йошкар-Ола), Сергей Мельник (Елгава), Женя Новиков (п. Ключевой, Кемеровской обл.), Павел Пустовой (Ачинск), Кирилл Россиянов (Москва), Инесса Сафрастян (Курск), Сергей Харитонов (Харьков), Оля Чагина (Иркутск), Таня Шапошникова (Краснодар), Вадик Штепин (Челябинск).

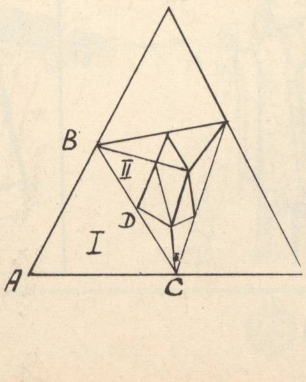
Ученики 8-го класса Валерий Мансуров (Свердловск), Михаил Чеповецкий (Ленинград), Михаил Юшин (д. Рогачево, Московской обл.).

Девятиклассник Витя Тюхтин (Мурманск).

Не назвавший класс Олег Рыданных (Лысьва, Пермской обл.).

Победители Олимпиады получат математические книги и грамоты, а все остальные — письма с разбором их работ.

СЛОВО К ТЕМ, КТО НА ЭТОТ РАЗ НЕ СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ ОЛИМПИАДЫ

Одни серьезно занимаются математикой уже лет пять, другие начали только в этом году. У одних больше удач, у других меньше. Самое же главное: вам всем нравится математика, вы захотели участвовать в математической Олимпиаде. А успехи придут, если будете решать задачи, читать математические книги, заниматься математикой в кружке или на факультативе. Для подготовки к очередной Олимпиаде советуем читать и разбирать выпуски «Встреч с Тремя Неизвестными» за несколько последних лет. Семиклассникам и более старшим ребятам рекомендуем читать научно-популярный физико-математический журнал «Квант».

Уверены, что вы получите много радости от занятий математикой.

По поручению жюри Олимпиады Трех Неизвестных А. ОРЛОВ.

Академия Домашних Волшебников

Какое ясное солнце в июле! Жаркое, ослепительное. А небо синее-пресинее. Трава зеленая и душистая! Вот когда пригодились Марине и Лёке платья и шляпы, что шили они в начале июня. Тогда было еще не так жарко, и дожди набегали, казалось, открытые платья и не нужны будут. Теперь прекрасно, легко. Постирал, погладил — свеженько и нарядно.

И Калинка, между прочим, сшила себе такое же платье. Только, конечно, красное, с зеленой строчкой. Пришлось и шапочку-невидимочку новую сшить, полотняную, в вязаной очень жарко. Только колокольчик с вязаной шапочки на эту перешел, второго такого колокольчика не найти — очень звенит мелодично, да и — если по секрету сказать — в немто самая невидимость и заключается.

«Динь-дон-динь». Слышите, как звенит! «Динь-дон-динь. Дон-дон». Словно смеется.

— В самом деле, смеюсь! — сказала Калинка, снимая зеленую шапочку.— Не смешно ли! Алеша с Бобом нарисовали куклу и играют в нее, мы, говорят, на модельеров учимся.

— Учимся,— важно подтвердил Боб.— Девочки захотели костюмы, мы их и нарисовали.

— Еще рубашку нарисовали и жилет, что ты нам обещала прошлый раз,— добавил Алеша,— да Калинке Маленькой не подошло.

— Куклу Калинкой Маленькой назвали? — Калинка опять засмеялась.

— А что, разве не похожа? — удивился Боб.

— Пожалуй, похожа. И, правда, маленькая, в два раза меньше меня. Вы хотите сказать, что ситцу накупили, постирали его, погладили, стол у вас раздвинут, ножницы наточены, иголки и нитки в боевом порядке, машинка смазана и сантиметр наготове?

— Да...

— И будете все кроить и шить сами? Или мне вам помогать? Мальчики переглянулись.

— Если не хочешь, можешь не помогать, только не улетай, пожалуйста. Побудь с нами. Мы без тебя соскучились.

Кому такие слова не приятны? Конечно, Калинка осталась и немножко помогала кроить, шить и вязать. А когда все сшили, связали, погладили, надели, наудивлялись друг на друга, как все ладно и хорошо получилось, решили, что стоит, пожалуй, в будущем все платья на Калинку Маленькую рисовать, чтобы младшая сестренка Боба могла играть и еще новый конкурс объявить. Вот какой:

«НА КАЛИНКУ МАЛЕНЬКУЮ НАДО НАРИСОВАТЬ:

1. школьную форму, удобную и современную (мальчишескую тоже);

2. платье или костюм с национальными элементами (и не забыть про мальчишеские);

3. карнавальный костюм. Очень яркий, очень карнавальный (для мальчиков тоже);

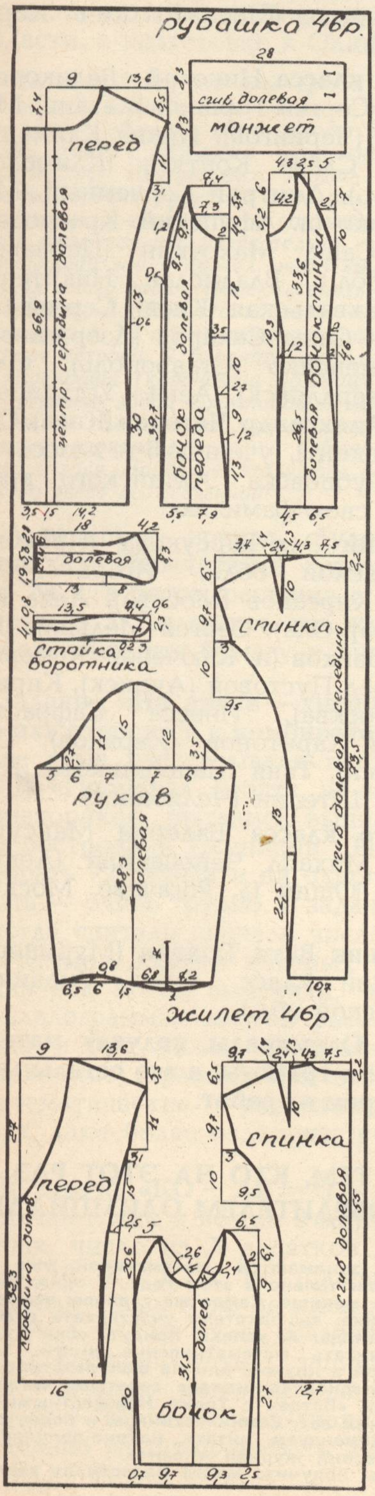
4. спортивный костюм. Для лыжников, горнолыжников, конькобежцев, фигуристов (и для мальчиков тоже).

Конкурс объявить на целый год. Пусть ребята рисуют без торопливости, тщательно и внимательно, красиво!

Последний день отправления конверта 1 августа будущего 1975 года.

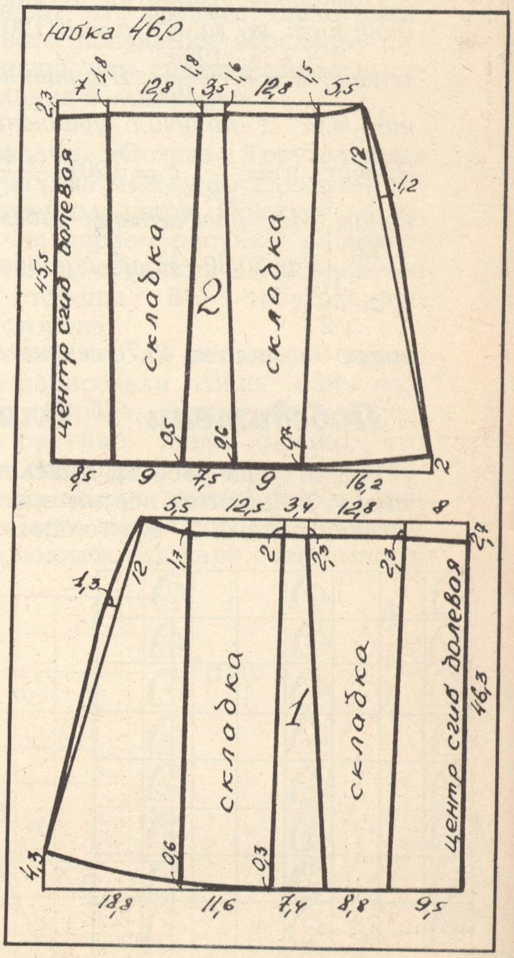
ИТОГИ КОНКУРСА — В 12 НОМЕРЕ «ПИОНЕРА», БУДУЩЕГО 1975 ГОДА.

Победителей ждут семь Калинкиных призов и семь почетных дипломов. Калинка предложила еще особый приз «За самую удобную и красивую школьную форму». Лёка с

Мариной пошушукались и решили, что они тоже дадут свой приз «За самое смелое и яркое решение карнавального костюма». ПРИЗЕРОМ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО МАЛЬЧИК.

Боб с Алешей учредили свой приз «За самый удобный и целесообразный спортивный костюм». ПРИЗЕРОМ БУДЕТ ДЕВОЧКА.

Итак, семь призов первых, семь дипломов и три специальных приза.

КТО НЕ ЗАХОЧЕТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЯ В КОНКУРСЕ? ЕСТЬ ТАКИЕ?

Экономно, продуманно распределяем детали на продекотированной ткани по долевой нити, обводим контуры мелом с прибавкой на швы (на скрытые — 0,7 см, на открытые — 3 см), на подшивку юбки — 6 см.

РУБАШКА ДЛЯ МАЛЬЧИКА, размер 46

При ширине ткани 90 см надо 180 см. Лучше всего взять сатин, ситец, ацетатный шелк. При полном 46-м размере и воротнике 38 см можно сразу стачивать швы на машинке и отстрачивать отделочной строчкой на 0,5 см от края. Воротник сначала притачиваем к стойке, а потом вшиваем в горловину, немного припосадив ее. Окат рукава также припосадить прежде, чем вшивать его в пройму рубашки.

ЖИЛЕТ ДЛЯ МАЛЬЧИКА, размер 46

При ширине ткани 140 см необходимо 75 см. Горловину, борт и пройму жилета обрабатываем подкройной бейкой. Застежка жилета на молнию, в рельефах передних половинок, карманы также на молниях. Пояс выкраивается по долевой нити размером 95,4 × 10 см. Все швы жилета отстрачиваем отделочной строчкой, можно контрастными нитками.

ЮБКА В СКЛАДКУ, размер 46

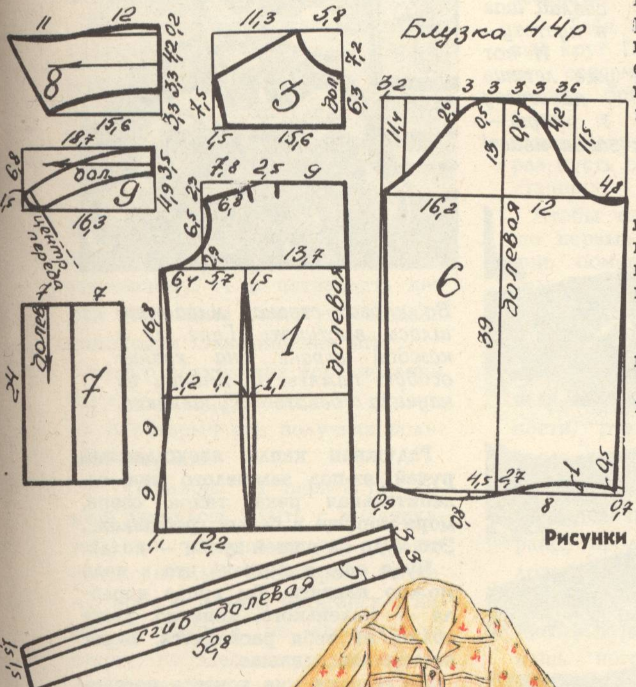
Ткани надо 110 см при ширине 140 см. Шотландка, шерсть, шелк, полотно, да почти любая ткань подойдет.

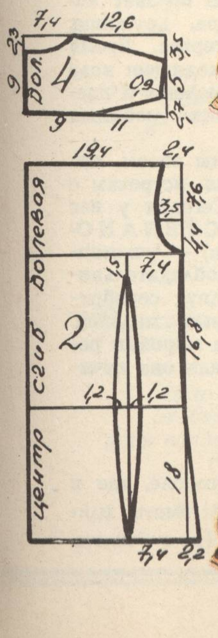
Детали:

1. передняя половинка юбки — 2 детали;
2. задняя половинка юбки — 2 детали;

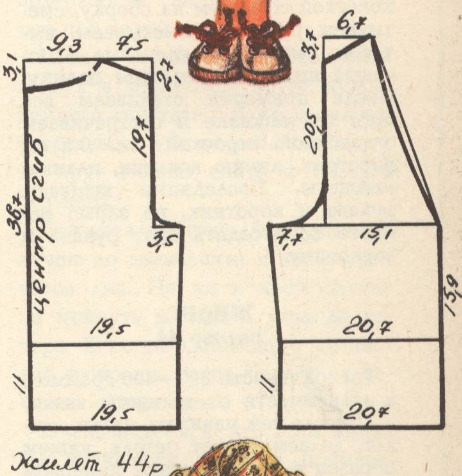
Пояс кроить 6×74 см.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

На вырезанных деталях отмечаем ниткой линии центра. Сметываем складки и заметываем их на одну сторону так, как они будут лежать. Потом сметываем боковые швы, подгибаем низ. На примерке основное внимание обращаем на объем и длину. После примерки заутюживаем складки и отстрачиваем их до линии бедер, закрепляем их внизу. Стачиваем боковые швы, вшиваем молнию, пристрачиваем пояс, подшиваем низ шелковой тесьмой или бархатным швом.

БЛУЗКА,
размер 44

Расход ткани: при ширине 78 см — 2 м. Для блузки подойдет ситец, сатин, батист, маркизет.

Детали:
1—2 передняя и задняя половинки блузки, по 2 детали
3—4 кокетки переда и спинки по 2 детали
5 планка — 2 детали
6 рукава — 2 детали
7 манжеты — 2 детали
8 воротник — 4 детали
9 стойка — 4 детали

Передние половинки блузки под кокеткой собираем на сборку, сметываем рукава, заметываем вытачки, сметываем плечевые и боковые швы, приметываем планку. После примерки стачиваем все швы на машинке и отстрачиваем отделочной строчкой на 0,5 см воротник, линию кокетки, планку, манжеты. Последними вшиваем рукава и воротник, не забыв немного приposадить окат рукава и горловину.

ЖИЛЕТ,
размер 44

Расход шерсти 300—400 граммов, в зависимости от толщины вязки.

Прежде чем начинать вязать жилет, делаем расчет петель, вяжем образец в 20—30 петель, измеряем его сантиметром и считаем, сколько петель приходится на 1 см. Предположим, что на 1 см приходится 3 петли. Тогда на 20,7см $\times$ 3 петли = 62 петли.

Вяжем перед жилета, сразу 2 половинки из двух мотков. Набием 2 раза по 62 петли и вяжем резинку 2×2 или 2×3, всего 11 см. После резинки, отступив от края на 2,5—3 см, начинаем вязать любой узор на фоне обычной чулочной вязки. Точно так же, но без узора вывязываем спинку: 11 см резинкой, остальное чулочной вязкой.

Связав перед и спинку, сшиваем плечевые и боковые швы, затем обвязываем пройму, горловину и борт резинкой 1×1, шириной 2 см. Резинку можно связать отдельно, а потом пришить. Можно набирать петли прямо из проймы и горловины; обвязывая правый борт, вывяжите петли для пуговиц. Готовый жилет надо слегка простирать и отутюжить через мокрую тряпку.

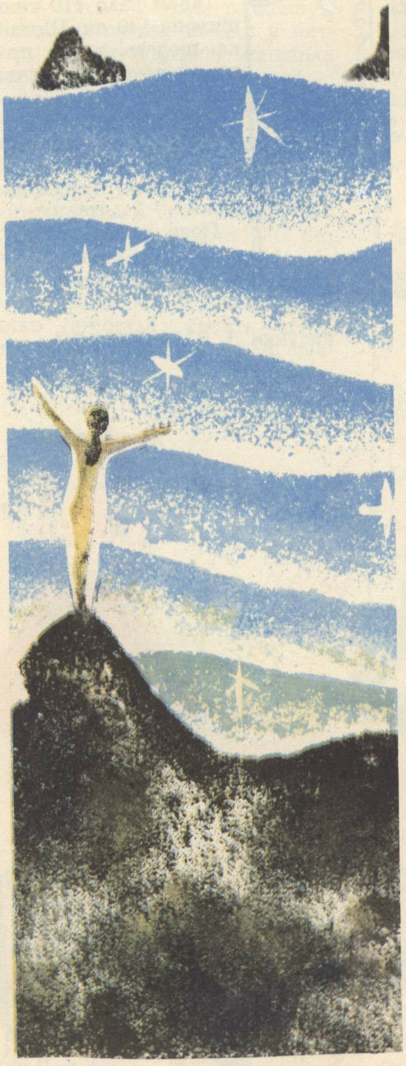
Давай учиться плавать

Набрался смелости, сделай шаг в пустоту... И вот ты уже летишь навстречу морю — дух захватывает!

Во многих странах мира пришлось выступать Гале, и о каждой стране она хранит особую память. В Японии ее научили делать журавликов.

Радужная капля, неожиданный ручей из-под замшелого пня, ослепительная река, тихое озеро, море-морище в белых гребешках... Это чудо на нашей земле — вода!..

Чудо еще и потому, что в воде можно плавать. Ты вроде корабля — маленького, конечно, даже волны от тебя расходятся. Берег все дальше, дальше...

Но сегодня мне хочется поговорить с тем, кто еще ползает коленками по дну. Пора, дружище, учиться плавать всерьез. Время для этого самое подходящее: вода в реке, как парное молоко, а впереди половина твоих любимых каникул.

Из нашей почты мы знаем, что ты всегда радуешься встречам с мастерами спорта. Сегодня у нас в гостях Галина СТЕПАНОВА (Прозуменщикова) — участница трех Олимпиад, обладательница одной золотой, двух серебряных и двух бронзовых медалей. Шесть раз Галя била мировые рекорды. Спросим ее, как она начинала плавать.

*

— У нас в Севастополе, где я родилась, нельзя не уметь плавать, море-то рядом. Но я боялась

глубины. Зайду в воду по пояс и назад. Подружки давно к буйкам заплывали, а я ничего не могла поделать со своим страхом.

Однажды после шторма прибило к берегу старую баржу. Мальчишки обрадовались. Они из чего угодно развлечение себе выдумают. Баржа почти затонула, и ребята приспособились около нее плавать.

Мне казалось, что баржа совсем близко. Пересилила страх и пошла к ней. Вода по пояс, по грудь... Чуть-чуть, и можно будет ухватиться за борт. С силой оттолкнувшись ото дна, я проскользила по воде. Но до баржи оставался еще шаг, а дна под ногами уже не было. Я отчаянно стала грести и... поплыла.

С тех пор меня, как магнитом, тянуло в воду. А глубина... Ведь вода сама поддерживает. Помнишь закон Архимеда? Так что бояться нечего: закон действует безотказно...

В тринадцать лет Галя пришла в секцию плавания с огромным желанием научиться плавать по-настоящему. А в пятнадцать лет она завоевала золотую медаль чемпионки Олимпийских игр!

Много волнующих соревнований было у Гали. Помнятся не только те, в которых она получила большие награды.

— Однажды на первенстве города пришлось плыть с мальчиками — так уж получилось. Ребята снисходительно посмотрели на меня: попробуй, мол, потягайся с нами. Я никогда не дрожала на старте, но здесь смутилась. Было такое чувство, будто впервые бросаюсь в воду. После заплыва не сразу поняла, что пришла первой. Только слышу болельщики кричат: «Галя! Молодец»!

Мои первые старты... Любовь к воде постоянно перемежалась с робостью. Но всегда — касаюсь воды и чувствую силу!

*

Многие ребята хотят научиться плавать, но не знают, с чего начать. К тому же им хочется научиться плавать как можно быстрее.

Старший тренер сборной команды СССР по плаванию Юрий ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛОВКИН откроет «секрет».

— Тебе хорошо знаком резиновый круг. Попробуй плавать с ним не совсем обычным образом: плотно привяжи круг к спине, ближе к лопаткам. Теперь можешь идти в воду, но на первый раз пусть с тобой будет кто-то из старших.

Чтобы ты мог представить лучше первые упражнения в плавании, помещаем рисунки. Внимательно их рассмотри.

Войди в воду по пояс. Глубоко вдохни и спокойно ляг на живот: лицо погружено в воду, ноги вытянуты, пятки на поверхности, руки вытянуты свободно вдоль тела ладошками в сторону дна. Обрати внимание, как это делает девочка на рисунке. Постарайся продержаться в таком положении, считая до пяти. Сразу заметишь, что круг сначала держит, а потом ты вместе с ним станешь погружаться. Чтобы держаться на поверхности, ты должен грести руками, как показано на рисунке.

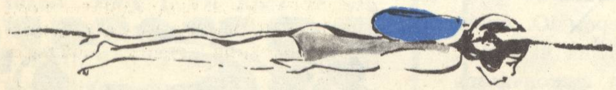
Из сил на воде выбивается тот, кто не умеет правильно дышать. Поэтому сразу же учись: сделай глубокий вдох ртом, опусти лицо в воду и с силой выдохни через нос и рот. Примерно так, как дуешь на горячий чай. Глаза в воде можно открывать. Это даже полезно.

Итак, ты уже держишься на воде, но еще не плывешь. Выбери место у берега, где вода доходит тебе немного выше пояса. Сейчас понадобится помощь старшего товарища. Пусть он зайдет в воду подальше. А ты, оттолкнувшись от берега согнутой ногой, плыви по направлению к нему. Руками продолжай грести. Прямыми, но не напряженными ногами, делай махи, ноги расслаблены — судороги бывают именно от напряжения. Дыши правильно: вдох ртом на поверхности, выдох через нос и рот под водой.

После нескольких тренировок воздух в резиновом круге нужно немного спустить... А когда ты почувствуешь в воде себя свободно, то круг можно снять и плавать без него.

Остается добавить, что купаться лучше до двенадцати и после трех часов дня. Но ни в коем случае не мокнуть в воде с утра до вечера. Если ты плаваешь в резиновой шапочке, то на берегу не забывай ее снимать.

Очень надеемся, что этим летом ты научишься плавать, примешь участие в соревнованиях на приз клуба «Нептун» и напишешь нам об этом.

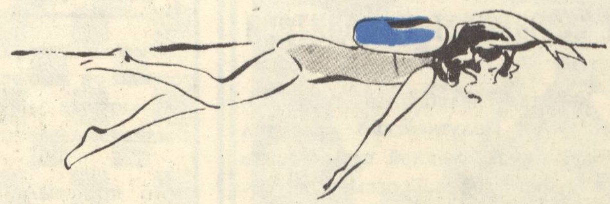

Держись на воде, считая до пяти. Глаза можно открыть, это даже полезно. Затем начинай грести руками.

Оттолкнись от берега — и ты поплывешь. Руками и ногами делай так.

В стране Шаха — владыки черных и белых полей

Успех ленинградских ребят

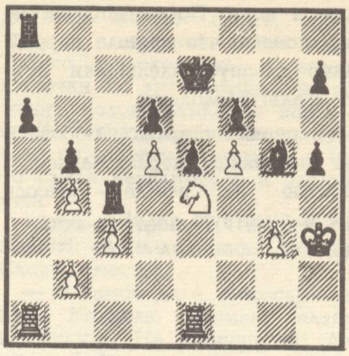
Много увлекательных партий сыграно на втором всесоюзном турнире команд дворцов пионеров. В первом таком турнире победили москвичи, а на этот раз почетный приз «Комсомольской правды» увезла команда Ленинградского Дворца пионеров. Возглавлял команду гроссмейстер Марк Тайманов. И он, и Борис Спасский, и Виктор Корчной, и многие другие гроссмейстеры и мастера начинали свой спортивный путь в этом Дворце пионеров.

Команда ленинградцев играла уверенно, сильно и дружно. В решающем матче с капитаном москвичей гроссмейстером Юрием Авербахом они добились внушительной победы — $4^1/_2 : 2^1/_2$. Пешкин радовался, следя за игрой **Сережи Горелова** (Москва), **Леонида Заманского** (Ленинград), **Ростислава Корсунского** (Баку), **Ани Ахшарумовой** (Москва), **Гаррика Вайнштейна.** Особенно отличился **Коля Катишонок** из Риги. Он набрал $2^1/_2$ очка и не проиграл ни одной партии гроссмейстерам.

Пешкин узнал, что многие участники сборных команд дворцов пионеров выступают и в турнирах клуба «Белая ладья».

Гроссмейстер поздравляет победителя

Капитан челябинцев гроссмейстер **Лев Полугаевский** проводил сеанс одновременной игры против бакинских ребят. Гроссмейстер играл черными.

И вот какое положение создалось на доске **Ростислава Корсунского.** Видите, у черных лишняя пешка, но она немногого стоит, потому что все пешки черных блокированы. Зато у коня белых великолепная позиция в центре, он держит под своим контролем ряд важных пунктов.

Партия продолжалась так: 37. Ле1—е2! Ла8—а7. 38. b2—b3 Лс4—с8 39. Ле2—а2.

Белые остроумно перевели свою ладью на линию «а», и черным пришлось уйти в «глухую защиту».

39... Лс8—а8 40. с3—с4! b5 : с4 (угрожало взятие на b5) 41. b3 : с4 Ла8—b8 (иначе решает прорыв с4—с5) 42. Ла2 : а6 Ла7 : а6 43. Ла1 : а6 Лb8 : b4 44. Ла6—а7+ Крe7—d8 45. Ке4 : d6 Сg5—е3 46. Ла7 : h7.

Судьи присудили выигрыш белым (если 46... Лb6, то 47. с5 и т. д.), и гроссмейстер поздравил школьника с победой.

Чего не оценил Миша?

В этом положении была прервана партия **Миши Когана** из Череповца с гроссмейстером **Ю. Авербахом.** Миша, игравший черными, решил, что партия закончилась вничью.

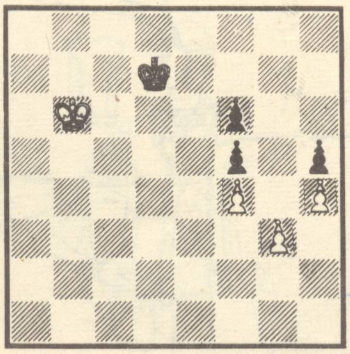

Рисунок И. Красулина.

Но судьи признали Мишу побежденным. Чего же он не оценил?

Смотрите:

47. Kpb6—b7 Kpd7—e6 48. Kpb7—c7 Kpe6—d5 49. Kpc7—d7 Kpd5—e4 50. Kpd7—e6 Kpe4—f3 51. Kpe6 : f6!

Миша считал, что возможен только такой ход 51. Kp : f5, который привел бы к ничьей. Но произошло другое:

51... Kpf3—g4 (если 51... Kp : g3, то 52. Kpg5) 52. Kpf6—g6 Kpg4 : g3 (другого нет) 53. Kpg6—g5, и черным пришлось капитулировать.

Молодец, Женя Юнин!

Вот такое письмо прислал Пешкину **Женя Юнин** из Караганды.

«Я организовал кружок шахматистов в своем классе,— пишет Женя.—Записалось тринадцать человек, да мы пригласили еще ребят из других классов.

Записываем в кружок всех, кто не умеет играть, научим!»

План работы кружка интересный. Ребята собираются участвовать в турнирах клуба «Белая ладья», будут изучать теорию.

Успехов вам, друзья дорогие! Чемпиона вашего кружка Пешкин обязательно наградит «Грамотой ферзя и ладьи».

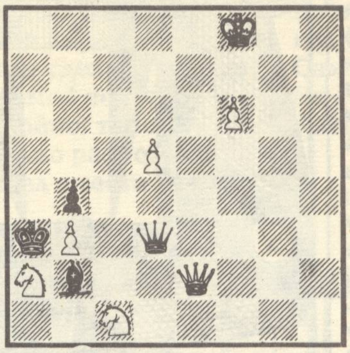
Как решаются задачи

Задачи из журнала № 2 решаются так: **трехходовка** — 1. Лc8! Ф : c8 2. Лf8+ и мат следующим ходом. **Этюд 1.** f7! Kpe7 2. Ke6 Kp : f7 3. Kg5+ Kpf6 4. K : f3 c2 5. Kg1!, и если черные превращают пешку в ферзя или ладью, белым пат.

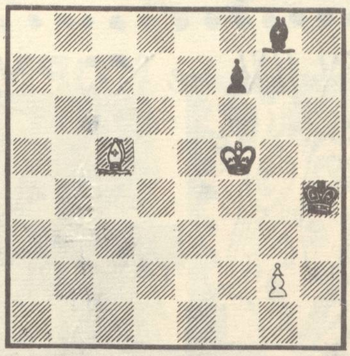
В этюде из журнала № 3 к ничьей ведет 1. Cg3! d3 2. C : f2 d2 3. Ce1! d1Л 4. Kpe2, и пешку e3 никак не защитить!

Много ребят присылают нам верные решения. Пешкину особенно понравились подробные решения **Володи Перевера** (Донецк), **Валерия Маликова** (совхоз «Заря», Кемеровской области), **Светланы Иванченко** (Сахалин, Углегорский район), **Олега Ихиныpова** (с. Харат, Иркутской области), **Сережи Мирзояна** (Баку), **Вали Фаткуллина** (п. Красногорский, Челябинской области).

ДВА ПОСЛЕДНИХ ЗАДАНИЯ

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

Казалось бы, противникам пора соглашаться на ничью, но посмотрите, как стеснены фигуры черных. Белые могут провести сильную атаку.

Найдите, как белые при своем ходе добиваются победы?

Семиклассник Артур Юсупов из Москвы уже перворазрядник. На турнире он бесстрашно сражался с международным мастером Ф. Багировым и выиграл партию.

Играет Михаил Таль. **Фотография В. КРУПСКОГО.**

Гаррик Вайнштейн — самый молодой из команды бакинского Дворца пионеров — ему одиннадцать лет. Он выполнил норму кандидата в мастера.

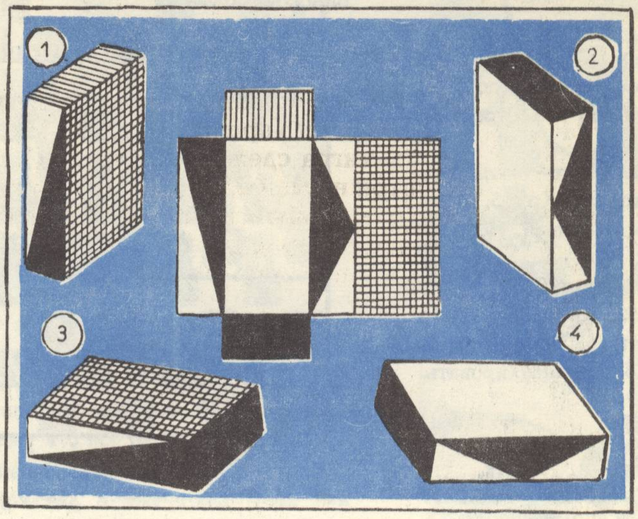
Фотографии москвича Гены ТУРОВА, он учится в восьмом классе.

Запасись ключом

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

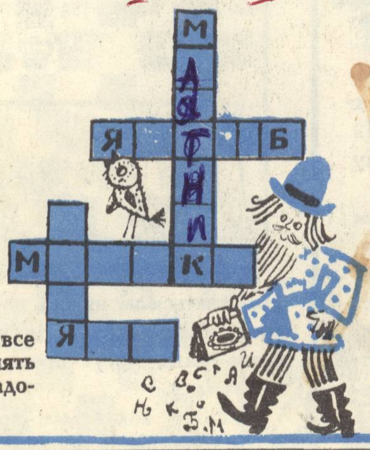

Ключ в одной из этих шкатулок. Она показана в развернутом виде в середине рисунка. Найдите ее, выньте ключ и входите в «Палату Ума».

СОЛОВЬЯ БАСНЯМИ не КОРМЯТ

Вот задача непростая,
Для смышленых лучший спорт:
Надо буквы переставить
Из пословицы в кроссворд!
В нарушенье строгих правил:
«Без подсказок», «Прямо в бой!»
Я шесть букв уже поставил,
А шестнадцать за тобой!

Примечание. Разместите в клетках кроссворда все двадцать две буквы так, чтобы получилось пять слов. Запомните правила этой игры, они понадобятся вам в следующий раз.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

ГДЕ КАМЕРУНСКИЙ СЛОН?
Марка со слоном под номером четыре. Страны, выпустившие марки, расположены в таком порядке: Чад, Египет, Нигер, Камерун, Ливия.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ СОСИСОК.
Имя его Ням-Ням.

ГДЕ СТРЕЛА ОРЛИНОГО ГЛАЗА?
Пятая снизу.

ЧТО ОТВЕТИЛ КЕНГУРЕНОК?
«Я боюсь стоять один».

ТИГР

Это тигр полосатый.
До чего же он хорош!
Хочешь тигра сделать сам ты?
Посмотри на мой чертеж.
Посиди спокойно, тихо,
Все старательно разметь,
Чтоб не вышел вместо тигра
Бегемот или медведь.
Ну, а если ты медведя
Сам придумаешь, то мне,
Не стесняясь и не медля,
Высылай чертеж в письме!

Живживка.

ВОРОНА и ЛИСА

«Вороне где-то...» Но могу сказать вам смело, значительно с тех пор ворона поумнела. И, чтобы не открыть лисе на радость рта, считает про себя десятый раз до ста. Даю тебе совет: с нее пример возьми и тоже посчитай, но только до семи. Здесь нужен острый взгляд и ум совсем не птичий. Ты должен отыскать в рисунках семь различий!

ЗОЛОТО НА ЛЕНТАХ

Шестнадцатилетним мальчишкой получил я из флотского «ателье» — швальни — черную шинель, темно-синюю фланелевку, бескозырку...

Надел все матросское и был счастлив. Только бескозырка меня расстроила. В зеркале отражался широкий околыш без ленточки. Флотские ленты нам не полагались, а как это огорчало! Казалось, бескозырка без ленточки — не бескозырка, одна обида!

Позднее я узнал, что русские матросы стали носить эти ленты всего лишь сто лет назад. А при Петре I, когда начинался наш флот, у матросов были вязаные шапки, как сейчас у лыжников, и мягкие шляпы, похожие на старинные крестьянские.

Царь Павел I, большой любитель парадов и прусской формы, ввел для матросов высокие гренадерские шляпы и нелепые кивера, похожие на ведерко, расширяющееся ко дну. Они считались парадной формой, а весили два килограмма!

Легкие и удобные бескозырки появились в российском флоте накануне Крымской войны, в 1840 году,— темно-зеленые с белыми кантами и без лент. На околыше тогда прорезали буквы и цифры, обозначавшие экипаж, где служил матрос, а чтобы литеры были виднее, под прорези подкладывали желтое сукно.

Такая бескозырка без лент была у героя Крымской войны матроса Петра Кошки. На околыше у него светлели буквы «Л. Р.» — ластовая рота, по-нашему морская пехота. В дни обороны Севастополя он был разведчиком, однажды привел сразу трех пленных.

До приема военной присяги наши молодые матросы и теперь носят бескозырки без ленточек. Получить ленту на бескозырку — праздник.

Когда-то эти ленты у моряков были разноцветные, а после того, как в Трафальгарском бою был убит адмирал Нельсон, английские офицеры в знак траура повязали на тульи шляп черные ленты. Строгие темные ленты на шляпах вскоре появились и у моряков других стран.

(Продолжение на IV обложке).

СОДЕРЖАНИЕ

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.** Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Адрес для писем: 101 459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Сдано в набор 24/IV 1974 г. А 00800. Подписано к печати 4/VI 1974 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1449. Заказ № 2268.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Посмотрите, какие прекрасные марки! Они посвящены выставке «ЭКСПО-74» в американском городе Спокан. Выставка призывает всех охранять окружающую среду. И эти марки говорят о том, как должны мы беречь цветы, рыб, и этого олешка, и все, что живет рядом с нами.

Магазин № 16 «Марка — почтой» высылает все новые марки, которые выпущены и будут выпускаться в этом году.

Присылайте свой заказ, и вам вышлют наложенным платежом:

наборы негашеных советских марок по темам: «Лениниана», «Космос». «Спорт», «Флора-фауна». Стоит набор 3—4 рубля;

наборы гашеных марок стран социалистического содружества и развивающихся стран. Цена набора 4 рубля.

Заказы направляйте по такому адресу: Москва, 125130, ул. Зои и Александра Космодемьянских, дом 29, кор. 2, магазин № 16 «Марка — почтой». Только не присылайте деньги в письмах и почтовыми переводами. Уплатите их, когда получите марки.

Ждем ваших заказов!

Московское городское агентство «Союзпечати».

ЗОЛОТО НА ЛЕНТАХ

(Продолжение. Начало на стр. 80).

Позднее в России стали шить бескозырки из черного сукна с белыми кантами и золотом печатать на лентах название корабля: «Варяг», «Аврора»... Моряки гордились именем корабля, берегли его честь.

В 1941 году многие моряки сражались в сухопутных частях. Их черная флотская форма была слишком заметна, и им пришлось надеть армейские шинели, гимнастерки и каски защитного цвета. Только на рукаве остался золотой флотский якорь да на груди виднелись полосатые тельняшки. И с бескозырками не расстались матросы, хранили их при себе, носили под каской как память о корабле...

В сражениях Великой Отечественной войны родилась советская морская гвардия. За время войны семьдесят восемь кораблей и частей флота были удостоены гвардейского звания. На советском гвардейском военно-морском флаге и бескозырках гвардейцев гордо вьются оранжево-черные ленты ордена Славы, а на груди сияет алый знак «Гвардия».

Георгий АММОН,
капитан 1 ранга.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

